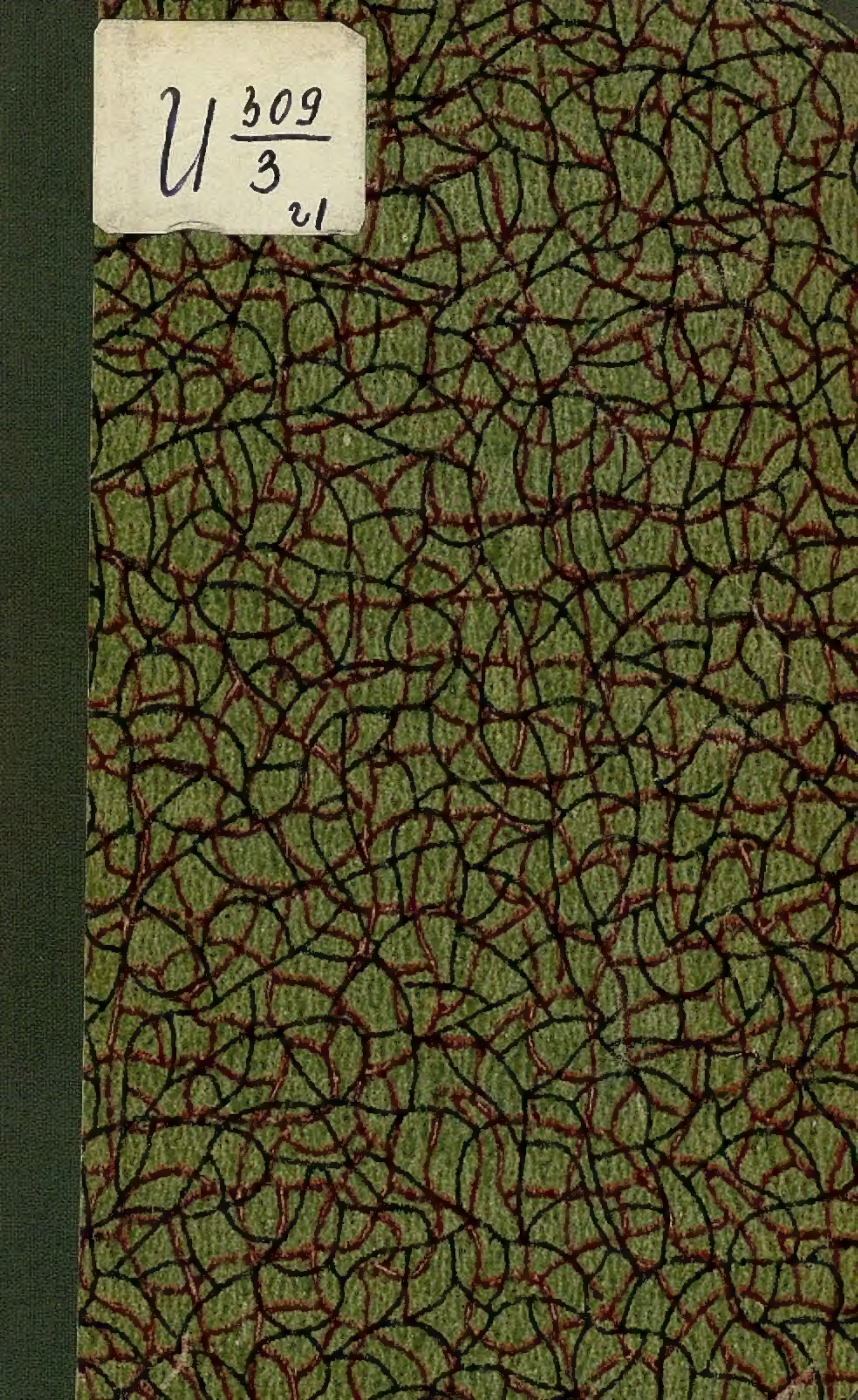

И 309/3
21

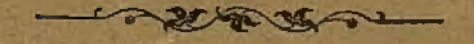
ОЧЕРКИ

НАУКИ О ВОСПИТАНІИ.

ЧАСТЬ I.

ПЕДАГОГИКА.

Состав. П. Тимошенко.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1866.

ОЧЕРКИ

НАУКИ О ВОСПИТАНІИ.

«Истинное воспитаніе есть самое высшее между всѣми благами, и потому никто не долженъ пренебрегать имъ».

Платонъ.

ЧАСТЬ I.

ПЕДАГОГИКА.

Состав. П. Тимошенко.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1866.

Дозволено цензурою. 28 Іюня 1866 года. Кіевъ.

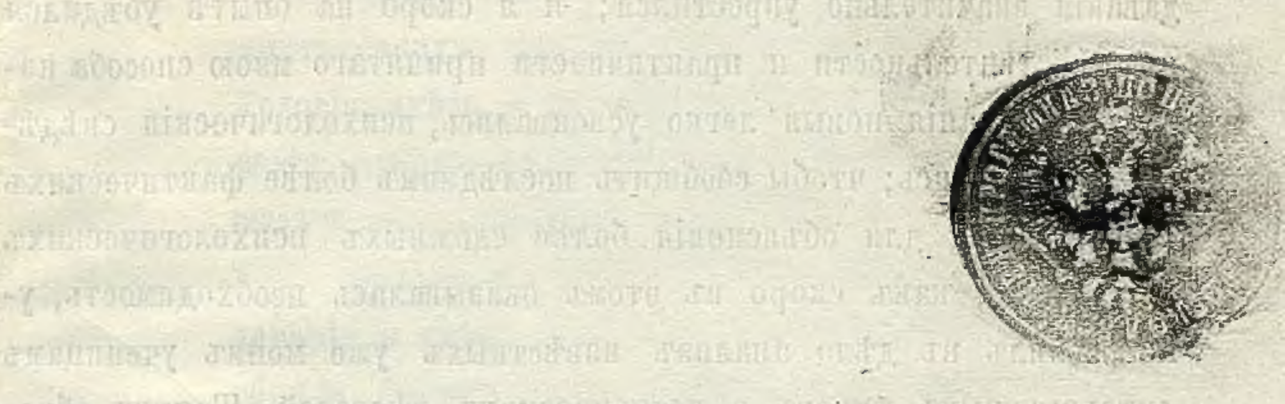
ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строки:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
22	21	*сверху,*	дѣтямъ приходится лежать	дѣти лежать
80	23	—	образуются	образующіеся
93	12	—	*удобными*	*способными*
117	21	—	*симпатическою.*	*дѣятельною.*

Та-же замѣна словъ «симпатическая» словомъ «дѣятельная» — и въ другихъ случаяхъ.

118	2	—	*симпатической*, основанной на широкомъ чувствѣ гуманности.	*дѣятельной,* обнаруживающейся на фактахъ.
119	20	—	правственпаго	умственнаго
137	27	—	симпатическою.	дѣятельною.
138	20	—	симпатическою	дѣятельною
159	9	—	средствами	разумными средствами

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ составленные мною «Очерки науки о воспитаніи», я считаю необходимымъ объяснить читателю условія, при которыхъ они были составлены. Получивъ въ 1864 году предложеніе преподавать вмѣстѣ съ русскою словесностью и педагогику въ харьковскомъ институтѣ, я встрѣтилъ при этомъ много затрудненій по причинѣ отсутствія въ русской литературѣ руководства по этому предмету, которое можно было бы примѣнить къ элементарному преподаванію его. Поэтому, прежде всего я долженъ былъ отыскать въ своихъ слушательницахъ такія изъ пріобрѣтенныхъ уже ими знаній, къ которымъ легко могли бы примкнуть новыя свѣдѣнія и гармонически войдти въ кругъ изучаемыхъ ими наукъ. Знакомство ихъ съ краткимъ очеркомъ психологіи, пріобрѣтенное ими при изученіи словесности, разрѣшило это затрудненіе. Имѣя въ виду это знакомство, я началъ излагать очерки науки о воспитаніи. Скоро я замѣтилъ, что при такихъ условіяхъ сообщаемыя мною новыя свѣдѣнія возбудили въ слушательницахъ необходимую во всякомъ обученіи самодѣятельность; съ появленіемъ ея въ ученицахъ трудъ моего препо-

данія значительно упростился; и я скоро на опытѣ убѣдился въ дѣйствительности и практичности принятаго мною способа изложенія: знанія новыя легко усвоивались, психологическія свѣдѣнія расширялись; чтобы сообщить послѣднимъ болѣе фактическихъ основаній, я, для объясненія болѣе сложныхъ психологическихъ процессовъ, какъ скоро въ этомъ оказывалась необходимость, употреблялъ въ дѣло анализъ извѣстныхъ уже моимъ ученицамъ литературныхъ типовъ и историческихъ дѣятелей. Такимъ образомъ мнѣ удалось соединить теорію съ практикою, безъ чего изложеніе науки о воспитаніи имѣло бы слишкомъ отвлеченный характеръ. При такихъ условіяхъ было положено начало издаваемому мною теперь труду. Принятый мною способъ изложенія устранилъ и другое затрудненіе, съ которымъ я встрѣтился при составленіи своихъ лекцій. Богатство педагогической литературы могло слишкомъ затруднить меня своею разнохарактерностію, разнообразіемъ точекъ зрѣнія на тотъ или другой вопросъ и наконецъ неудобопримѣнимостію къ элементарному преподаванію; мнѣ многое пришлось бы примѣнять къ дѣлу безъ увѣренности въ возможность достигнуть положительныхъ результатовъ. Удержавъ же и при подборѣ матеріала ту точку зрѣнія, съ которой я выходилъ и въ самомъ преподаваніи, я упростилъ самую работу при составленіи лекцій: я пользовался тѣми статьями, въ которыхъ удержана была принятая мною точка зрѣнія — точка зрѣнія опытной психологіи. Относительно же самаго способа употребленія матеріала въ дѣло, считаю обязанностію сказать, что, пользуясь содержаніемъ самыхъ статей, я въ нѣкоторыхъ случаяхъ удерживалъ даже и способъ выраженія, употребляемый авторами статей, если этотъ способъ дѣлалъ для учащихся легко понимаемою ту или другую мысль. Наконецъ, трудъ былъ доведенъ до конца.

Въ 1865 году началъ я преподавать ту-же науку въ педагогическихъ курсахъ для приготовленія сельскихъ учителей. Условія здѣсь я встрѣтилъ менѣе благопріятныя для преподаванія: степень развитія моихъ слушателей и непривычка обращаться съ понятіями, входящими въ составъ педагогіи, затруднили сначала мое дѣло. Но принятый мною прежде способъ преподаванія и здѣсь скоро оказалъ свое дѣйствіе: ученики скоро пріобрѣли навыкъ къ усвоенію педагогическихъ свѣдѣній и вмѣстѣ самостоятельному примѣненію ихъ къ даннымъ случаямъ, которые приводимы были въ формѣ вопросовъ. Кромѣ того, я замѣтилъ, что такой именно способъ изложенія свѣдѣній педагогическихъ развивалъ въ учащихся самонаблюденіе; дѣлалъ ихъ судьями тѣхъ личныхъ качествъ, которыя произведены въ нихъ привычками или воспитаніемъ, и если они находили эти качества несообразными съ требованіями здраваго воспитанія, то измѣняли ихъ къ лучшему. Такимъ образомъ преподаваніе педагогики упорядочивало и душевный бытъ учащихся.—Указать и на этотъ результатъ изученія педагогики я считаю обязанностію, потому, что, сколько мнѣ извѣстно, въ наше время сдѣлана первая попытка преподаванія ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во время пребыванія въ нихъ учащагося, натура его развивается только; дисциплина, образуя вокругъ дѣтей строй и порядокъ, полагаетъ начала нравственнымъ привычкамъ и разумному воспитанію ихъ воли. Педагогика, раскрывая предъ учащимся цѣль разумнаго воспитанія, способствуетъ обращенію въ убѣжденія тѣхъ началъ, которыя стараются въ нихъ развить путемъ воспитательной дисциплины.

Но переписка составленныхъ мною такимъ образомъ лекцій чрезвычайно затрудняла моихъ учениць и учениковъ и внесла въ ихъ занятія много непроизводительнаго труда. Вотъ что сдѣ-

лалось для меня побудительною причиною напечатать свои «Очерки». Но эта причина не есть единственная: у насъ издавали и издаютъ журналы педагогическаго содержанія; въ нихъ помѣщаются статьи, изслѣдующія отдѣльные вопросы; отношенія читателя, незнакомаго съ педагогикою, къ содержанію этихъ статей часто бываетъ очень пассивное; а цѣли, на которыя указываются въ этихъ статьяхъ авторами, могутъ иногда получать и практическое примѣненіе; но этому примѣненію долженъ предшествовать критическій взглядъ на статью; для образованія его необходимо знакомство съ общими основными началами науки. Смѣю надѣяться, что эти «Очерки» способны также служить этой цѣли и дадутъ возможность прочитавшему ихъ оріентироваться въ педагогическихъ вопросахъ; они будутъ дѣйствовать такъ даже и тогда, когда будутъ приносить только отрицательную пользу: потому что они даютъ общую точку зрѣнія на вопросы воспитанія и факты дѣйствительности; выходя изъ нея, изучающій то или другое явленіе въ дѣлѣ воспитанія можетъ совершенно самостоятельно анализировать эти явленія и оцѣнивать ихъ съ большею основательностію и иначе, нежели какъ они оцѣнены мною.

Наконецъ, въ заключеніе я долженъ замѣтить, что въ выводахъ своихъ я не всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ личнаго опыта. Личное мнѣніе я провѣрялъ, сравнивая его съ другими мнѣніями, которыя я находилъ въ разныхъ статьяхъ педагогическаго содержанія; въ этомъ отношеніи я самую солидную помощь находилъ въ прекрасныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Учитель». Конечно, это обстоятельство отняло значительную долю самостоятельности у моего труда; но, при ограниченности моей опытности въ дѣлѣ воспитанія, излишняя заботливость — сообщить своему труду характеръ самостоятельности могла бы только уменьшить степень полезности его въ практическомъ примѣненіи.

Обнаруживъ такимъ образомъ передъ читателемъ процессъ составленія этихъ «Очерковъ», и условія, при которыхъ они примѣнялись къ дѣлу преподаванія, я долженъ указать теперь на пособія, которыми я пользовался:

1) Alexander Bain, «The Emotions and the Will». London. 1859.

2) Его-же. «The senses and the intellect». Lond. 1855.

3) Joh. Stuart Mill. «A system of Logic, ratiocinative and inductive». Vol. 1—2.

4) Шнель, «Органическое воспитаніе въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ».

5) Вессель, «Опытная психологія въ примѣненіи къ воспитанію и обученію дѣтей». Спб. 1861.

6) J. J. Rousseau, «Emile ou de l'éducation». P. 1862.

7) Дежерардо, «Нормальный курсъ для первоначальныхъ наставниковъ или руководство къ физическому, нравственному и умственному воспитанію въ первоначальныхъ школахъ». Спб. 1838.

8) Маушнеръ, «Руководство къ правильному воспитанію дѣтей въ первомъ возрастѣ.

9) Necker de Saussure, «Éducation progressive». T. 1—2. Paris.

10) Кестнеръ, «Какъ бываетъ и какъ быть могло бы». Педагогическія мысли.

11) «Питаніе и выборъ пищи», Реклама. Спб. 1865.

12) «Необходимыя свѣдѣнія для родителей и воспитательницъ». Составл. по Шмидту. Спб. 1862.

13) Юркевичъ, «Чтеніе о воспитаніи». Москва. 1865.

14) Бѣловъ, «Педагогическія письма къ матерямъ семействъ». Спб. 1864.

15) Wooler, «Physiology of Education».

16) Гегель, «Философія духа». Москва. 1864.

17) Надеждинъ, «Опытъ науки философіи». Спб. 1845.

18) «Руководство къ воспитанію и обученію». Сочиненіе д-ра Шварца, передѣланное Куртманомъ. Спб. 1859.

19) Герлингъ, «Руководство къ здоровому воспитанію дѣтей». Спб. 1865.

20) Многія статьи педагогическаго содержанія, помѣщенныя въ «Журналѣ мин. народн. просвѣщенія».

21) Наконецъ, русскіе педагогическіе журналы, особенно журналъ «Учитель».

Вторая часть этихъ «Очерковъ» — Дидактика, тоже почти готова и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

ВВЕДЕНІЕ.

—

The highest force in the universe is mind: — the first business of intellect, is to teach mankind those duties which lead to happiness. Wooler, «Physiology of Education».

—

О важности и значеніи воспитанія нѣтъ надобности распространяться; благодѣянія, доставляемыя имъ человѣку, очевидны для всякаго. Но каждому извѣстно также и то, что съ такими благодѣтельными результатами воспитаніе является только тогда, когда оно будетъ правильно; являясь съ такимъ характеромъ, оно устраиваетъ благополучіе наше въ жизни и облагораживаетъ нашу общественную дѣятельность. Поэтому содѣйствовать правильному воспитанію своихъ ближнихъ есть обязанность высокая и священная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень трудная. Въ самомъ дѣлѣ, каждый болѣе или менѣе можетъ опредѣлить, что такое правильное воспитаніе, но каждый ли можетъ осуществить его на дѣлѣ? Воспитатель въ этомъ случаѣ можетъ быть окруженъ различными затрудненіями: если воспитатель предоставленъ самому себѣ, то единственнымъ средствомъ, единственнымъ указателемъ на то, что̀ такое правильно въ дѣлѣ воспитанія, и что нѣтъ, является личный его опытъ. Но результатъ опыта опредѣля-

ется послѣ его окончанія; воспитатель, какъ и всякій человѣкъ, можетъ впадать въ ошибки; послѣдствія ошибокъ и заблужденій, сопровождаясь вездѣ болѣе или менѣе печальными результатами, въ дѣлѣ воспитанія большею частію являются неисправимымъ зломъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что воспитатель выработалъ себѣ извѣстный взглядъ на то, въ чемъ состоитъ правильное воспитаніе; онъ примѣняетъ свой взглядъ къ дѣлу, и потомъ, когда приводитъ воспитаніе къ концу, замѣчаетъ, что цѣли, которыя стремился осуществить въ своихъ воспитанникахъ посредствомъ своихъ воспитательныхъ дѣйствій, остались недостигнутыми, что, вмѣсто блага, онъ принесъ имъ зло. Теперь спрашивается: какъ поправить это зло? Воспитанникъ уже выходитъ изъ его рукъ, возрастъ его и сложившійся уже характеръ дѣлаютъ перевоспитаніе совершенно невозможнымъ. Зло, такимъ образомъ, неумышленно произведенное, можетъ быть исправлено только случайнымъ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Слѣдовательно, собственныя усилія каждаго воспитателя, при всей искренности его, благонамѣренности и благородныхъ стремленіяхъ, не всегда могутъ приводить его воспитательную дѣятельность къ удовлетворительному результату; для этого нужно время, пока онъ собственнымъ опытомъ убѣдится въ разумности и дѣйствительности тѣхъ или другихъ воспитательныхъ пріемовъ. Но пока онъ до этого дойдетъ, его ошибки будутъ падать тяжелыми послѣдствіями на натуру его воспитанниковъ: они своею испорченностію или неудовлетворительностію своего воспитанія должны будутъ убѣдить его въ неразумности употребленныхъ имъ пріемовъ. Подобный исходъ дѣла и на самаго воспитателя имѣетъ неблагопріятное вліяніе: не достигнувъ своихъ результатовъ, воспитатель послѣ нѣсколькихъ неудачъ, дѣлается нерѣшительнымъ; вводя какой - нибудь воспитательный пріемъ, при

первыхъ признакахъ его неудовлетворительности, бросаетъ его и замѣняетъ другимъ; это будетъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ добросовѣстнѣе смотритъ на свое дѣло воспитатель; отъ этого его воспитательная дѣятельность теряетъ свою стройность, необходимую энергію и опредѣленность, что не можетъ неимѣть дурнаго вліянія на воспитанниковъ.

Все это указываетъ на необходимость науки, которая привела бы неопытнаго воспитателя къ положительнымъ свѣдѣніямъ въ дѣлѣ воспитанія и представила бы ему опыты многихъ вѣковъ, результатами которыхъ онъ могъ бы воспользоваться въ своей дѣятельности. Такою наукою является *педагогика*. Но вѣдь человѣчество идетъ впередъ, потребности его измѣняются, понятія становятся шире, однимъ словомъ — во всемъ замѣчается постепенное усовершенствованіе. Воспитаніе же должно дѣйствовать на человѣка современнаго, должно ускорить для него пріобрѣтеніе развитія, необходимаго въ данное время. Поэтому могутъ ли опыты и выводы науки о воспитаніи, сдѣланные въ прошедшемъ, годиться для настоящаго времени? Отвѣчая на послѣдній вопросъ, мы должны опредѣлить, въ чемъ состоитъ воспитаніе вообще и какимъ путемъ педагогика вырабатываетъ свои пріемы для него.

Воспитаніе различными писателями опредѣляется различно; но между всѣми этими опредѣленіями есть много и общаго, такъ что всѣ ихъ можно свести къ слѣдующему: *воспитаніе есть намѣренное дѣйствіе взрослыхъ на малолѣтнихъ, направленное на развитіе ихъ способностей съ цѣлію содѣйствовать въ нихъ осуществленію возможнаго человѣческаго совершенства*. Такимъ образомъ изъ опредѣленія этого видно, что цѣль воспитанія — *возможное человѣческое совершенство*, а средство для этой цѣли — *развитіе способностей*.

Но въ чемъ состоитъ человѣческое совершенство? Вопросъ этотъ у различныхъ народовъ въ разныя времена рѣшался различно: это зависѣло отъ степени образованности того или другаго народа вообще. Подробное изложеніе того, какъ постепенно измѣнялось понятіе о человѣческомъ совершенствѣ, завело бы насъ слишкомъ далеко; для нашей цѣли достаточно будетъ сказать, что самое широкое понятіе о совершенствѣ принесено въ міръ христіанствомъ. По ученію христіанскому, совершенство это состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ въ жизни своей духовной и въ практической дѣятельности стремился къ совершенству божественному. Очевидно, что къ подобному совершенству человѣкъ можетъ только стремиться, но достигнуть его не можетъ. И цѣль воспитанія въ этомъ случаѣ ограничивается только тѣмъ, что оно создаетъ это стремленіе въ человѣкѣ, и какъ скоро это стремленіе образовалось въ немъ, тогда воспитаніе оканчивается, и начинается самовоспитаніе; послѣднее главнымъ образомъ совершается уже подъ вліяніемъ современной жизни, въ которую дѣятелемъ вступаетъ воспитанникъ. — Чѣмъ основательнѣе было воспитаніе, тѣмъ правильнѣе будетъ самовоспитаніе и тѣмъ большая степень совершенства возможна для него.

Средствомъ для достиженія своей цѣли, какъ мы сказали, выбираетъ педагогика *развитіе данныхъ человѣку способностей*. При этомъ дѣйствіи своемъ, она опирается на положительномъ неизмѣнномъ основаніи — *на законахъ, которыхъ вліянію подчиняется развитіе способностей человѣка*. Законы эти остаются всегда одни и тѣ-же; воспитатель можетъ въ большей или меньшей степени выяснить ихъ себѣ и ими воспользоваться для своихъ цѣлей; отъ этого будетъ зависѣть и его успѣхъ. Далѣе, для развитія способностей необходимо *возбуждать ихъ дѣятельность*. Средствомъ для послѣдней цѣли служатъ воспитателю вырабо-

танныя человѣчествомъ знанія; и такъ-какъ знанія эти постоянно тоже расширяются, то слѣдовательно умножается при этомъ и матеріалъ, которымъ педагогика возбуждаетъ дѣятельность развиваемыхъ ею способностей. — Задача воспитанія въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы сообщить воспитаннику знаній настолько и въ такомъ видѣ, чтобы, владѣя ими, онъ могъ продолжать усвоеніе ихъ самостоятельно въ періодъ самовоспитанія.

И такъ, измѣняется только матеріалъ, которымъ педагогика возбуждаетъ дѣятельность способностей и ихъ развиваетъ сообразно съ современными потребностями, но законы, на которые она опирается, остаются неизмѣнными, а слѣд. и опыты прошлаго въ дѣлѣ воспитанія годны и для нашего времени. Но педагогика, имѣя въ виду развитіе въ воспитанникѣ путемъ воспитанія возможнаго человѣческаго совершенства, имѣетъ еще и другую цѣль болѣе частную — сообщеніе воспитаннику основательныхъ познаній, съ которыми онъ выступаетъ дѣятелемъ въ практической жизни. Это образуетъ особенную часть педагогики — *дидактику*. Тутъ имѣется въ виду уже частная цѣль — *возможно большее совершенство познаній*. Мы видѣли, что въ педагогикѣ познанія являются *средствомъ* для развитія способностей, а здѣсь тѣ-же познанія являются *цѣлію*. Слѣдовательно, дидактика должна облегчить усвоеніе извѣстныхъ познаній. Но такъ-какъ облегчить это усвоеніе можно не иначе, какъ вмѣстѣ развивая и способности ученика и тѣмъ приготовляя его къ дальнѣйшему обученію, то дидактика, имѣя въ виду выполненіе своей цѣли, дѣйствуетъ на воспитанника такъ-же, какъ и педагогика; и дѣло ея состоитъ только въ томъ, чтобы расположить познанія по степени ихъ трудности, имѣя при этомъ въ виду уровень развитія учащихъ, и притомъ такъ, чтобы при усвоеніи сгруппированнаго ею матеріала познаній сообщалось бы правильное и гармоническое развитіе способностямъ учениковъ.

Подробности относительно того, какъ долженъ въ этомъ случаѣ поступать воспитатель, изложены въ своемъ мѣстѣ.

По видимому такая важная наука, какова педагогика, служащая такому важному дѣлу, какъ воспитаніе, должна бы пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Но на дѣлѣ выходитъ иное. Литература всѣхъ народовъ въ лицѣ своихъ дѣятелей представляетъ много противниковъ этой науки. Одни изъ нихъ говорятъ, что человѣчество идетъ впередъ; пусть воспитываютъ дѣтей, какъ прежде, и это шествіе впередъ человѣчества не остановится; оно по прежнему будетъ дѣлать успѣхи, какъ вообще, такъ и въ частности. Правда, человѣчество идетъ впередъ, — оно призвано къ постоянному совершенству; но въ этомъ шествіи впередъ должно обнаруживаться гармоническое и всестороннее развитіе духовныхъ силъ человѣка и притомъ — въ уровень съ современнымъ состояніемъ цивилизаціи, а къ этому только и можетъ привести правильное воспитаніе, основанное на положительныхъ данныхъ науки, избравшей своею спеціальностію — открытіе законовъ, при помощи которыхъ можно содѣйствовать всестороннему усовершенствованію человѣка. Заключимъ это разсужденіе словами Шварца: «иногда, говоритъ онъ, способъ воспитанія и понятія о немъ внушаетъ здравый смыслъ, чувство, какъ-бы сама природа, и эти понятія бываютъ превосходны. Геніальные взгляды на воспитаніе конечно предшествовали наукѣ объ немъ; многіе родители, руководствуясь однимъ природнымъ чувствомъ и здравымъ смысломъ, превосходно воспитали своихъ дѣтей, даже лучше, чѣмъ по правиламъ ученыхъ. Но, основываясь на этомъ, мы не смѣемъ такое важное дѣло, какъ воспитаніе, предоставлять случаю; и даже въ такихъ случаяхъ, когда воспитаніе удалось безъ науки, оно вѣрно принесло бы болѣе пользы при ея содѣйствіи. Признавъ воспитаніе священною

обязанностію, уже по тому самому мы должны уяснить себѣ свои понятія объ немъ».

Другіе говорятъ, что воспитателю приходится дѣйствовать своими воспитательными пріемами на душу человѣка, которая въ сущности своей непостижима; а по проявленію своей дѣятельности она представляетъ изумительное разнообразіе, особенно если эту дѣятельность мы наблюдаемъ во многихъ лицахъ; слѣдовательно, воспитателю представляются непреодолимыя трудности: онъ, дѣйствуя однимъ и тѣмъ-же началомъ на различныхъ лицъ, достигаетъ разнообразныхъ результатовъ. Положимъ, это отчасти такъ. — Дѣйствительно, духовный міръ человѣка представляетъ изумительное разнообразіе; но въ періодъ воспитанія человѣка это разнообразіе только развертывается, всѣ способности человѣка являются силою еще не слишкомъ сложною, которою удобно поэтому руководить и можно привести къ болѣе или менѣе опредѣленному направленію. Жизнь дѣйствительная и исторія подкрѣпляютъ наше предположеніе. — При всемъ разнообразіи понятій въ обществѣ, мы всегда можемъ уловить руководящія начала, — подъ вліяніемъ которыхъ понятія у людей о многихъ и очень многихъ предметахъ почти сходны. Это указываетъ намъ на присутствіе въ духовной жизни человѣка неизмѣнныхъ законовъ, которые управляютъ формами развитія дѣятельности этой жизни; а эти законы и имѣетъ педагогика въ виду при воспитаніи. Съ другой стороны, есть много другихъ наукъ, которыя на практикѣ встрѣчаютъ не менѣе затрудненій, напр. медицина, и это не мѣшаетъ ей пользоваться правами на полезность и даже необходимость...

Приводить всѣ возраженія, дѣлаемыя противъ педагогики, нѣтъ особенной надобности; можно замѣтить только, что недовѣряющіе ей ссылаются нерѣдко и на неудовлетворительность результа-

товъ воспитанія во многихъ случаяхъ; но факты, на которые они указываютъ при этомъ, не могутъ быть поставлены въ вину самой педагогикѣ; они въ большей части случаевъ происходятъ отъ неудовлетворительнаго примѣненія педагогики къ дѣлу, или отъ такого воспитанія, гдѣ воспитатель въ своей педагогической дѣятельности давалъ много значенія своему личному произволу, или гдѣ воспитаніе шло неправильно. Такъ, нерѣдко случается, что первоначальное воспитаніе главнымъ образомъ дѣйствуетъ на возбужденіе ума дѣтей и оставляетъ безъ упражненія способности болѣе дѣятельныя въ дѣтскомъ возрастѣ. Такое воспитаніе, являясь ненормальнымъ, скоро утомляетъ дѣтей, и результаты его въ рѣдкихъ случаяхъ будутъ удовлетворительны; причина этого конечно заключается въ томъ, что при такомъ воспитаніи упущена изъ вида постепенность, съ которою развиваются способности ребенка, а потому воспитаніе шло неправильно.

Случается и такъ, что заботятся о развитіи только душевныхъ способностей, оставляя безъ вниманія воспитаніе тѣла; отсюда еще болѣе будетъ происходить печальныхъ послѣдствій; но такое воспитаніе осуждаетъ и сама педагогика, и неудовлетворительность его не можетъ быть поставлена ей въ вину. Не распространяясь болѣе въ приведеніи другихъ обстоятельствъ, которыя могутъ давать поводъ противникамъ науки о воспитаніи вооружаться противъ ея пользы; скажемъ однако, что для того, чтобы воспитатель могъ удовлетворительно выполнить свое дѣло, онъ кромѣ педагогики, долженъ хотя въ общихъ чертахъ познакомиться и съ другими науками, имѣющими своимъ предметомъ человѣка. Только въ такомъ случаѣ уяснятся для него всѣ обстоятельства, при которыхъ ему приходится примѣнять къ дѣлу то или другое воспитательное дѣйствіе.

Къ такимъ наукамъ относятся: физіологія и гигіена, на которыхъ воспитатель долженъ основывать физическое воспитаніе дѣтей; психологія, на которую онъ долженъ опираться при духовномъ развитіи дѣтей, и наконецъ, исторія, особенно исторія педагогики, которая можетъ доставить воспитателю возможность судить о степени разумности той или другой педагогической мѣры, указывая ему на историческіе факты. Только владѣя всѣми этими свѣдѣніями, воспитатель можетъ надлежащимъ образомъ воспользоваться тѣми воспитатательными средствами, которыя предлагаетъ ему педагогика. Это особенно будетъ возможно тогда, когда воспитатель, прежде нежели самъ приступитъ къ дѣлу воспитанія, нѣкоторое время будетъ заниматься подъ руководствомъ болѣе опытнаго педагога; потому что на практикѣ всегда возникаетъ много непредвидимыхъ обстоятельствъ, которыя также нужно принимать во вниманіе, когда примѣняютъ къ дѣлу какое-нибудь педагогическое начало. Такимъ путемъ можно скорѣе въ молодомъ воспитателѣ развить умѣнье пользоваться совѣтами педагогики.

ЧАСТЬ I.

—

ПЕДАГОГИКА.

—

И такъ, педагогика есть наука, показывающая, какъ нужно пользоваться естественными законами, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе физическихъ и духовныхъ силъ человѣка, для того, чтобы создать въ немъ стремленіе къ самоусовершенствованію.

Такъ-какъ человѣкъ первоначально живетъ только физическою жизнію, то поэтому воспитаніе тѣла должно предшествовать воспитанію духовному.

Человѣческое тѣло состоитъ изъ различныхъ системъ органовъ, посредствомъ которыхъ оно, принявши новыя вещества, переработавши ихъ, нѣкоторыя усвоиваетъ себѣ, а другія, излишнія и отжившія, выдѣляетъ посредствомъ испаренія, выдыханія и проч. Въ этомъ процессѣ всѣ старыя частицы тѣла постоянно замѣняются новыми, такъ что по прошествіи 7 лѣтъ, какъ говорятъ физіологи, въ тѣлѣ не остается ни одной изъ прежнихъ частицъ. Эта-то перемѣна старыхъ частицъ на новыя и составляетъ жизнь тѣла; какъ скоро этотъ обмѣнъ прекращается, то прекращается и самая жизнь. — Какъ это совершается и посред-

ствомъ какихъ системъ органовъ — это извѣстно изъ физіологіи, и излагать это здѣсь считаемъ излишнимъ. Для нашей цѣли пока необходимъ одинъ физіологическій фактъ, именно, что первый періодъ физической жизни ребенка продолжается до 7 лѣтъ, второй — до 14, третій — до 21 года и т. д.

Отъ этого указанія физіологіи, относительно періодовъ возраста, мы, для удобства изложенія правилъ физическаго воспитанія, должны сдѣлать небольшое отступленіе, именно: продлить первый періодъ дѣтскаго возраста до 10 лѣтъ. — Оправданіемъ подобнаго отступленія можетъ служить то, что съ десятилѣтняго возраста большею частію начинаютъ учить дѣтей систематически, когда условія физической жизни дитяти значительно измѣняются: это — во 1-хъ; а во 2-хъ, въ этомъ возрастѣ уже яснѣе обозначается характеръ тѣлосложенія ребенка, или его темпераментъ, примѣняясь къ которому, болѣе или менѣе видоизмѣняются и воспитательные пріемы.

Физическое воспитаніе въ первый періодъ, т. е. до 10 лѣтъ, имѣетъ въ виду укрѣпленіе тѣла дитяти, поддержаніе правильности въ отправленіяхъ его физической жизни, и воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ, какъ играющихъ весьма важную роль въ возбужденіи духовной дѣятельности ребенка; а также полагаются въ немъ начала привычкѣ повелѣвать потребностями своего тѣла.

Физическое же воспитаніе во второй періодъ, имѣя въ виду сбереженіе физическаго здоровья дитяти, стремится въ то-же время установить надлежащія гармоническія отношенія между духовною его природою и физическою; здѣсь расширяется и совершенствуется дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и продолжается развитіе въ ребенкѣ привычки владѣть своимъ тѣломъ, и вообще самообладанія; какъ поступать въ этомъ случаѣ, — на многое указываетъ темпераментъ, отъ

котораго въ значительной степени зависитъ склонность дитяти къ тому или другому характеру дѣятельности. — Такимъ образомъ физическое воспитаніе вообще имѣетъ двѣ задачи: a) Развить и укрѣпить тѣло, и b) сдѣлать воспитанника способнымъ повелѣвать своимъ тѣломъ.

I. ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ 1-й ПЕРІОДЪ.

Физическое воспитаніе въ первый періодъ должно подчиняться общимъ гигіеническимъ правиламъ относительно пищи, помѣщенія, питья, одежды и пр. Къ изложенію этихъ правилъ мы и приступаемъ.

a) Пища дѣтей.

Пища имѣетъ чрезвычайно важное вліяніе на здоровое развитіе дитяти; хотя и утвердилось въ общежитіи мнѣніе, что человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему, но это едва-ли можетъ быть примѣнено къ употребленію пищи ребенкомъ, а потому вниманіе родителей или воспитателей прежде всего должно быть обращено на *свойство* пищи и ея *количество*; это тѣмъ болѣе необходимо потому, что у дѣтей дѣятельность пищеварительныхъ органовъ отличается особенною энергіею; послѣднее обстоятельство и вводитъ часто родителей въ опасныя для жизни дитяти заблужденія: они думаютъ, что нужно дѣтямъ больше и чаще ѣсть, и, слѣдуя этому убѣжденію, обременяютъ безъ мѣры пищеварительный аппаратъ дитяти и тѣмъ вносятъ въ организмъ его болѣзни, которыя часто оканчиваются смертію. Чтобы предупредить подобныя печальныя случайности, необходимо указать на то, какъ нужно обращаться съ питаніемъ ребенка. — Здѣсь надобно имѣть въ виду два правила: a) чтобы количество пищи соотвѣтствовало возрасту дитяти, и b) чтобы пища по своему качеству была невредна для ребенка.

а) Если ребенокъ употребляетъ слишкомъ много пищи, то скоро въ организмѣ его появляются болѣзненные припадки, обнаруживаясь первоначально въ пищеварительномъ аппаратѣ. Происходитъ это по весьма естественнымъ причинамъ. Ребенка поминутно кормятъ; желудокъ его отъ этого утомляется; нормальная его дѣятельность замѣняется болѣзненною, и въ немъ обнаруживается воспаленіе. Случается, впрочемъ, и такъ, что эта болѣзнь не сразу обнаруживается, — что еще хуже; потому что родители считаютъ количество пищи, даваемое ребенку, нормальнымъ, а потому его и не уменьшаютъ. Заблужденіе это можетъ длиться иногда нѣсколько недѣль, а иногда и нѣсколько мѣсяцевъ; воспаленіе, къ которому ребенокъ такимъ образомъ бываетъ приготовляемъ, появляется отъ какой-нибудь внѣшней причины, напр. лѣтняго зноя, и ставитъ неожиданно жизнь дитяти въ опасное положеніе.

А между тѣмъ до этого рѣшительнаго момента ребенокъ заявлялъ своимъ крикомъ о болѣзненности процессовъ, въ немъ совершавшихся. Но крикъ ребенка только поддерживалъ заблужденіе родителей: они думали, что ребенокъ плачетъ отъ голода, и старались унять его кормленіемъ. Ребенокъ дѣйствительно умолкалъ, но почему? При воспалительномъ состояніи его пищеварительнаго аппарата, онъ чувствуетъ жажду. Кормленіе освѣжаетъ его ротъ и гортань и нѣсколько унимаетъ жаръ въ тѣлѣ. Но скоро страданія отъ принятаго вновь количества пищи усиливаются, и ребенокъ начинаетъ плакать еще болѣе. Ясное дѣло, что въ такихъ случаяхъ нужно давать ему не пищу, а какое-нибудь прохладительное питье и прибѣгать къ врачебной помощи. Случается впрочемъ, что и при излишнемъ количествѣ пищи не замѣчается особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ въ пищеварительныхъ органахъ дитяти. Въ такомъ случаѣ зло обнаруживается другимъ путемъ: въ организмѣ его появляется полносочіе, отчего дитя дѣла-

ется очень тучнымъ; тѣло его становится твердымъ и даже жесткимъ; лице покрывается сильнымъ румянцемъ и при малѣйшемъ поводѣ оживляется; на кожѣ въ различныхъ мѣстахъ появляются прыщи, и скоро обнаруживается, что у ребенка золотуха.

Большое вліяніе также на здоровье ребенка имѣетъ *правильность и постоянство во времени,* когда его кормятъ. Первоначально, впрочемъ, нужно держаться такого правила: если ребенокъ будетъ старообразнымъ и слабаго сложенія, то его слѣдуетъ кормить чаще, если же онъ отличается полнотою, то — рѣже. Когда же пройдутъ первыя три недѣли жизни ребенка, то необходимо пріучать его къ принятію пищи въ опредѣленное время. Въ такомъ только случаѣ питаніе ребенка будетъ правильно.

b) Какое качество должна имѣть пища для дитяти — это опредѣляется самою природою, но иногда родители и воспитатели бываютъ вынуждены прибѣгать къ искусственному кормленію, т. е. кормятъ ребенка молокомъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи болѣе всего къ естественной пищѣ ребенка подходитъ молоко ослицы. Но молока ослицы иногда очень трудно достать, поэтому его замѣняютъ молокомъ коровьимъ или козьимъ, разбавляя притомъ его водою и прибавляя къ раствору сахару. Но козье молоко не всякій ребенокъ можетъ охотно употреблять, потому что оно имѣетъ непріятный запахъ, поэтому всегда почти употребляютъ молоко коровье. Но чтобы кормленіе молокомъ коровьимъ принесло ребенку наименѣе вреда, необходимо обращать вниманіе на то, чтобы корова, у которой берутъ молоко для этого, была совершенно здорова, чтобы она какъ можно болѣе была въ движеніи и пользовалась опредѣленнымъ кормомъ. Вредно въ этомъ случаѣ кормить корову капустою или бардою. Но, и при соблюденіи вышеозначенныхъ условій, ребенку нельзя давать цѣльнаго коровьяго молока, а слѣдуетъ его разводить водою. Количество воды, приливаемой къ молоку, нужно постепенно

уменьшать, соображаясь съ возрастомъ дитяти. — Въ теченіи перваго мѣсяца его жизни нужно на одну треть молока вливать двѣ трети воды, прибавляя къ этой смѣси немного толченаго сахара. На второмъ мѣсяцѣ молоко и воду можно брать пополамъ, на третьемъ — одну треть воды нужно брать на двѣ трети молока; на четвертомъ — только четвертую часть воды, а на пятомъ — можно давать и цѣльное молоко. Молоко или смѣсь должно давать ребенку тепловатымъ. Самое же кормленіе при этомъ совершается посредствомъ особенно устроенныхъ рожковъ.

Если при такомъ способѣ кормленія ребенокъ веселъ, хорошо укрѣпляется, покоенъ по ночамъ, то можно надѣяться, что искусственное кормленіе идетъ ему въ-прокъ. Если же, напротивъ, ребенокъ безпокоенъ, ростъ его не увеличивается, то необходимо прибѣгнуть къ совѣту врача, что къ несчастію не всегда исполняется; а обыкновенно, когда замѣчаютъ болѣзненные припадки въ ребенкѣ въ это время, то къ смѣси прибавляютъ пастой анисовыхъ или укропныхъ сѣмянъ; эта примѣсь почти всегда вмѣсто пользы приноситъ вредъ.

Когда ребенокъ достигаетъ семимѣсячнаго возраста, то часто молока для питанія его бываетъ недостаточно, и онъ, послѣ кормленія, скоро начинаетъ кричать и часто брать пальцы въ ротъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ къ молоку прибавлять четвертую или третью часть бульона изъ телятины, чтобы сдѣлать питаніе болѣе удовлетворительнымъ. Но на практикѣ, ко вреду ребенка, этого стараются достигнуть иначе: когда ребенокъ достигъ уже такого возраста, когда молоко не вполнѣ удовлетворяетъ его питанію, и онъ отъ голода плачетъ, то для успокоенія его даютъ ему соску изъ хлѣба съ сахаромъ, къ которой прибѣгаютъ впрочемъ и раньше. При этомъ забываютъ, что масса, находящаяся въ соскѣ, можетъ испортиться, разложиться, произвести кислоту въ желудкѣ и изъязв-

ленія во рту; не говоря уже о томъ, что иногда ребенокъ можетъ и подавиться ею.

Кромѣ молока, при искусственномъ кормленіи, пробовали употреблять другія питательныя вещества, каковы: рисовый и овсяный отваръ; но эту пищу принуждены были скоро оставить и снова прибѣгали къ молоку. Единственное вещество, способное въ случаѣ необходимости замѣнить молоко, есть, такъ называемое, куриное молоко. — Это не что иное, какъ смѣсь свѣжихъ яичныхъ желтковъ съ водою и сахаромъ. Для этого берутъ половину желтка и разбиваютъ его въ двухъ чашкахъ тепловатой воды съ примѣсью небольшаго количества сахару. Эта смѣсь особенно полезна, если ребенокъ страдаетъ разстройствомъ пищеваренія. Но долго употреблять ее вредно. Очень полезно также, какъ средство, замѣняющее молоко, — говяжій чай, употребляемый въ Англіи. Его приготовляютъ такимъ образомъ: берутъ сырое свѣжее мясо, разрѣзываютъ его, обливаютъ кипяткомъ и оставляютъ въ такомъ видѣ на 4 часа, потомъ выжимаютъ мясо и къ настою прибавляютъ соли. Для кормленія же особенно исхудалыхъ дѣтей очень полезнымъ оказался холодный говяжій бульонъ Либиха. — Его приготовляютъ такъ: берутъ $^1/_2$ фунта свѣжаго куринаго мяса или говядины и потомъ $1^1/_8$ фунта очищенной воды, къ ней прибавляютъ 4 капли чистой соляной кислоты и $^1/_8$ лота поваренной соли, и, заливъ всѣмъ этимъ мясо, оставляютъ его на 1 часъ. Потомъ процѣживаютъ смѣсь черезъ сито и приливаютъ въ это время еще $^1/_2$ фунта воды.

Но, вообще говоря, искусственное кормленіе, каково бы оно ни было, рѣдко сопровождается благопріятными результатами; огромное число дѣтей умираетъ отъ него.

Когда у ребенка появляются въ достаточномъ количествѣ зубы, то характеръ его кормленія измѣняется. Начиная съ этого вре-

мени, можно давать ему не одну жидкую пищу, потому что вмѣстѣ съ зубами онъ пріобрѣтаетъ способность жевать; железы, выдѣляющія слюну, которая играетъ очень важную роль въ пищевареніи, совершенно развиваются, и ребенокъ поэтому можетъ уже питаться и твердою пищею.

Какого же рода пищу безопасно давать дѣтямъ въ это время? Нѣкоторые говорятъ, что лучше всего давать дѣтямъ растительную пищу, на томъ основаніи, что мясная пища можетъ развить въ ребенкѣ расположеніе къ дикости и злымъ свойствамъ, указывая при этомъ, какъ на подтвержденіе своего мнѣнія, на кроткіе нравы тѣхъ народовъ, которые исключительно питаются пищею растительною. Мнѣніе это имѣетъ нѣкоторую основательность. Въ самомъ дѣлѣ, исключительно мясная пища дѣлаетъ нравъ нашъ болѣе или менѣе суровымъ и запальчивымъ; для предупрежденія этого можно употреблять и мясную и растительную пищу вмѣстѣ, руководствуясь при этомъ такимъ правиломъ, что дитя отъ 3 до 5 лѣтъ можетъ употреблять болѣе пищу животную, а отъ 5 — пищу болѣе растительную.

Но и здѣсь также слѣдуетъ наблюдать: a) умѣренность и b) постоянство во времени однажды опредѣленномъ для принятія пищи.

a) Противъ умѣренности въ употребленіи пищи часто погрѣшаютъ родители и здѣсь, хотя уже по другимъ причинамъ нежели прежде; боясь повредить здоровью тѣла дѣтей и истощить ихъ силы, имъ даютъ ѣсть много. Но подобныя опасенія совершенно неосновательны, и ихъ совершенно разсѣеваетъ практика и историческіе факты. Спартанцы, напр., воспитывали своихъ дѣтей въ умѣренности, и нельзя сказать, чтобы они потомъ страдали слабостію здоровья; то-же самое было и у римлянъ. Скорѣе можно опасаться вреда отъ неумѣренности въ пищѣ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ съ небольшимъ видоизмѣненіемъ то-же, о чемъ мы уже говорили, т. е.

если ребенку даютъ слишкомъ много пищи, то желудокъ его, не будучи въ состояніи ее переварить, ослабляется; непереваренная же пища разлагается, приходитъ въ гнилостное броженіе, раздражаетъ оболочку, покрывающую пищевые органы, и производитъ воспаленія, которыя имѣютъ часто очень серьезный характеръ. Кромѣ того, исторія свидѣтельствуетъ о вредномъ дѣйствіи неумѣренности въ пищѣ даже и на умственныя способности. Такъ, въ нѣкоторыхъ странахъ въ прежнее время было очень много слабоумныхъ; этотъ фактъ не могъ не поразить вниманія мыслящихъ людей. Когда стали изслѣдовать причину этого печальнаго явленія, то нашли, что она между прочимъ заключается въ томъ, что дѣти, оказавшіяся въ послѣдствіи тупыми, употребляли въ дѣтствѣ пищу жирную и неудобоваримую. Когда устранена была эта причина, слабоуміе сдѣлалось явленіемъ болѣе рѣдкимъ.

b) Для сохраненія тѣлеснаго здоровья, кромѣ умѣренности и разборчивости въ пищѣ, необходимо еще наблюдать и здѣсь какъ и прежде опредѣленное время для ея принятія; и разъ опредѣливши это время, слѣдуетъ по возможности сохранять его постоянно. Когда ребенка пріучаютъ ѣсть въ теченіи цѣлаго дня, то жевательный снарядъ его находится въ безпрестанной дѣятельности, слюнныя железы и слизистая оболочка рта возбуждаются къ постоянному выдѣленію жидкости; кровь въ избыткѣ приливаетъ къ полости рта, почему эта полость часто воспаляется; въ послѣднемъ случаѣ слюна становится острою, дѣйствуетъ, какъ ѣдкія вещества на зубы, отчего онѣ чернѣютъ и портятся. Желудокъ и вообще пищеварительный аппаратъ никогда не имѣютъ отдыха, отчего и тотъ и другой ослабѣваютъ.

Относительно того, какое питье нужно давать дѣтямъ, слѣдуетъ замѣтить, что лучшее питье — вода, и только если нельзя достать хорошей воды, то можно давать слабое пиво. Вино же мож-

ко давать только по предписанію врача. Совсѣмъ не слѣдуетъ давать кофе и вообще ничего горячительнаго дѣтямъ, потому что горячительные напитки ускоряютъ и безъ того скорое у нихъ обращеніе крови, а это можетъ положить начало разнымъ болѣзнямъ сердца.

Сказавши о пищѣ, теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ еще гигіеническихъ условій, которыми слѣдуетъ окружать ребенка для сохраненія его здоровья. Сюда относится *обмываніе* его. Кожа ребенка въ первое время его жизни весьма нѣжна, чувствительна и изобилуетъ кровью; она одарена кромѣ того большею способностію всасывать, нежели кожа взрослаго человѣка. Поэтому весьма разумно дѣлаютъ, когда къ водѣ, въ которой обмываютъ ребенка, подливаютъ питательныя вещества, каковы: молоко, бульонъ и т. п. Это дѣлается особенно полезнымъ, если ребенокъ раждается слабымъ. Купать ребенка не слѣдуетъ тотчасъ послѣ принятія пищи, а нужно обождать, чтобы прошелъ послѣ этого по крайней мѣрѣ часъ. Лучшее время для купанья — утро или вечеръ. Вода, въ которой купаютъ ребенка, должна быть тепловатая, по тому что организмъ его имѣетъ еще мало собственной теплоты и не можетъ переносить безъ опасности купанья въ холодной водѣ. Всѣ попытки пріучить къ этому преждевременно тѣло дитяти оказались очень вредными; поэтому въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Австріи, предписано закономъ совершать крещеніе зимою не въ церквахъ, а постоянно въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Кромѣ того, кожа новорожденнаго наклонна къ высыханію, отъ этого она легко трескается и образуются ссадины и язвы. Поэтому-то необходимо послѣ ванны смазывать ребенка жиромъ, и если окажутся язвы, то слѣдуетъ ихъ присыпать.

По истеченіи первыхъ трехъ недѣль, ванны можно уже дѣлать прохладнѣе, и кромѣ того разъ слѣдуетъ обливать ребенка сначала прохладною, а потомъ и холодною водою. Такія обливанья чрезвы-

чайно укрѣпляютъ дѣтей и дѣлаютъ ихъ менѣе воспріимчивыми къ простудѣ. Обливанье это должно дѣлать такъ: ребенка держатъ надъ небольшою пустою ванною, погружаютъ въ воду полотенце и смачиваютъ имъ голову, грудь и спину ребенка, и затѣмъ быстро выливаютъ на него нѣкоторое количество воды. Потомъ потираютъ ребенка рукою, завертываютъ въ согрѣтую простыню и оставляютъ его на короткое время въ ней полежать. Эти обливанья всего лучше дѣлать лѣтомъ предъ полуднемъ, а зимою по вечерамъ.

в) Одежда дѣтей.

Обыкновенно дѣтей завертываютъ въ пеленки и связываютъ такъ, что ребенокъ не можетъ поворотить ни ножками, ни ручками. Обычай этотъ очень вреденъ, во-первыхъ, потому, что подобное связыванье мѣшаетъ ребенку дѣлать необходимыя для него тѣлодвиженія; его стянутые члены не могутъ развиваться надлежащимъ образомъ, потому что притокъ крови къ нимъ затрудненъ и потому, что они лишены возможности всякаго упражненія; а во-вторыхъ, отъ этого страдаетъ и пищевареніе ребенка.

Поэтому хорошо было бы въ этомъ случаѣ слѣдовать англичанамъ, которые имѣютъ обыкновеніе, обвернувши ребенка въ пеленки, надѣвать на него юбочку изъ фланели или изъ бумажной матеріи. Пока у ребенка мало волосъ, на голову ему надѣваютъ полотняный колпачекъ; слишкомъ тяжелыя шапочки вредны для него.

Когда ребенокъ подростаетъ, необходимо, конечно, измѣнять и покрой платья; при этомъ нужно имѣть въ виду два правила: a) Платье должно быть просторно, и b) оно должно быть просто. Тѣсное платье здѣсь будетъ еще вреднѣе, нежели тугое пеленаніе въ періодъ младенчества ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, если какая-нибудь часть тѣла стѣсняется не въ мѣру, то

затрудняется въ ней свобода кровообращенія, и такъ-какъ кровообращеніе имѣетъ вліяніе на здоровье всего организма, то тѣснота платья, принося вредъ тому органу, который стянутъ платьемъ, въ то-же время вредитъ и общему здоровью. Разительнымъ доказательствомъ справедливости этого служитъ обычай китайцевъ. Въ Китаѣ считается особенною принадлежностію красоты женской маленькая нога, почему дѣвочекъ съ ранняго дѣтства пріучаютъ носить тѣсную и тяжелую обувь, отчего у нихъ дѣйствительно нога остается маленькою, но за-то онѣ съ трудомъ могутъ ходить, сдѣлавшись взрослыми, и бываютъ недолговѣчны.

Простота платья необходима потому, что ребенокъ, не боясь испортить платье, можетъ свободно бѣгать, что очень необходимо для его развитія, а съ другой стороны еще и потому, что при роскошномъ платьѣ у дитяти можетъ развиться ложное тщеславіе; чтобы предупредить развитіе послѣдняго лучше всего пріучать дѣтей и въ праздники и въ будни одѣваться одинаково, сохраняя, конечно, опрятность.

с) ПОСТЕЛЬ РЕБЁНКА.

Обыкновенною постелью для маленькихъ дѣтей служитъ *люлька*. Ее предпочитаютъ употреблять потому, что въ ней ребенокъ всегда бываетъ покойнѣе; какъ бы сильно ни кричало дитя, стоитъ его покачать, и оно успокоится. Но въ этомъ случаѣ ребенокъ не потому успокоился, что устранена причина его безпокойства, а потому что онъ впалъ въ одуреніе. Это бываетъ очень опасно, когда ребенокъ страдаетъ приливомъ крови къ головѣ, потому что качаніе усиливаетъ этотъ приливъ и часто производитъ воспаленіе въ мозгу. Но какъ бы то ни было, ребенокъ скоро привыкаетъ къ качанію и безъ него уже совершенно не спитъ, такъ-что приходится качать его постоянно. Нерѣдко это поручается испол-

нять нѣсколько подросшему ребенку, который, при крикѣ дитяти, качаетъ его все сильнѣе и сильнѣе, такъ что спрокидываетъ и люльку и лежащаго въ ней. Поэтому гораздо лучше неподвижно стоящая постелька, и если ребенка не пріучили къ качанію, то онъ и въ ней заснетъ спокойно.

Вредно также, если ребенка укладываютъ въ перины или ставятъ постель его подлѣ печки. Въ такой постели тѣло его согрѣвается и потѣетъ болѣе, нежели сколько нужно и, поэтому лучше всего для дѣтской постели употреблять мѣшокъ, набитый овсяною соломою, подъ него можно подстилать тюфячекъ, набитый водорослью или конскимъ волосомъ. На эту постель слѣдуетъ класть клеенку, а сверхъ нея простыню. Случается, что мать кладетъ ребенка около себя. Но въ это время она должна быть осторожна, въ противномъ случаѣ она можетъ его задушить, особенно если крѣпко спитъ; это случается очень часто. По свидѣтельству Озіандера, въ Англіи отъ 1686 — 1799 было задавлено дѣтей матерями около 40,000. Класть дѣтей со взрослыми очень вредно и въ другомъ отношеніи. Хотя совершенно несправедливо то вѣрованіе, будто-бы старые люди, спящіе въ постели съ молодыми, всасываютъ тѣмъ въ себя свѣжую жизнь отъ нихъ, но при этомъ дѣтямъ приходится лежать глубже въ постели, нежели какъ лежатъ взрослые, и потому должны бываютъ вдыхать ихъ испаренія. Поэтому, по истеченіи первыхъ девяти дней, ребенокъ не долженъ спать съ матерью.

Слѣдуетъ также обращать вниманіе на то, чтобы голова дитяти не лежала слишкомъ высоко, потому что кровообращеніе бываетъ свободнѣе, когда тѣло находится въ горизонтальномъ положеніи; притомъ, кроватка ребенка должна быть просторна, чтобы онъ въ ней свободно могъ двигаться, но, чтобы при этомъ онъ не упалъ, хорошо если стѣнки кроватки достаточно высоки.

Комната, въ которой спитъ ребенкъ, должна быть по возможности просторна и обращена окнами на открытое мѣсто, чтобы ребенокъ могъ смотрѣть въ даль. Нужно заботиться при этомъ, чтобы она была сухая, а иначе у ребенка могутъ образоваться разныя болѣзни; теплота въ ней должна была умѣренною. Необходимо также, чтобы дѣтская была всегда освѣщена умѣренно, по одинаково какъ во время сна дитяти, такъ и во время бодрствованія. Напротивъ, если во время сна дитяти въ комнатѣ темно, а при пробужденіи его открываютъ окно, то свѣтъ вредно дѣйствуетъ на его зрѣніе, отчего часто глаза воспаляются, и самое зрѣніе ослабляется. Въ комнатѣ, гдѣ спитъ ребенокъ не должно быть также слишкомъ рѣзкаго шума, отъ котораго дѣти нерѣдко пугаются, и у нихъ образуются судороги.

Кромѣ описанныхъ гигіеническихъ условій, относительно купанья, постели и помѣщенія ребенка, необходимо также, для здоровья его, выносить его на свѣжій воздухъ: здоровый воздухъ есть одно изъ важнѣйшихъ условій для укрѣпленія ребенка. Если дѣтямъ приходится рости во многолюдныхъ жилищахъ, окруженныхъ вредными испареніями, то они обыкновенно бываютъ вялы, блѣднолицы и болѣзненны. Поэтому слѣдуетъ какъ можно чаще и продолжительнѣе гулять съ дѣтьми въ садахъ. Отъ вдыханія чистаго здороваго воздуха укрѣпляются легкія дитяти, а чрезъ легкія онъ дѣйствуетъ и на кровь, измѣняетъ ее, улучшаетъ и дѣлаетъ годною для поддержанія питанія. Что касается до времени, съ котораго слѣдуетъ пріучать ребенка къ свѣжему воздуху, то лучше всего выносить маленькихъ дѣтей, весною, лѣтомъ и осенью не раньше, какъ на четвертой и шестой недѣлѣ, а зимою — на третьемъ или четвертомъ мѣсяцѣ. Притомъ, въ первый разъ слѣдуетъ выносить ребенка въ тихую погоду; мѣсто, гдѣ дѣти гуляютъ, не должно быть слишкомъ шумно.

Постепенное проявление физической дѣятельности дитяти.

1. Движенія дитяти первоначально бываютъ совершенно непроизвольны. Таковы движенія мускуловъ ногъ, рукъ, дыхательныхъ органовъ и т. п. Всѣ эти движенія управляются часто физіологическими законами. — Такія-же непроизвольныя движенія замѣчаются въ мускулахъ лица, вѣкъ, языка и жевательныхъ органовъ. По мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ организмъ ребенка, эти движенія и другія начинаютъ подчиняться волѣ дитяти: оно пользуется ими для выраженія того, что въ немъ происходитъ. Въ этомъ отношеніи весьма важную роль играетъ крикъ дитяти, съ которымъ ребенокъ появляется на свѣтъ. — Крикъ этотъ весьма для него необходимъ въ первый моментъ его жизни, потому что отъ него легкія развертываются во всю величину. Потомъ, этотъ-же крикъ составляетъ единственное средство, которое даетъ возможность дитяти заявлять обо всемъ, что съ нимъ дѣлается. Поэтому самыя ничтожныя обстоятельства заставляютъ его кричать; для этого достаточно, чтобы ему было неловко лежать, или чувствовать малѣйшее безпокойство отъ одежды и постели. Кричать же заставляетъ ребенка холодъ, голодъ и жажда. Жажду испытываетъ ребенокъ отъ тѣхъ-же причинъ, какъ и взрослый. Послѣ обѣда или во время обѣда мы чувствуемъ жажду. То-же дѣлается и съ ребенкомъ послѣ кормленія. Если онъ послѣ онаго начинаетъ скоро кричать, то слѣдуетъ ему давать или сахарной воды, или разжиженнаго отвара овсяныхъ крупъ. — Когда ребенку неловко лежать, то онъ тоже кричитъ; бываютъ впрочемъ случаи, когда дѣти кричатъ безъ всякой причины. Если при этомъ ребенокъ растетъ и полнѣетъ, то крикъ даже для него полезенъ, потому что онъ у-

крѣпляетъ легкія и составляетъ для него родъ гимнастическаго упражненія. На это часто не обращаютъ вниманія, и, принимая крикъ ребенка за болѣзненное явленіе въ немъ, прибѣгаютъ, чтобы его успокоить, къ такимъ средствамъ, которыя во всякомъ случаѣ вреднѣе и хуже, нежели самый крикъ. — Первое, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что маленькому крикуну даютъ пищу, хотя-бы это было и тотчасъ послѣ кормленія. Пока онъ ѣстъ, онъ молчитъ, но послѣ опять кричитъ и еще сильнѣе. Ясно, что при этомъ переполняется его желудокъ, разстраивается пищевареніе и ребенокъ дѣлается больнымъ. Замѣтивъ, что дитя страдаетъ дурнымъ пищевареніемъ, его начинаютъ поить ромашкою, ревеннымъ сиропомъ, кормятъ магнезіею и гуфеландовымъ порошкомъ, отчего здоровье ребенка еще болѣе разстраивается.

Другою успокоительною мѣрою служитъ укачиванье. Ребенокъ отъ него одурѣваетъ и успокаивается, но какъ скоро качанье прекратилось, онъ снова начинаетъ кричать, его снова качаютъ, и ребенка этимъ средствомъ нерѣдко подвергаютъ мозговому воспаленію. — Часто также для успокоенія даютъ ребенку маковый настой, отъ чего иногда дѣти даже умираютъ. Поэтому, когда ребенокъ начинаетъ кричать и не унимается, то прежде всего надобно его раздѣть и тщательно разсмотрѣть его тѣло, не безпокоитъ ли его насѣкомое или неудобство платья и постели. — Если и послѣ этого крикъ не унимается, то необходима помощь врача. При этомъ нужно замѣтить, что при различныхъ болѣзняхъ, крикъ ребенка бываетъ различенъ. — Если ребенокъ послѣ крика, котораго не могли унять, засыпаетъ и во снѣ стонетъ и вздрагиваетъ, то это есть признакъ страданія мозга. Если крикъ его коротокъ и отрывистъ, а дыханіе затруднено, то это признакъ страданія грудныхъ органовъ; наконецъ, если онъ кричитъ во весь голосъ и послѣ сильнаго крика лежитъ блѣдный и изне-

моженный, то мѣсто болѣзни находится, вѣроятно, въ пищеварительныхъ органахъ.

Но кромѣ крика въ ребенкѣ рано замѣчаются другія движенія, какъ проявленія дѣятельности его тѣла: къ этимъ движеніямъ ребенокъ прибѣгаетъ инстинктивно, чувствуя въ нихъ потребность для развитія и укрѣпленія своего тѣла, и онъ дѣлаетъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ съ наслажденіемъ потягивается, поворачиваетъ головку къ свѣту, когда уже въ состояніи это сдѣлать, быстро сгибаетъ и разгибаетъ свои ножки. Поэтому, чтобы не мѣшать этимъ движеніямъ, какъ помогающимъ развитію тѣла, слѣдуетъ ребенка носить на подушкѣ или на стеганомъ одѣялѣ. По мѣрѣ постепеннаго укрѣпленія тѣла ребенка, и эти движенія, первоначально инстинктивныя, подчиняются его волѣ и дѣлаются сознательными. Къ такимъ движеніямъ принадлежитъ стремленіе ребенка *брать вещи*, *сидѣть*, *ползать* и *ходить*.

Когда ребенокъ начнетъ брать вещи въ руки, то этимъ можно пользоваться для развитія его осязанія; съ этою цѣлію нужно попеременно давать ему вещи различной формы и притомъ гладкія, шероховатыя, теплыя и холодныя, только по-немногу. При этомъ ребенокъ вещи, которыя у него въ рукахъ, беретъ часто въ ротъ; это происходитъ отъ двухъ причинъ; во 1-хъ, у дитяти раньше другихъ чувствъ развивается вкусъ, и, внося въ ротъ вещь, онъ тѣмъ самымъ хочетъ ее узнать, а во 2-хъ, когда у дѣтей прорѣзываются зубы, то въ деснахъ ихъ происходитъ зудъ, и ребенокъ посредствомъ прикосновенія къ нимъ чего-нибудь твердаго старается уничтожить этотъ зудъ. Поэтому не слѣдуетъ совершенно запрещать ребенку брать въ ротъ вещи, но если вещь, которую онъ беретъ въ руки, можетъ тѣмъ самымъ причинить ему вредъ, то слѣдуетъ у него ее взять; дѣлать это нужно спокойно, не раздражая его, не вырывать грубо вреднаго предмета изъ рукъ

дитяти, а лучше всего брать тайкомъ, въ противномъ случаѣ можно пріучить ребенка къ грубости, къ упорству, къ раздражительности.

Когда ребенокъ привыкнетъ сидѣть и ползать, то не слѣдуетъ постоянно носить его на рукахъ; потому что, когда ребенка носятъ, то онъ требуетъ, чтобы при этомъ и забавляли его, когда же его оставляютъ одного, то онъ самъ себя развлекаетъ, особенно, если его оставляютъ съ игрушками.

А) Дѣтскія игрушки.

Вопросъ о *дѣтскихъ игрушкахъ* въ педагогическомъ отношеніи представляетъ чрезвычайную важность: подъ вліяніемъ ихъ, незамѣтнымъ для насъ образомъ, складывается то или другое направленіе въ духовномъ развитіи ребенка; онѣ же, съ другой стороны, могутъ служитъ и средствомъ для правильнаго упражненія внѣшнихъ его чувствъ; на послѣднее обстоятельство часто, при выборѣ игрушекъ, не обращаютъ вниманія. Возьмемъ для примѣра гремушку. Рѣдкому дитяти не приходилось имѣть этой игрушки въ рукахъ своихъ въ первые моменты своей сознательной жизни. Разберите тѣ впечатлѣнія, которыя гремушка эта можетъ сдѣлать на ребенка: она изображаетъ обыкновенно фигурку уродца, горбатаго, съ кривыми ногами и съ безобразною миною на лицѣ. При такихъ внѣшнихъ качествахъ, фигурка эта, дѣйствуя на робкую, еще нетвердую дѣятельность зрѣнія ребенка, знакомитъ его съ безобразнымъ преждевременно, и тѣмъ можетъ замедлить и затруднить развитіе въ немъ впослѣдствіи способности наслаждаться прекраснымъ. Далѣе, эта-же безобразная фигурка издаетъ необыкновенно рѣзкій визгъ; визгъ этотъ едва-ли будетъ раздаваться безъ вреда для развивающагося слуха ребенка, который скорѣе въ это время нуждается въ гармони-

ческихъ тонахъ, а не въ фальшивыхъ нотахъ, способныхъ навсегда исказить его или остановить его развитіе на той степени, на которой онъ является въ необработанномъ видѣ, въ дѣтствѣ.

Также вредно дѣйствуетъ на молодую впечатлительную душу ребенка роскошь въ игрушкахъ. Ребенку даютъ дорогія игрушки, иногда притомъ слишкомъ много; его поражаетъ въ нихъ внѣшняя отдѣлка, которая, однакожъ, занимаетъ его только на короткое время, и онъ быстро переходитъ отъ одной игрушки къ другой. По природѣ же своей, ребенокъ доволенъ очень малымъ; свѣжая и сильная его фантазія способна самую простую вещь превратить для него въ занимательную; — имѣя предъ собою много вещей разнообразныхъ, онъ, не останавливаясь ни на одной изъ нихъ съ должнымъ вниманіемъ, скоро утомляется этимъ разнообразіемъ, и онѣ скоро ему надоѣдаютъ: «въ слишкомъ обильной дѣйствительности, говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ, вянетъ фантазія». Съ другой стороны, ребенокъ, играя въ куклы, одѣтыя въ дорогіе костюмы, самъ, отвыкая отъ употребленія простаго платья, пожелаетъ и въ своемъ костюмѣ изысканности и роскоши; а это рано разовьетъ въ немъ тщеславіе и можетъ помѣшать правильному воспитанію его нравственности.

Итакъ, пусть игрушки ребенка будутъ таковы, чтобы онѣ видомъ своимъ ласкали зрѣніе его, а своимъ содержаніемъ будили бы его чувство и переносили бы его воображеніе въ среду такихъ житейскихъ явленій, гдѣ господствуютъ трудъ и любовь. Поэтому, пока ребенокъ слишкомъ малъ, пусть игрушка своими свойствами не портитъ, а развиваетъ его внѣшнія чувства, а когда ребенокъ начнетъ говорить, привыкнетъ интересоваться разсказами, — дайте ему группу поселянъ, работающихъ на нивѣ, стадо овецъ съ пастухомъ. Ребенокъ при этомъ самъ о многомъ васъ разспроситъ, и живое его воображеніе ясно ему предста-

витъ ту картину, на которую вы хотите перенести его вниманіе. — Что касается до куколъ, то ими преимущественно любятъ забавляться дѣвочки; имъ онѣ передаютъ наставленія, которыя слышатъ отъ своихъ матерей; одѣвая и раздѣвая куклу, онѣ учатъ ее опрятности, и въ нарядахъ ея высказываютъ собственный вкусъ. Этимъ можно, слѣдовательно, воспользоваться для эстетическаго воспитанія дѣвочекъ. Кромѣ того, изъ этихъ куколъ мать можетъ образовать группу людей, стоящихъ въ различныхъ общественныхъ отношеніяхъ, и незамѣтно, шутя, научить ребенка многому.

Хороши также игрушки, употребляемыя въ Германіи съ цѣлію познакомить ребенка съ новыми изобрѣтеніями. Сюда относятся употребляемыя какъ игрушки: устройство желѣзной дороги, пароходы и т. п.; онѣ по дешевизнѣ своей очень доступны большинству. Употребленіе подобныхъ игрушекъ оживляетъ забавы дѣтей и незамѣтно знакомитъ ихъ съ замѣчательными открытіями.

Вообще, давая ребенку игрушки, не нужно забывать, что онѣ для нихъ то-же, что книга для болѣе взрослыхъ дѣтей; какъ содержаніе книги можетъ переносить воображеніе ребенка въ то или другое мѣсто по произволу и окружать его тѣми или другими впечатлѣніями, разнообразно дѣйствовать на его чувства и полагать основанія тѣмъ или другимъ склонностямъ, такъ точно-же дѣйствуютъ и игрушки. — Здѣсь умѣстно замѣтить, что въ дѣтскихъ игрушкахъ проявляются черты свойственныя тому или другому народу; это особенно замѣтно на выставкахъ дѣтскихъ игрушекъ. — Поэтому хорошо было бы сначала пользоваться своими національными игрушками, для ознакомленія ребенка, посредствомъ ихъ, съ родною страною, а потомъ переходить и къ другимъ странамъ. Съ этою цѣлію было бы полезно употреблять группировку разныхъ предметовъ; такъ — около фигурки, представляющей жителя той или другой страны, можно сгруппировать главныхъ животныхъ, спо-

собныхъ особенно благопріятно дѣйствовать на воображеніе дѣтей.

Такимъ образомъ употребляемыя игрушки, т. е. когда въ группу фигурокъ внесенъ смыслъ, будутъ возбуждать и самодѣятельность ребенка, творческую силу его воображенія. Всѣ изображенія животныхъ и людей явятся у дитяти съ дѣятельною ролью: оно само придумаетъ нѣсколько разсказовъ о похожденіи или волка, или козла среди описанныхъ ему старшими сценъ и картинъ.

Если воспитатель съумѣетъ пріучить дѣтей такъ пользоваться игрушками, то вся воспитательная сила послѣднихъ будетъ приведена въ дѣятельность и принесетъ надлежащую пользу воспитанію.

Наконецъ, ребенокъ начинаетъ подниматься и становиться на ножки. Часто развитіе этой способности стараются ускорить у дѣтей посредствомъ особенныхъ машинокъ, но это всегда бываетъ вредно; потому что, если ножки дитяти еще слабы и не могутъ удержать тѣла, то, когда его начнутъ въ это время становить, онѣ могутъ сдѣлаться кривыми. Поэтому, нужно предоставить ребенка въ этомъ случаѣ самому себѣ; онъ самъ начнетъ становиться, когда это движеніе будетъ можно ему сдѣлать безвредно для его тѣла.

Когда ребенокъ начнетъ становиться на ножки, то скоро послѣ этого онъ начинаетъ и ходить. Большая часть дѣтей достигаетъ этой способности къ концу перваго года. Способность эта является позже, если дѣтей туго пеленали; что тугое повиваніе имѣетъ въ этомъ отношеніи большое вліяніе, — доказательствомъ можетъ служить то, что дѣти негровъ, у которыхъ повиваніе не въ обычаѣ, уже на второмъ мѣсяцѣ начинаютъ ползать. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, то и въ это время не всегда его предоставляютъ самому себѣ, а стараются помогать ему разными искусственными средствами, что также бы-

ваетъ не-безвредно. Такъ, если ребенокъ ходитъ при помощи ходульки, то онъ надавливаетъ себѣ грудь, прижимаясь ею къ краямъ ходульки, и кромѣ того, онъ принимаетъ при этомъ позу человѣка, двигающаго тяжесть, а не идущаго прямо; когда же его заставляютъ ходить безъ ходульки, то онъ сохраняетъ ту-же позу и при этомъ падаетъ. — То-же самое бываетъ, когда ребенка прiучаютъ ходить, держа его сзади за платье. — Комната, гдѣ дѣти прiучаются ходить, должна быть съ гладкимъ поломъ, чтобы ребенокъ, ползая или ходя, чѣмъ-нибудь не повредилъ себѣ. Слѣдуетъ также смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣти не падали на голову. Хотя ходьба и ползанiе доставляютъ ребенку удовольствiе, но не слѣдуетъ ему позволять ходить и ползать до утомленiя. Какъ скоро ребенокъ начнетъ твердо ходить, то съ этого времени онъ дѣлается способнымъ предаваться играмъ, чѣмъ онъ и пользуется съ величайшимъ удовольствiемъ.

в) Игры дѣтей.

Основанiемъ *дѣтскихъ игръ* служитъ потребность дѣтей къ движенiю, къ дѣятельности. Онѣ вообще представляютъ чрезвычайно интересное явленiе какъ для воспитателя, такъ и вообще для всякаго, кто захотѣлъ бы изучить характеръ дѣтскаго возраста. Въ нихъ съ особенною откровенностiю обнаруживаются склонности ребенка, его развитiе, а потому наблюденiе надъ ними можетъ во многомъ прояснить воспитателю — въ какихъ прiемахъ онъ долженъ въ томъ или другомъ случаѣ выражать свою воспитательную дѣятельность. Хотя игры дѣтей, если ихъ разсматривать у разныхъ народовъ, чрезвычайно разнообразны, потому что содержанiе ихъ заимствуется изъ окружающаго ребенка мiра, изъ жизни взрослыхъ, но въ нихъ можно отыскать и много

сходнаго; сходство это указываетъ на то, что на дѣтскія игры имѣютъ вліяніе какіе-нибудь общіе мотивы; и дѣйствительно, сходство это можно приписать, съ одной стороны, большему или меньшему однообразію развитія душевныхъ способностей дѣтей одинаковаго возраста, а съ другой — тому обстоятельству, что игры дѣтей, выражая потребность дѣтскаго организма къ движеніямъ, проявляются въ такихъ формахъ, какія возможны при той или другой степени физическаго развитія дѣтей, что также бываетъ болѣе или менѣе однообразно у дѣтей одного возраста.

Такъ, когда ребенокъ еще слабъ физически, то первыя игры его начинаются едва замѣтнымъ образомъ: онъ хватаетъ и трясетъ предметы, попавшіеся ему въ руки, плескаетъ воду во время купанья и прислушивается къ шуму падающихъ брызгъ. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ крѣпнетъ физически и душевно, игры его разнообразно умножаются; здѣсь онъ нерѣдко пользуется тѣми свѣдѣніями, которыя сообщены ему, когда онъ забавлялся еще игрушками.

Когда ребенокъ пріобрѣтаетъ способность твердо ходить, то онъ дружится съ домашними животными и играетъ съ ними. Вскорѣ за-тѣмъ развивается въ немъ потребность къ обществу себѣ равныхъ, т. е. такихъ-же дѣтей, и тутъ игры ихъ достигаютъ полнаго разнообразія, что бываетъ обыкновенно, когда дѣти достигаютъ 8-лѣтняго возраста, и продолжается до 10 лѣтъ.

Нерѣдко, впрочемъ, встрѣчаются дѣти, въ которыхъ рано обнаруживается наклонность къ уединенію; не вмѣшиваясь въ игры своихъ сверстниковъ, они лѣпятъ или строятъ дома, любятъ раскрашивать и вырѣзывать разныя вещи. Подобная наклонность развивается въ дѣтяхъ или отъ болѣзни, или отъ другихъ какихъ-нибудь причинъ. Но большинство дѣтей любитъ общество себѣ подобныхъ.

Итакъ, содержаніе и характеръ игръ, какъ мы уже сказали,

видоизмѣняются сообразно съ развитіемъ физической крѣпости и душевныхъ способностей дѣтей, и нѣкоторые виды ихъ игръ, притомъ, развиваются совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ потребности упражнять органы своего тѣла; сюда относится *пѣніе дѣтей*, служащее упражненіемъ для развитія органовъ дыханія, и состязаніе въ ловкости движенія, служащее къ развитію физическихъ силъ вообще; другія же игры возникаютъ подъ вліяніемъ привычки дѣтей подражать взрослымъ.

a) Пѣніе дѣтей сначала проявляется въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ звукахъ, съ произношеніемъ которыхъ нерѣдко соединено бываетъ прыганье. Но есть у каждаго народа множество и дѣтскихъ пѣсенъ, содержаніемъ которыхъ служитъ какой-нибудь изъ предметовъ, окружающихъ дѣтей; напр. въ нѣкоторыхъ изъ нихъ привѣтствуютъ различныя явленія природы. Такъ, въ Швабіи, говоритъ Гейфельдеръ, дѣти привѣтствуютъ пѣсенькою первый выпавшій снѣгъ; въ Мозельской долинѣ есть пѣсенька на борьбу тумана съ солнцемъ. У насъ, въ Россіи, также много такихъ пѣсенъ. Напр.

Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на Іорданъ
Богу помолиться
Христу поклониться.

b) Состязаніе дѣтей въ ловкости сначала является въ самыхъ простыхъ формахъ: такъ, они стараются другъ друга опередить въ бѣганьи, потомъ съ тою-же цѣлію скачутъ на одной ногѣ; потомъ быстрота бѣганья и прыганья служитъ основаніемъ игры въ мячъ, съ которою соединяется новое упражненіе — бросанье; предметомъ состязанія бываетъ также произношеніе какого-нибудь труднаго слова или цѣлой фразы.

c) Изъ подражанія взрослымъ также возникаютъ разныя дѣт-

скія игры, такъ: пріемъ гостей, свадьба, парады, театры и т. п. Въ этомъ отношеніи игры представляютъ этнографическій интересъ; по нимъ можно наблюдать нравы народа, вліяніе на развитіе народныхъ увеселеній, природы, религіи, правленія и проч.

Воспитатель на дѣтскія игры долженъ смотрѣть благосклонно и даже поощрять дѣтей къ нимъ собственнымъ участіемъ. Участіе воспитателя, если онъ съумѣетъ въ этомъ случаѣ вести себя такъ, чтобы не стѣснять дѣтей, можетъ увеличить воспитательный характеръ игръ; потому что личнымъ участіемъ онъ можетъ поставить себя въ положеніе самое удобное для наблюденій за дѣтьми во время игръ, и въ то-же самое время самимъ играмъ можетъ дать тотъ или другой характеръ, то или другое направленіе, и тѣмъ пользоваться ими для своихъ воспитательныхъ цѣлей.

Прекрасное примѣненіе дѣтскихъ игръ къ воспитанію мы видимъ въ дѣтскихъ садахъ Фребеля. Разнообразіе предметовъ, находящихся въ этихъ садахъ, предоставляетъ ребенку полную возможность играть и заниматься тѣмъ, къ чему онъ чувствуетъ склонность. Но вмѣстѣ съ этимъ въ дѣтскія игры, которыя такъ необходимы для физическаго и нравственнаго развитія дѣтей, незамѣтнымъ для нихъ образомъ вносится обдуманная руководящая воспитательная сила. Такъ, потребности ребенка къ движенію даются смыслъ и цѣль: онъ собираетъ растенія, ухаживаетъ за ними, вырываетъ негодныя травы и т. п. Для дѣтскаго пѣнія составлено множество дѣтскихъ пѣсенъ, а для способности дѣтской подражать взрослымъ данъ также большой просторъ. Такимъ образомъ дѣти, не стѣсняемыя въ своихъ наклонностяхъ, предаются тѣмъ или другимъ играмъ, и въ результатѣ ихъ игры является какое-нибудь и произведеніе той дѣятельности, которую они тратили только на игры.

Достигнувъ неожиданно того или другаго результата посредствомъ игры, при участіи незамѣтнаго для дѣтей руководства воспитателя, ребенокъ потомъ повторяетъ самъ то-же дѣйствіе съ цѣлію произвести тотъ-же результатъ, и такъ у него развивается самодѣятельность. При такомъ употребленіи игръ, дѣти еще въ своихъ забавахъ незамѣтно пріучаются къ полезной дѣятельности, къ труду, источнику человѣческаго счастія и благополучія.

Вотъ въ общихъ чертахъ правила физическаго воспитанія дѣтей въ 1-ый періодъ. Вопросъ этотъ конечно не легко исчерпать; предвидѣть всѣ случаи, могущіе представиться въ дѣйствительности, трудно. Въ излагаемыхъ правилахъ большею частію указывалось на то, чего не слѣдуетъ дѣлать, чтобы не вредить дѣтскому здоровью. Подробнымъ же руководствомъ обращенія съ дѣтьми въ это время служитъ сама природа; ея инстинктъ, который сильно дѣйствуетъ у дѣтей, можетъ служить поэтому наилучшимъ руководителемъ для любящаго свое дѣло и наблюдательнаго воспитателя.

О няняхъ.

> Отъ моей кормилицы я научился большему, чѣмъ отъ всѣхъ моихъ учителей.
>
> *Монтень.*

Съ воспоминаніемъ о первомъ дѣтствѣ у каждаго взрослаго человѣка тѣсно связана память о руководившей первыми его шагами нянѣ. Подъ ея руководствомъ возникаютъ въ душѣ дитяти первые проблески мысли и чувства, начинается знакомство со всѣмъ окружающимъ, а потому вліяніе ея на ребенка можетъ быть очень велико; отъ ея поведенія, слѣдовательно, зависитъ и нор-

мальность физическаго развитія дитяти, и правильность духовнаго; вотъ почему, прежде дальнѣйшаго изложенія физическаго воспитанія, мы должны объяснить — какимъ путемъ обнаруживается вліяніе няньки на ребенка, и при какихъ условіяхъ это вліяніе бываетъ полезно, и при какихъ вредно. Необходимость участіе нянекъ въ уходѣ за дѣтьми обусловливается тѣмъ, что на матери, кромѣ обязанностей къ дѣтямъ, лежитъ еще много другихъ обязанностей въ отношенія къ хозяйству и въ отношеніи къ обществу, а потому мать и раздѣляетъ съ нею заботы свои о нашемъ дѣтствѣ; вотъ почему многія изъ нянюшекъ оставляютъ въ душѣ нашей такое глубокое и симпатичное воспоминаніе. Теперь спрашивается — какова должна быть женщина, съ которою мать могла бы раздѣлить эти заботы? Вопросъ этотъ въ жизни рѣшается различно, и въ этомъ главную роль играетъ степень благосостоянія семейства, гдѣ ощущается необходимость въ нянькѣ, и его общественное положеніе. Такъ, зажиточные и богатые люди ищутъ няни, которая говорила бы на иностранныхъ языкахъ, имѣла бы пріятныя манеры, прилично одѣвалась и т. п. Напротивъ, родители менѣе зажиточные довольствуются въ выборѣ няньки женщиною изъ русскаго простонародья, отъ которой требуютъ, чтобы она постоянно находилась при ребенкѣ и умѣла его занять на-столько, чтобы онъ менѣе кричалъ. Слѣдовательно, вопросъ насъ занимающій долженъ быть нами разрѣшенъ на основаніи фактовъ практической жизни, которые и дадутъ намъ возможность опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ и тотъ и другой родъ нянекъ въ воспитаніи при существующихъ теперь условіяхъ, и на-сколько онѣ содѣйствуютъ его правильности. — Начнемъ съ нянекъ-иностранокъ.

Очень нерѣдко въ домѣ ихъ бываетъ нѣсколько, съ цѣлію доставить ребенку практику для упражненія въ различныхъ язы-

кахъ. — Эти няньки большею частію живутъ другъ съ дружкой не въ ладу. Причины ихъ враждебныхъ отношеній бываютъ самыя разнообразныя; но чаще всего вражда между ними проистекаетъ изъ желанія каждой изъ нихъ войдти въ довѣріе матери ребенка, чтобы пріобрѣсти первенство надъ другими. Наконецъ, одной изъ нихъ это удается; остальныя такимъ исходомъ дѣла недовольны; неудовольствіе ихъ возрастаетъ, когда ихъ поручаютъ надзору успѣвшей. Поэтому онѣ перемѣняютъ свое поведеніе и, не успѣвши пріобрѣсть полнаго довѣрія матери, начинаютъ дѣйствовать на дѣтей, заискивая ихъ расположеніе. Съ этою цѣлію онѣ потакаютъ ихъ дурнымъ поступкамъ, или скрываютъ ихъ отъ матери, и, чтобы подорвать значеніе главной няни, начинаютъ ихъ вооружать противъ нея и часто заставляютъ наговаривать на нее матери. — Ребенку, такимъ образомъ, приходится выростать подъ постояннымъ вліяніемъ хитростей, ненависти, зависти и часто дѣлаться даже орудіемъ неблагородныхъ интригъ. Всѣ эти качества онъ видитъ въ близкихъ къ нему людяхъ, въ раннемъ своемъ дѣтствѣ, когда душа его отличается особенною впечатлительностію. — Можно представить себѣ, какое понятіе ребенокъ составитъ при такихъ условіяхъ о человѣкѣ вообще! Кромѣ того, будучи окруженъ такими дурными примѣрами, или, что еще хуже, дѣлаясь орудіемъ неблагородной дѣятельности своихъ нянюшекъ, ребенокъ и самъ незамѣтно заражается дурными наклонностями въ самомъ началѣ развитія своего сознанія. — Далѣе, отъ этихъ-же нянекъ ребенокъ слышитъ восхваленіе всего иностраннаго, видитъ, что изъ окружающихъ его тѣ, которыя говорятъ по-русски, стоятъ ниже иностранокъ, неимѣющихъ часто предъ первыми никакихъ умственныхъ и нравственныхъ преимуществъ, и въ немъ совершенно безсознатель-

но возникаетъ, и часто остается на всю жизнь, не только равнодушіе, но и презрѣніе ко всему русскому, родному.

Наконецъ, эти няньки-иностранки, нанося такой вредъ нравственному воспитанію ребенка, не по своей уже винѣ, мѣшаютъ и правильности его умственнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, дитя слышитъ около себя нѣсколько языковъ, на которыхъ одна и та-же вещь называется различными именами; — оно съ трудомъ запоминаетъ какое-нибудь одно названіе и вслѣдъ за этимъ слышитъ нѣсколько другихъ. — Въ дѣтской неразвитой душѣ его образуется при этомъ цѣлый хаосъ; масса словъ наполняетъ его память, не возбуждая нисколько ума; все это гибельно дѣйствуетъ на возникающее сознаніе его: въ немъ развивается наклонность къ разсѣянности, въ неопытное мышленіе его вносится опрометчивость и торопливость, и съ этими качествами нерѣдко оно остается на всю жизнь. — Дѣйствуя такъ на ребенка, совершенно забываютъ, что тѣмъ нарушаютъ основное правило, по которому ребенка слѣдуетъ сначала учить одному только языку; конечно, преимущество должно принадлежать отечественному. Въ такомъ случаѣ дитя, слыша одинъ какой нибудь языкъ, ясно будетъ усвоивать себѣ звуки словъ, сосредоточитъ на нихъ свое вниманіе и научится такимъ образомъ правильно произносить и ясно понимать значеніе ихъ.

Разумѣется, сказаннаго здѣсь нельзя относить ко всѣмъ безъ исключенія нянькамъ-иностранкамъ; между ними встрѣчаются и совершенно приготовленныя къ дѣлу воспитанія, проникнутыя любовью къ своимъ обязанностямъ и способныя уважать въ ребенкѣ, совершенно для нихъ чужомъ, личность человѣка и охранять въ немъ благородныя свойства человѣческой природы; но такихъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ сравнительно немного.

Теперь посмотримъ на другой разрядъ нянекъ, взятыхъ боль-

шею частію изъ прислуги, и разберемъ ихъ воспитательную дѣятельность.

Пока ребенокъ еще слишкомъ малъ, то главная забота такой няньки состоитъ въ томъ, чтобы онъ не плакалъ. Съ этою цѣлію она укачиваетъ его до дурноты, а если это не помогаетъ, то прибѣгаетъ къ извѣстному маковому настою, и сознавая, что это не совсѣмъ безвредно для ребенка, разсуждаетъ однако такъ: «кому суждено на свѣтѣ жить, тотъ будетъ жить, чего съ нимъ ни дѣлай, а кому не жить, тотъ и безъ всего помретъ». Все остальное, какъ-то: опрятное содержаніе ребенка, предохраненіе его отъ простуды, здоровая пища — въ глазахъ няньки не имѣетъ никакого значенія, и она обращаетъ на все это вниманія на-столько, на-сколько принуждаетъ ее къ тому контроль матери.

Но вотъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ ребенка начинаетъ просыпаться, онъ видитъ вокругъ себя разнообразный міръ Божій, слышитъ и понимаетъ голоса говорящихъ, — нянька въ это время безъ особенной учености могла бы способствовать развитію ребенка, знакомить его съ окружающими предметами. Но, въ ея глазахъ, все это не входитъ въ ея обязанности; она ограничиваетъ ихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что *забавляетъ* ребенка, въ противномъ случаѣ онъ будетъ плакать, а за это взыскиваетъ мать. Но какъ она его забавляетъ? Вмѣсто того, чтобы указать въ предметахъ, окружающихъ ребенка, на такія стороны, которыя могли бы занять его, она выбираетъ роль болѣе простую и легкую: не перечитъ желаніямъ ребенка и даетъ ему все, чего онъ ни пожелаетъ, а когда и это не помогаетъ, то она старается внушить ему страхъ къ букѣ, трубочисту, волку и т. п., и для большей выразительности этихъ угрозъ, для скорѣйшаго возбужденія въ ребенкѣ испуга, на какого-нибудь Петрушку надѣваетъ шубу на-выворотъ. Нечего распространяться

о томъ, какъ все это вредно дѣйствуетъ на правильность образованія сужденій ребенка о вещахъ, и какъ это разрушаетъ здоровье его нервной системы и часто отзывается потомъ на организмѣ его тяжелыми болѣзнями.

Когда ребенокъ начнетъ ходить, заботы нянька въ это время видоизмѣняются и бываютъ сосредоточены главнымъ образомъ на томъ, чтобы ребенокъ не ушибся, потому она почти не спускаетъ его съ рукъ. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, движенія ребенка составляютъ весьма важное условіе для развитія и укрѣпленія его тѣла. Когда дитя начинаетъ говорить, то вслѣдствіе слабости еще органовъ рта, оно сначала не можетъ правильно произносить словъ и, говоря ихъ, коверкаетъ; нянька, вмѣсто того чтобы исправлять его произношеніе и повторять ему громко и ясно названіе предметовъ, для удобнѣйшаго разумѣнія, сама начинаетъ употреблять дѣтскія выраженія, отчего разговоры ея съ дѣтятей на-долго остаются непонятными для третьяго лица, и при этомъ трудно рѣшить, кто у кого учится говорить — дитя ли у няньки, или на-оборотъ. Вслѣдствіе этого число словъ, которое ребенокъ употребляетъ въ своихъ разговорахъ, на-долго остается очень ограниченнымъ; онъ не умѣетъ назвать надлежащимъ образомъ простѣйшихъ, окружающихъ его предметовъ. Кромѣ того, этимъ-же искажается его слухъ; неправильное произношеніе словъ укореняется въ ребенкѣ и потомъ представляетъ серьезныя затрудненія при обученіи его правописанію. Слухъ дитяти, искажаясь неправильными произношеніями словъ, могъ бы еще сохранить свою нормальность подъ вліяніемъ пѣнія. Хорошая пѣсня много бы сдѣлала въ этомъ отношеніи, но нянька весьма рѣдко можетъ удовлетворить и этому условію: пѣніе ея также неблагопріятно дѣйствуетъ на слухъ дитяти, какъ и ея разговоръ; а

между тѣмъ извѣстно, что дѣти даже двухлѣтнія очень часто запоминаютъ и голосъ и интонацію словъ.

Наконецъ, у дитяти развивается любознательность; оно начинаетъ интересоваться многими окружающими его предметами. Нянькѣ при этомъ никогда не придетъ въ голову остановить вниманіе дитяти на какой-нибудь простой вещи, сущность которой легко уяснилась бы предъ ребенкомъ — напр. цвѣткѣ, животномъ и т. д. Она, напротивъ, находитъ болѣе удобнымъ показывать ему такіе предметы, которые трудно понять ребенку, напр. часы, различныя украшенія и т. п. Вмѣстѣ съ развитіемъ любознательности, у ребенка обнаруживается сильная дѣятельность воображенія; дѣти въ это время любятъ слушать разсказы, особенно сказки. Что-же нянька ему въ это время разсказываетъ? Она говоритъ ему о томъ, что дѣти, которыя плачутъ, непремѣнно съѣдаются букою, а дѣти, которыя не плачутъ, получаютъ варенье и лакомства.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ребенокъ растетъ и развивается физически, подчиняясь вліянію этихъ-же условій, просыпается у него мысль, работаетъ любознательность, образуются первыя понятія о добрѣ и злѣ, однимъ словомъ, полагается начало его духовному развитію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что тотъ и другой родъ нянекъ, существующихъ теперь, не можетъ удовлетворительно служить дѣлу воспитанія. Съ какими же качествами должна явиться няня, чтобы то время и возрастъ, когда она руководитъ ребенкомъ, не прошли бы безполезно для его воспитанія и не сопровождались вредными послѣдствіями? Для этого она должна обладать слѣдующими физическими и душевными качествами:

1) Няня должна быть не моложе 20 лѣтъ; если она будетъ старше, то тѣмъ лучше. Болѣзненность, характеризующая дѣт-

ство, особенно первую половину его, требуетъ отъ няни неутомимости и чрезвычайной терпѣливости, почему она должна пользоваться хорошимъ здоровьемъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворительно исполнять свою многотрудную обязанность. Больная няня не можетъ во всякое время съ одинаковымъ рвеніемъ заниматься дѣломъ; иногда она выскажетъ нервность въ обращеніи съ ребенкомъ, и тѣмъ поселитъ въ него наклонность къ капризамъ и породитъ понятіе о произволѣ. Поэтому необходимо:

2) Чтобы вообще въ нянькѣ была нѣкоторая ровность темперамента и выдержанность характера. Въ этомъ отношеніи флегматическій темпераментъ, какъ болѣе ровный, наиболѣе удобенъ въ нянѣ, но только тогда, когда нянею будетъ молодая женщина; пожилую же женщину этотъ темпераментъ дѣлаетъ вялою, въ этомъ случаѣ лучше и удобнѣе темпераментъ сангвиническій. Женщины холерическаго темперамента, какъ слишкомъ нетерпѣливыя и желчныя, а также и меланхолическаго, какъ неспособныя къ участію въ дѣтскихъ играхъ, неудобны для роли нянекъ. — Впрочемъ, въ этомъ отношеніи выборъ няньки долженъ зависѣть и отъ темперамента дитяти, и отъ степени, въ какой нянька обладаетъ способностію владѣть собою.

3) Далѣе, она должна быть осторожна въ обращеніи съ ребенкомъ, беречь его здоровье, — чего она не можетъ выполнить, не обладая извѣстною степенью опытности; послѣднимъ качествомъ, навѣрно можно сказать, не обладаетъ дѣвочка 14-ти лѣтъ, или еще моложе, которую изъ экономіи нѣкоторые родители дѣлаютъ нянею.

4) Няня должна хорошо владѣть природнымъ языкомъ дитяти, т. е. умѣть правильно выговаривать слова. При этомъ наиболѣе нужно остерегаться брать няню заику, потому что недостатокъ этотъ очень легко усвоивается дѣтьми и съ большимъ трудомъ потомъ устраняется.

5) Няня должна умѣть стать на точку зрѣнія дитяти, говорить съ нимъ такимъ языкомъ, который бы дѣлалъ рѣчь ея понятною для ребенка. Няня, умѣющая говорить съ ребенкомъ понятнымъ ему языкомъ и обладающая нѣкоторою изобрѣтательностію, можетъ въ дѣтствѣ еще развить въ нѣкоторой степени даже и тупаго ребенка.

6) Въ дѣтскомъ возрастѣ уже ребенокъ добываетъ себѣ матеріалъ для образованія своихъ понятій, изъ которыхъ потомъ развиваются взгляды его на вещи; многое слѣд. въ этомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ того, какъ развертывались его понятія первоначально. Поэтому, чтобы няня могла руководить, по крайней мѣрѣ отчасти, ребенкомъ при образованіи имъ первыхъ понятій, она должна обладать нѣкоторою степенью умственнаго и нравственнаго развитія.

7) Формирующійся слухъ дитяти также не долженъ быть оставленъ безъ вниманія. Поэтому няня должна владѣть умѣньемъ пѣть. Извѣстно, что Италія — страна музыкальная, и это, можно думать, преимущественно зависитъ отъ того, что тамъ дѣти съ колыбели слышатъ изящное пѣніе.

8) Важнѣе же всего въ нянькѣ — любовь къ дитяти. Это чувство вообще составляетъ важное условіе при воспитаніи. Инстинктъ любви въ дѣтяхъ такъ силенъ, что они привязываются только къ людямъ, которые ихъ любятъ. Но, съ другой стороны, любовь къ дѣтямъ, безъ яснаго пониманія того, что полезно и что вредно для дѣтей, — слѣпа и есть опасное орудіе въ неопытной рукѣ. И дѣйствительно, часто случается, что нянька слѣпою или излишнею привязанностію вредитъ дѣтямъ.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что обязанность няни довольно многосложна и трудна, и потому, чтобы вызвать въ ней достаточное усердіе къ выполненію ея, необходимо поставить ее

такъ, чтобы она нѣкоторымъ образомъ входила въ число членовъ семейства, потому что одна плата за трудъ будетъ недостаточнымъ вознагражденіемъ, если няня безукоризненно исполняетъ свою обязанность.

II. ВОСПИТАНІЕ ВО 2-й ПЕРІОДЪ.

Второй періодъ физическаго воспитанія мы начинаемъ съ появленія въ ребенкѣ признаковъ темперамента. Правда, проблески и слабые слѣды темперамента можно замѣтить уже, когда ребенокъ начнетъ ходить, — въ его походкѣ. Такъ, иныя дѣти, начиная ходить, не могутъ отыскать равновѣсія, другія, напротивъ, сразу привыкаютъ ходить съ увѣренностію; иной въ походкѣ остороженъ и разсчетливъ, другой тороплнвъ и неразсудителенъ и т. д. Но яснѣе темпераментъ обозначается около 10 лѣтъ.

Начиная съ десятилѣтняго возраста дитяти, слѣдовательно, воспитаніе физическое дѣйствуетъ сообразно съ характеромъ его тѣлосложенія, поэтому пріемы его до извѣстной степени видоизмѣняются, изъ общихъ дѣлаются частными. Но цѣли преслѣдуются тѣ-же, какъ и въ первомъ періодѣ, т. е. укрѣпленіе тѣла, усовершенствованіе внѣшнихъ чувствъ и установленіе надлежащихъ отношеній между тѣломъ и душою ребенка. Съ этого времени со стороны воспитателя требуется уже болѣе наблюдательности, чтобы съ большею точностію опредѣлить характеръ тѣлосложенія или темпераментъ ребенка, потому что послѣдній можетъ служить ему въ значительной степени указателемъ на то, какіе изъ воспитательныхъ пріемовъ, соотвѣтствуя личнымъ наклонностямъ ребенка, способны будутъ содѣй-

ствовать его воспитанію. Темпераментовъ безчисленное множество: ихъ столько-же почти, сколько и людей. Различіе ихъ зависитъ отъ климата и окружающей природы, отъ пола и возраста; такъ, житель сѣвера отличается по темпераменту отъ жителя юга, мужчина—отъ женщины, юноша—отъ старца. При этомъ нужно замѣтить, что въ каждомъ человѣкѣ встрѣчаются черты различныхъ темпераментовъ, съ замѣтнымъ преобладаніемъ, впрочемъ, того или другаго; это преобладаніе дѣлается исключительнымъ только при неправильномъ воспитаніи. Все разнообразіе темпераментовъ обыкновенно сводится къ слѣдующимъ главнымъ видамъ, хотя въ послѣднее время были сдѣланы разнообразные опыты къ установленію новыхъ основаній для распредѣленія темпераментовъ:

1) *Темпераментъ сангвиническій* происходитъ въ организмѣ отъ преобладанія артеріальной крови. Онъ отличается преимущественно слѣдующими внѣшними признаками: мягкою, бѣлою, слегка розовою кожею съ румянцемъ на лицѣ, умѣренною полнотою тѣла, крѣпкимъ и развитымъ пульсомъ, стремительностью движеній. Душевныя качества, принадлежащія этому темпераменту: живость воображенія, быстрота пониманія, чувствительность не глубокая и страсти скоро переходящія, слабость самодѣятельности и вообще склонность смотрѣть на вещи болѣе съ ихъ свѣтлой, чѣмъ темной стороны. Темпераментъ этотъ болѣе всего приспособляется къ общежитію и изъ европейскихъ народовъ преимущественно замѣчается у древнихъ аѳинянъ и нынѣшнихъ французовъ. При воспитаніи дѣтей, имѣющихъ этотъ темпераментъ, необходимо соблюдать слѣдующія правила: а) давать имъ здоровую, но не очень обильную и горячительную пищу, и особенно избѣгать горячительныхъ напитковъ; b) упражнять

мышечную систему частыми и разнообразными движеніями, чтобы такимъ путемъ издерживать обильную и легко возобновляемую кровь; с) тщательно избѣгать тѣсныхъ комнатъ, особенно, если въ нихъ не легко проникаетъ свѣжій воздухъ, съ тѣмъ чтобы предотвратить приливъ крови къ мозгу.

2) *Темпераментъ холерическій*, иначе называемый желчнымъ, имѣетъ слѣдующіе внѣшніе признаки: кожа — упругая съ желтымъ оттѣнкомъ, черты лица — рѣзкія, тѣлосложеніе — крѣпкое и развитая желчная система, поступь — твердая и увѣренная. Душевныя качества: воображеніе — умѣренное, впечатлительность — сильная, умозаключенія — быстрыя, страсти — порывистыя, энергія въ рѣшеніяхъ и ихъ исполненіи. Темпераментъ этотъ преимущественно свойственъ великимъ политическимъ дѣятелямъ и преобразователямъ; изъ современныхъ народовъ въ особенности приписываютъ его италіянцамъ и испанцамъ. — Дѣтямъ этого темперамента должно предписывать слѣдующія правила: постоянно вести воздержную жизнь, много заниматься тѣлесными упражненіями, избѣгать слишкомъ сильныхъ душевныхъ движеній; слѣдуетъ заботиться также, чтобы страсти ребенка-холерика приняли надлежащее направленіе, чтобы сильная воля его не обратилась въ упрямство, но напротивъ того рано пріучалась подчиняться требованіямъ здраваго разума и справедливости.

3) *Темпераментъ меланхолическій* происходитъ отъ преобладанія въ организмѣ нервной системы и отличается слѣдующими внѣшними признаками: кожа — нѣжная, лице — блѣдное, задумчивое, тѣлосложеніе — худощавое, мышцы — мало развитыя, движенія — плавныя и какъ-бы робкія. Душевныя качества: воображеніе — сильное, умъ — мыслящій, чувствительность — глубокая и вообще склонность къ грусти и сосредоточенности, страсти — тихія,

въ трудахъ—постоянство и усердіе. Темпераментъ этотъ, по преимуществу, принадлежитъ философамъ и великимъ поэтамъ, а изъ числа европейскихъ народовъ онъ наиболѣе приписывается германцамъ.—Дѣти съ такимъ темпераментомъ учатся охотно и умъ ихъ развивается рано и скоро. Но отъ такого преждевременнаго развитія часто страдаетъ тѣлесное здоровье. Поэтому, воспитаніе должно удалять все то, что слишкомъ возбуждаетъ чувствовательную способность, устранять горячительную пищу, предписывать частыя ванны, теплыя и прохладныя, но не очень продолжительныя, и наконецъ тѣлесныя упражненія, смѣняя такимъ образомъ дѣятельность нервовъ дѣятельностію мышечною.

4) Преобладаніе въ организмѣ лимфы даетъ бытіе *темпераменту флегматическому*. Внѣшніе его признаки: холодная, дряблая кожа, тучность тѣла при короткой шеѣ, мягкіе округленные мускулы, кровообращеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и движенія — медленныя. Относительно душевныхъ качествъ флегматикъ отличается: воображеніемъ вялымъ, слабою чувствительностью и отсутствіемъ сильныхъ страстей; за-то умъ—твердый и много объемлющій, а отсюда—спокойное, ровное расположеніе духа и способность къ серьёзному, усидчивому труду. Этотъ темпераментъ наиболѣе принадлежитъ ученымъ, а изъ европейскихъ народовъ онъ чаще всего встрѣчается между голландцами, отчасти и англичанами.—Условія воспитанія дѣтей съ этимъ темпераментомъ: вдыханіе чистаго воздуха; здоровая, преимущественно мясная пища; жилище должно быть расположено на сухой и возвышенной мѣстности; при чемъ необходимо укрѣплять мускулы ребенка движеніемъ и гимнастикою, возбуждать въ немъ быстроту, живость и дѣятельность сближеніемъ его съ дѣтьми веселыми и рѣзвыми.

Нормальнымъ темпераментомъ нужно считать тотъ, при которомъ дѣятельность тѣла и духа находятся въ равновѣсіи. Къ развитію-то такого темперамента и должно стремиться воспитаніе.

Изъ обозрѣнія темпераментовъ мы видимъ, что внѣшняя природа человѣка часто указываетъ на способность его къ преимущественному развитію въ немъ тѣхъ или другихъ душевныхъ качествъ. Отсюда понятно, почему мы иногда по первому внѣшнему впечатлѣнію составляемъ себѣ понятіе о характерѣ, личности и душевныхъ свойствахъ человѣка. Такимъ образомъ, изъ различныхъ наблюденій надъ внѣшними свойствами человѣка и выводовъ изъ этихъ наблюденій составились особенныя ученія — *физіономика, хиромантія и краніологія*, которыя помогаютъ, по наружному виду человѣка, заключать о его свойствахъ [1]. Но

---

[1] *Примѣч.* Физіономика учитъ распознавать душевныя свойства человѣка по формамъ его тѣла и особенно по чертамъ лица. Вотъ нѣкоторыя данныя этого ученія: 1) Наибольшее духовное развитіе встрѣчается въ людяхъ средняго роста; при слишкомъ большомъ ростѣ рѣдко встрѣчаются большія способности; при слишкомъ маломъ ростѣ рѣдко встрѣчается сила воли.

2) Умѣренная полнота тѣла указываетъ на живость природы, умъ легкій и игривый; тучность тѣла — на вялость природы, умъ медленный, но основательный; худощавость — на подвижность и вообще воспріимчивость духовной природы человѣка.

3) Крѣпкія, толстыя кости и широкая грудь суть признаки рѣшимости, силы и мужественности; тонкія кости и узкая грудь — признаки слабой воли, нѣжности и женственности характера.

4) Прямой станъ и прямая шея указываютъ на бодрость духа и увѣренность въ себѣ; согбенный станъ и согнутая шея — на изнуреніе, или

такъ-какъ свѣдѣнія, выработанныя такимъ путемъ, не привели къ опредѣленнымъ и положительнымъ результатамъ, то воспитателю они не могутъ служить удовлетворительнымъ руководствомъ при опредѣленіи наклонностей его воспитанника.

Но кромѣ темперамента, во 2-мъ періодѣ физическаго воспитанія должно быть принято во вниманіе и то, что съ этого времени начинаютъ учить дѣтей систематически. При этомъ имъ приходится сидѣть въ комнатѣ по нѣскольку часовъ. Это прекращеніе подвижности, которая свойственна дѣтскому возрасту, и продолжительное напряженіе умственныхъ силъ дѣлаютъ необходимымъ введеніе въ это время въ воспитаніе гимнастики.

на робость, льстивость; качающаяся сюда и туда нетвердая походка—на шаткость, неустойчивость ума.

5) Темные, жесткіе, курчавые волосы означаютъ твердость воли, энергію, мужественность; свѣтлые, мягкіе, нѣжные волосы означаютъ слабость, нѣжность, чувствительность.

6) Особенно важно для физіономика лице. Чѣмъ у человѣка прямѣе профиль лица, чѣмъ совершеннѣе лице, тѣмъ болѣе развита въ немъ духовная дѣятельность:

a) Высокій лобъ и складки или морщины на немъ означаютъ озабоченность, сильную дѣятельность мысли; глубокія, кривыя и косыя морщины означаютъ твердый и грубый характеръ.

b) Глаза, носъ и уши—область чувства. Живые быстрые глаза означаютъ дѣятельный характеръ; опущенныя рѣсницы означаютъ задумчивость; воловьи, сонные глаза—тупоуміе.

c) Носъ большой, согнутый означаетъ силу воли, геройство; тонкій, острый носъ означаетъ остроуміе, хитрость и насмѣшливость; вздернутый носъ — означаетъ любопытство, смѣлость; небольшой носъ—неразвитость и слабость. Уши слишкомъ большія означаютъ ограниченность, глупость; небольшія — означаютъ умъ и энергію.

d) Ротъ, щеки и подбородокъ составляютъ область чувственности и

Гимнастика.

Мы видѣли уже, разсматривая дѣтскій возрастъ, что, движенія составляютъ самое важное условіе для развитія и укрѣпленія тѣла дитяти; видѣли также, говоря о темпераментахъ, что въ воспитаніе дѣтей всѣхъ темпераментовъ входятъ также, приспособленныя къ возрасту, движенія. Отсюда само собою уясняется важность гимнастики, или науки, подводящей подъ правильныя классификаціи всѣ движенія тѣла, для развитія и укрѣпленія его посредствомъ правильныхъ упражненій тѣхъ или другихъ его органовъ. Для уясненія того, какъ дѣйствуетъ гимнастика въ этомъ случаѣ, обратимся къ физіологіи. Въ физіологіи существуетъ такого рода аксіома, что чѣмъ болѣе какой-нибудь органъ упражняется, тѣмъ онъ болѣе развивается и укрѣпляется и тѣмъ дѣятельность его становится полнѣе и совершеннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчено, что у людей различныхъ профессій наи-

---

низшихъ побужденій. Ротъ, измѣняясь, выражаетъ различныя чувства—веселіе, добродушіе, нѣжность и любовь, гнѣвъ и злобу; мягкія, толстыя, раскрытыя губы означаютъ чувственность и тупость; тонкія, твердыя, сжатыя губы означаютъ сильный характеръ. Круглый подбородокъ означаетъ доброту; длинный и острый—хитрость и вѣроломство.—

Хиромантія учитъ познавать свойства человѣка по оконечностямъ кисти руки и преимущественно по складкамъ на ладони.

Краніологія учитъ по выпуклостямъ черепа узнавать свойства человѣка. Въ прежнее время эти три разряда наблюденій играли весьма важную роль; но теперь они утратили значеніе, но все-таки наблюденія эти могутъ въ извѣстной степени помогать воспитателю, при опредѣленіи свойствъ и качествъ его воспитанника, что составляетъ весьма важное дѣло при воспитаніи. «Необход. свѣдѣнія для родит. и воспитательницъ», состав. по Шмидту, стр. 164—168.

болѣе бываетъ развитъ тотъ органъ, напряженной дѣятельности котораго требуетъ тотъ или другой родъ занятій. Такъ напр. у охотниковъ бываетъ развита дальнозоркость; у людей, родъ занятій которыхъ требуетъ напряженія мускуловъ, развита бываетъ мышечная система и т. д. Отсюда очевидно, что и посредствомъ искусственнаго упражненія того или другаго органа можно сообщить ему извѣстную степень развитія и крѣпости. Но это развитіе и крѣпость при этомъ усвоется не только упражняемымъ органамъ, но и всему тѣлу, потому что между частями его существуетъ тѣсная связь. Это совершается такимъ образомъ: при усиленной дѣятельности какого-нибудь органа, въ немъ происходитъ возвышеніе температуры, усиливается теплота. Эту усиленную теплоту органъ этотъ скоро сообщаетъ сосѣднимъ, близко лежащимъ частямъ организма, а потомъ и всему тѣлу. Истина эта извѣстна по опыту всякому, кому приходилось согрѣваться на холодѣ посредствомъ усиленныхъ движеній. Возвышеніе теплоты происходитъ при этомъ оттого, что отъ тѣлесныхъ движеній ускоряется кровообращеніе въ томъ органѣ, который наиболѣе находится въ дѣйствіи. Это ускореніе кровообращенія потомъ сообщается и всему тѣлу, что обнаруживается учащеніемъ біенія сердца, ударовъ пульса и возвышеніемъ температуры во всемъ организмѣ. Кромѣ того, кровь, быстрѣе обращаясь въ тѣлѣ, скорѣе доходитъ до легкихъ, отчего ускоряется и дыханіе: фактъ этотъ извѣстенъ каждому, наблюдавшему за собою во время бѣганья. Но при этомъ кровь, когда ускоряется ея обращеніе, не остается жидкостью неизмѣнною: доходя, при ускоренномъ обращеніи, до того органа, въ которомъ происходитъ усиленная дѣятельность, она снабжаетъ этотъ органъ новыми матеріалами въ замѣнъ тѣхъ, которые онъ теряетъ отъ усиленной дѣятельности. — Въ противномъ случаѣ, т. е. если-бы органъ, въ

которомъ происходитъ усиленная дѣятельность, не получалъ изъ крови вознагражденія взамѣнъ утрачиваемаго при ней матеріала, то въ немъ очень быстро развилась бы усталость, отъ которой онъ не скоро опять пришелъ бы въ нормальное состояніе. Но, какъ мы уже сказали, органы, находящіеся въ дѣятельности, не только не ослабѣваютъ и не худѣютъ отъ усиленныхъ упражненій, а напротивъ, укрѣпляются и развиваются; то отсюда ясно, что они получаютъ и усиленное питаніе изъ крови. Чтобы доставлять это усиленное питаніе упражняемому органу и не вредить вмѣстѣ здоровью цѣлаго организма, кровь сама должна обогащаться и увеличиваться посредствомъ питанія. — Вотъ почему, при усиленныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, развивается аппетитъ и ускоряется переваривавіе пищи. Итакъ, мы видимъ, что усиленіе дѣятельности въ какомъ-нибудь органѣ влечетъ за собою цѣлый рядъ физіологическихъ дѣйствій, оказывающихъ благотворное вліяніе на весь организмъ. Слѣдовательно, гимнастика даетъ воспитателю чрезвычайно много средствъ, при разумномъ употребленіи которыхъ онъ можетъ содѣйствовать развитію тѣлеснаго здоровья въ дѣтяхъ.

Вотъ почему такое огромное значеніе придавали ей въ воспитаніи древніе образованные народы. Такъ, въ Аѳинахъ существовали учебныя заведенія, гдѣ воспитанники посредствомъ гимнастическихъ упражненій развивали и укрѣпляли свое тѣло подъ руководствомъ опытныхъ гимнастовъ. Правда, этими упражненіями имѣли въ виду развить въ тѣлѣ воспитанника тѣ качества, которыя необходимы были воинамъ, бойцамъ, скороходамъ и т. п.; но эти практическія и спеціальныя цѣли, которыхъ старались достигнуть дѣятельнымъ развитіемъ мышечной системы, имѣли чрезвычайно благотворное вліяніе и на укрѣпленіе тѣла дѣтей, развивая въ органической жиз-

ни ихъ силу и энергію, на что указывали уже древніе врачи, какъ Иппократъ, Галенъ, Цельсъ и другіе.

У римлянъ мы уже не встрѣчаемъ гимназій, существовавшихъ у грековъ; но они развивали свое тѣло на марсовомъ полѣ, среди лагерной жизни и подъ вліяніемъ общественныхъ работъ, которыя сооружали римскіе легіоны. Вотъ почему римлянинъ владѣлъ тою громадною силою, которая дѣлала его способнымъ проходить по 4 версты въ часъ, неся на себѣ тяжесть до 90 фунт. Въ средніе вѣка, физическія преимущества имѣли также большое значеніе. Сила и ловкость рыцаря награждались почетнымъ вниманіемъ на турнирахъ; кромѣ того вооруженіе рыцаря, тяжелыя латы требовали развитія значительной силы и крѣпости тѣла, чтобы ими пользоваться.

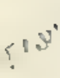
Совсѣмъ иное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ новая исторія. Изобрѣтеніе пороха измѣнило характеръ войнъ, а развитіе просвѣщенія постепенно уронило въ глазахъ общества значеніе грубой физической силы. Но при этомъ люди впали въ крайность: прежнее обожаніе силы смѣнилось презрѣніемъ къ физическимъ преимуществамъ вообще, и отсюда произошло невниманіе къ развитію тѣла въ воспитаніи, исключительною цѣлію котораго съ этого времени сдѣлалось возможно быстрое развитіе духовныхъ силъ воспитанника. Стремясь къ этой цѣли, воспитаніе упускало изъ вида и тѣ неблагопріятныя вліянія на физическое здоровье дитяти, которыми сопровождались его успѣхи въ духовномъ развитіи послѣдняго. Упущено было изъ вида, что воспитываемый такимъ образомъ человѣкъ походитъ на прекрасное растеніе, на которомъ садовникъ, во что бы то ни стало, хочетъ поскорѣе видѣть цвѣты: онъ для этого сажаетъ его въ теплицу даже и тогда, когда оно можетъ расти на открытомъ воздухѣ, искусственно поливаетъ его химически приготовленными жидко-

костями, искусственно подогрѣваетъ, и наконецъ добивается того, что всѣ соки, всѣ силы растенія направляются къ развитію на немъ пышнаго цвѣтка. Но цвѣтокъ скоро вянетъ и осыпается, не оставляя послѣ себя никакого плода. Начинается новый уходъ за деревцомъ, но новыя заботы обезсиливаютъ его еще болѣе, и деревцо умираетъ. — Ребенокъ, въ которомъ хотятъ поскорѣе развить умственныя силы, ставится въ такія-же условія, какъ и искусственно воспитываемое деревцо: онъ не будетъ долговѣченъ; у такого ребенка, за немногими исключеніями, даже и не бываетъ зрѣлаго возраста: вслѣдъ за лихорадочною молодостію у него наступаетъ преждевременная дряхлость. — Для объясненія причинъ такого грустнаго явленія обратимся снова къ физіологіи. Изъ нея мы узнаемъ, что въ организмѣ нашемъ душевная дѣятельность преимущественно возбуждаетъ нервную систему и тѣсно связанный съ нею мозгъ. Эта система, начиная съ перваго года жизни ребенка, быстро развивается, что обнаруживается чрезмѣрною чувствительностью дѣтей къ вліянію внѣшнихъ впечатлѣній. Потомъ нервная система начинаетъ оказывать сильное вліяніе на другую систему нашего организма — на мышечную, отчего увеличивается сила органовъ, посредствомъ которыхъ нервная дѣятельность выражается. Но при этомъ все-таки быстрѣе развивается нервная система и связанный съ нею мозгъ, который въ первые *три года* замѣтно увеличивается въ объемѣ, и послѣ этого уже развивается медленнѣе, но такъ однакожъ, что на 7 или 8 году онъ достигаетъ почти полной величины; съ этого времени увеличеніе его массы становится едва замѣтнымъ. — Такая быстрота развитія мозга въ первые годы жизни дитяти обнаруживается постоянными его движеніями: ребенокъ не остается на мѣстѣ ни на минуту; отсюда очевидно, что сама природа указываетъ ему на то, что только этимъ постоянным движе-

ніемъ онъ и можетъ способствовать усиленію развитія мышечной системы и тѣмъ установить надлежащую гармонію между этою системой и нервною. Сохраненіе этой гармоніи, этого соотвѣтствія между двумя системами, долженъ, слѣдовательно, имѣть въ виду и воспитатель при дальнѣйшемъ развитіи духовной и физической природы ребенка, на что такъ очевидно указываетъ сама природа. Но это-то правило, какъ мы сказали, и упускаютъ изъ вида; все вниманіе, при началѣ систематическаго ученія дѣтей, обращается на умственное развитіе ихъ, то есть дѣйствуютъ исключительно на возбужденіе въ нихъ нервной системы, усиливая такимъ образомъ и безъ того значительную въ ней дѣятельность; этимъ-то полагается начало преобладанію впослѣдствіи въ организмѣ дитяти нервной системы. — Далѣе, ученіе въ такомъ направленіи продолжается, сидячая жизнь обращается для ребенка въ привычку, и съ нею онъ подростаетъ. При этомъ большею частію изъ живаго и рѣзваго мальчика онъ превращается въ блѣднаго, худаго и раздражительнаго юношу. Онъ тяготится движеніями, къ которымъ не привыкъ, ведетъ сидячую жизнь. Все это скоро обозначается вредными послѣдствіями и на физическомъ его здоровьи. Въ 20 лѣтъ онъ страдаетъ уже слабостью пищеваренія и болѣзнію печени. Прямымъ слѣдствіемъ, такимъ образомъ искаженнаго тѣлосложенія, бываетъ преждевременная хворость, безсиліе въ трудѣ, или страданіе ипохондріею. Но дѣйствуя такъ разрушительно на физическое здоровье, такой характеръ воспитанія отзывается вредными послѣдствіями и на духовной организаціи воспитанника: извѣстно, что въ дѣтскомъ возрастѣ преобладаетъ фантазія; преждевременному развитію ребенка удивляются окружающіе; его собственная фантазія преувеличиваетъ въ его глазахъ значеніе этого развитія. Вслѣдствіе чего мальчикъ начинаетъ воображать себя взрослымъ и возму-

жалымъ: онъ начинаетъ умничать, высказываетъ ни на чемъ не основанную самонадѣянность. Съ такими преувеличенными понятіями о своихъ умственныхъ силахъ онъ вступаетъ въ жизнь. Здѣсь скоро даютъ ему замѣтить, что въ немъ не только нѣтъ ничего необыкновеннаго, но что онъ не имѣетъ качествъ самыхъ необходимыхъ для практическаго дѣятеля. Этимъ задѣваютъ его самолюбіе; подъ вліяніемъ его онъ считаетъ людей неспособными его оцѣнить, съ презрѣніемъ убѣгаетъ отъ ихъ общества, а вмѣстѣ и отъ всякой дѣятельности, и остается человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ безполезнымъ; въ душѣ же его глубоко засѣдаетъ разочарованіе жизнію и людьми.

Подобные больные нравственно и физически типы людей не могли ускользнуть отъ наблюдателей. Причины появленія ихъ подверглись разностороннему изслѣдованію. Успѣхи физіологіи и вообще человѣческихъ познаній помогли отыскать причину этого грустнаго явленія, и скоро ее нашли въ неправильномъ воспитаніи, при которомъ опускаются изъ виду развитіе и сохраненіе физическаго здоровья дитяти; поэтому появились попытки исправить это зло, и въ концѣ прошлаго столѣтія явились лица, которыя старались вывести изъ забвенія заброшенную отрасль педагогики — гимнастику. Вслѣдствіе чего и появилось нѣсколько спеціальныхъ школъ, предназначенныхъ для развитія и усовершенствованія органовъ движенія. Такъ, въ 1776 г., Зальманъ основалъ въ Дессау гимнастическую школу. За-тѣмъ подобныя заведенія размножились въ Швеціи, Даніи, Пруссіи, Германіи. Даровитый академикъ шведскій Лингъ положилъ основаніе новѣйшей гимнастической системѣ.

Чрезъ Финляндію гимнастика перешла и къ намъ. У насъ въ Россіи до Петра Великаго воспитаніе предоставлено было природѣ. Ребенокъ ѣлъ, пилъ, спалъ, пріобрѣталъ тяжелое увѣсистое тѣло и

оставался съ младенческимъ умомъ. Такому-то характеру воспитанія обязанъ своимъ происхожденіемъ недоросль Фона-Визина. Потомъ, когда началось вліяніе западной образованности на нашу жизнь, то тѣ-же пріемы воспитанія, которые господствовали тамъ, принесены были и къ намъ. Скоро и въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ оказались тѣ-же болѣзненные припадки, на которые мы указали прежде. Причины этого явленія и у насъ нашли то-же объясненіе, т. е. ихъ приписали тому, что и у насъ мало при воспитаніи обращали вниманія на развитіе тѣла. Вслѣдствіе чего и въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ начали вводить гимнастику съ цѣлію поддержать равновѣсіе въ развитіи дѣятельности мышечной и нервной системы, нарушеніе котораго обозначилось уже такимъ вредомъ при неправильномъ воспитаніи дѣтей. Но мѣра эта далеко не во всѣхъ заведеніяхъ еще примѣнена на практикѣ, а между тѣмъ необходимость ея такъ очевидна и уясняется, какъ мы уже доказали, законами жизни нашего организма.

Когда же нужно начинать гимнастическія упражненія? Мы видѣли, что въ дѣтствѣ ребенокъ постоянными движеніями старается установить равновѣсіе между дѣятельностію нервной и мышечной системъ. — Движеній этихъ онъ не можетъ дѣлать въ надлежащемъ количествѣ, когда его усаживаютъ за ученіе. Отсюда ясно опредѣляется и время, съ котораго надлежитъ начинать гимнастику: лучшее время для примѣненія гимнастики есть то, когда дѣтя начинаютъ учить, слѣдовательно, отъ 7 и 8 до 18 и 20 лѣтъ.

Теперь посмотримъ, какія условія должны быть соблюдаемы для того, чтобы гимнастика принесла дѣйствительную пользу.

1) *Гимнастическія упражненія должны быть приспособлены къ возрасту ребенка и его полу*, то есть они должны быть таковы, чтобы не вредить правильному развитію организ-

ма. Кромѣ того, нерѣдко случается, что у дѣтей бываетъ расположеніе къ наслѣдственнымъ болѣзнямъ, которыя переходятъ къ нимъ отъ родителей, поэтому необходимо для подобныхъ дѣтей придумать такія упражненія, которыя могли бы предупредить повтореніе этихъ болѣзней у нихъ, а каковы должны быть эти упражненія — на это можетъ указать врачъ.

2) Въ гимнастическихъ упражненіяхъ *должна быть соблюдаема строгая постепенность,* т. е. необходимо начинать съ самыхъ простыхъ движеній и за-тѣмъ переходить къ болѣе труднымъ. При этомъ нужно замѣтить, что разныя машины, употребляемыя въ гимнастическихъ залахъ, не всегда бываютъ безвредны; не нужно никогда забывать, что гимнастика должна помогать развитію и укрѣпленію тѣла, а не должна растягивать тѣхъ органовъ, которые природа сжала; а если и употреблять уже машины, то только такія, которыя могутъ всѣмъ рычагамъ нашего тѣла дать такое развитіе, при которомъ они способны были бы отправленіями своей дѣятельности удовлетворять тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они предназначены самою природою. Отсюда понятно, что тотъ, кто руководитъ гимнастическими упражненіями, долженъ быть знакомъ, хотя въ общихъ чертахъ, съ физіологіею и анатоміею нашего тѣла.

3) Гимнастическія упражненія должны происходить въ просторныхъ и свѣтлыхъ комнатахъ, которыя легко могутъ быть провѣтриваемы. На правильное и постоянное очищеніе воздуха должно быть обращено вообще особенное вниманіе, и не только въ гимнастическихъ залахъ, но и въ классныхъ комнатахъ.

Наконецъ 4) такъ-какъ мы видѣли, что при гимнастическихъ упражненіяхъ теряются частицы нашего организма въ томъ органѣ, въ которомъ происходятъ упражненія, то поэтому необходимо, чтобы при гимнастикѣ давалась питательная пища, кото-

рая легко бы возпаграждала убыль изъ организма, происходящую въ немъ отъ гимнастическихъ упражненій. При нарушеніи этого правила гимнастика не можетъ принести надлежащей пользы.

Кромѣ гимнастическихъ упражненій, весьма важное значеніе для укрѣпленія и правильности развитія тѣла ребенка имѣетъ еще *порядокъ въ образѣ жизни.* Поэтому необходимо установить для ребенка извѣстный правильный образъ жизни, при которомъ умственныя его занятія, гимнастическія упражненія, принятіе пищи и отдыхъ совершались бы въ опредѣленное время.—Какъ расположить все это — указываетъ сама природа и научаетъ гигіена. Природа намъ указываетъ, что день назначенъ для труда, ночь — для покоя; гигіена учитъ, какъ располагать дневныя занятія воспитанника и какіе часы назначать для принятія пищи. Когда время для всего этого будетъ установлено, то слѣдуетъ держаться этого порядка постоянно и не отступать отъ него безъ особенной надобности.

Установленіе надлежащихъ отношеній между физическою и духовною природою ребенка.

Все, что до сихъ поръ мы говорили о физическомъ воспитаніи, относилось преимущественно къ развитію и укрѣпленію тѣла; другой же половины задачи физическаго воспитанія, т. е. установленія надлежащихъ отношеній между природою физическою и духовною ребенка, мы касались только отчасти, гдѣ представлялся къ тому случай. Такъ, мы касались этого, говоря о пищѣ, говоря о темпераментахъ, гдѣ воспитатель долженъ принимать во вниманіе естественную склонность дѣтей къ той или другой дѣятельности, и, смотря по свойству этихъ склонностей, содѣйствовать ихъ развитію или противодѣйствовать. Но

чтобы обнаружились предъ нами съ возможно-большею полнотою всѣ средства, способныя облегчить воспитателя при выполненіи имъ этой важной задачи, мы должны въ краткомъ очеркѣ познакомиться съ духовною организаціею человѣка, для чего обратимся къ психологіи.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПСИХОЛОГІИ*.

Ни одна изъ наукъ, можетъ-быть, не подвергается такимъ крайне противоположнымъ заключеніямъ, относительно своей важности, какъ психологія. Въ то время, какъ одни считаютъ ее наукою совершенно отжившею, другіе напротивъ говорятъ, что она еще находится въ младенчествѣ. Эти колебанія во взглядѣ на психологію происходятъ отъ господства, въ данное время, той или другой отрасли человѣческихъ знаній. Намъ нѣтъ надобности входить въ разборъ споровъ и результатовъ ихъ, возникавшихъ по поводу психологіи; замѣтимъ только, что свѣдѣнія, относящіяся къ разъясненію душевной дѣятельности человѣка, вырабатываются съ большими трудностями, но за-то никогда не теряли и не потеряютъ своего значенія и интереса.

Наша обязанность здѣсь — изложить психологію опытную, въ краткой, упрощенной и по возможности доступной формѣ, избѣгая слишкомъ сложныхъ, отвлеченныхъ и невполнѣ установившихся умозрѣній.

Психологія появилась еще въ древности; у грековъ она составляла часть антропологіи или науки о человѣкѣ, другая часть которой называлась физіологіею. Задача ея состояла и состоитъ въ томъ, чтобы объяснить законы дѣятельности души, на-сколько они обнаруживаются во внѣшнихъ фактахъ.

---

* Въ основаніе этого очерка приняты рукописныя замѣтки *К. К. Фойта*, составленныя преимущественно въ примѣненіи къ V классу нашихъ гимназій.

Вся разнообразная дѣятельность души можетъ быть сведена къ тремъ главнымъ видамъ: *познанію*, *чувствованію* и *желанію;* поэтому въ душѣ человѣческой полагается *три главныя способности: познавательная, чувствовательная* и *желательная,* или другими словами: *умъ* въ обширномъ смыслѣ, *чувство* и *воля.* Окончательная дѣятельность этихъ способностей опредѣляется въ *самосознаніи*, а выражается преимущественно въ *словѣ.*

А] ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Къ способности познавательной принадлежатъ: a) *внѣшнія чувства* и *чувственныя ощущенія*, b) *воображеніе*, c) *память* и d) *умъ*. Дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и чувственныхъ ощущеній называется *чувственнымъ созерцаніемъ*, или, лучше, *чувственнымъ воспріятіемъ;* дѣйствіе воображенія называется *представленіемъ;* дѣло ума — *мышленіе.* Память входитъ въ каждое изъ этихъ дѣйствій и служитъ къ ихъ удержанію на болѣе или менѣе продолжительное время.

a) Внѣшнее чувство знакомитъ человѣка съ внѣшнимъ міромъ, съ тѣмъ, что происходитъ внѣ насъ. Его составляютъ пять чувствъ: *осязаніе, вкусъ, обоняніе, слухъ* и *зрѣніе.* Два послѣднія, какъ наиболѣе важныя, называются благородными. Каждое изъ этихъ чувствъ имѣетъ въ тѣлѣ нашемъ свой органъ, а органъ имѣетъ нервы, посредствомъ которыхъ душа принимаетъ впечатлѣнія отъ действующихъ на чувства предметовъ.

Осязаніе распространено по всему тѣлу, но особенно оно дѣйствуетъ въ концахъ пальцевъ. Осязаніемъ мы ощущаемъ плотность тѣлъ, гладкость или неровность ихъ, теплоту, холодъ и пр.

Сюда слѣдуетъ отнести также *чувственныя ощущенія* — голода и пресыщенія, боли и удовольствія, бодрости и утомленія и т. п.

Органъ *вкуса* — языкъ. Посредствомъ этого чувства мы различаемъ соленое, горькое, кислое, сладкое и проч.

Обоняніемъ мы ощущаемъ запахъ. Запахъ происходитъ отъ испаренія или отдѣленія тончайшихъ частицъ отъ пахучаго тѣла.

Органъ *слуха* — ухо. Слухомъ человѣкъ ощущаетъ звукъ. Звукъ происходитъ отъ сотрясенія или дрожанія частицъ въ звучащемъ тѣлѣ; дрожаніе это переходитъ въ воздухъ, по воздуху достигаетъ до насъ и производитъ сотрясеніе въ слуховомъ органѣ. Если въ каждую секунду происходитъ одинаковое число сотрясеній, то такой звукъ будетъ «тонъ»; если же число сотрясеній въ каждую секунду неодинаково, то такой звукъ назыв. «шумъ». Чѣмъ больше сотрясеній въ одну секунду, тѣмъ тонъ выше; чѣмъ — менѣе, тѣмъ — ниже.

Благороднѣйшее изъ чувствъ нашихъ есть *зрѣніе*, котораго органъ — глазъ. Посредствомъ зрѣнія человѣкъ познаетъ все, что видитъ, т. е. образъ въ обширномъ значеніи слова. Зрѣніемъ, слѣд., мы познаемъ очертанія предметовъ, также цвѣтъ, или краски, покой и движеніе, близость или отдаленность предметовъ. Какъ слуху необходимъ воздухъ, такъ зрѣнію необходимъ свѣтъ.

Дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, одного или многихъ, когда оно обращено на какой-нибудь предметъ, называется *чувственнымъ созерцаніемъ*, или вообще *наблюденіемъ*, а дѣйствіе предмета на внѣшнее чувство называется *чувственнымъ воспріятіемъ*, или *ощущеніемъ*.

b) Какъ скоро предметъ подѣйствовалъ на чувство, то въ душѣ происходитъ отраженіе, образъ, или, такъ-сказать, отпечатокъ этого предмета. Такой образъ предмета въ душѣ называется *представленіемъ;* напр., если глаза мои разъ видѣли церковь, домъ, городъ, то мнѣ потомъ уже легко представить себѣ видъ этой церкви, этого дома, города, даже тогда, когда ихъ нѣтъ предъ моими

глазами. Способность такихъ представленій назыв. **воображеніемъ.**

Въ воображеніи надобно различать *три степени.* На первой, низшей степени, оно страдательно воспроизводитъ и отражаетъ, какъ зеркало, только то, что поразило наши чувства въ дѣйствительности; здѣсь оно называется просто *представленіемъ.*

На второй степени оно есть *соображеніе*, т. е. способность отъ одного предмета переходить къ другимъ. Соображеніе иногда дѣйствуетъ ненамѣренно; представленіе объ одномъ предметѣ, пробудившись въ душѣ, невольно, вмѣстѣ съ собою, пробуждаетъ и представленія о другихъ предметахъ. Причиною тому можетъ служить сходство этихъ предметовъ или противоположность ихъ, или то, что они существовали или существуютъ въ одно время, на одномъ мѣстѣ или при однихъ условіяхъ; другими словами, здѣсь господствуетъ законъ сочетанія. Но соображеніе можетъ дѣйствовать и намѣренно, именно въ соединеніи съ рязсудкомъ.

Наконецъ, духъ нашъ изъ образовъ дѣйствительнаго міра свободно производитъ такіе образы, коихъ на самомъ дѣлѣ небыло и нѣтъ. Эта способность есть третья, высшая степень воображенія— *воображеніе творческое,* которое болѣе извѣстно подъ именемъ *фантазіи.*

Эти три степени воображенія можно короче представить себѣ такъ: первая степень воспроизводитъ прежде бывшіе въ сознаніи предметы, отдѣльно каждый; вторая степень воспроизводитъ одновременно нѣсколько предметовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они порознь дѣйствовали на внѣшнія чувства; третья степень вызываетъ ихъ въ новомъ видѣ, въ какомъ это необходимо для извѣстной цѣли. Къ произведеніямъ этой послѣдней степени воображенія, сдѣланнымъ при участіи разума, можно отнести бо́льшую часть изобрѣтеній, всѣ эстетическіе и нравственные идеалы. Если дѣятельность этой способности бываетъ нормальна, то она воз-

буждаетъ высокія, отрадныя чувства, бываетъ источникомъ многихъ наслажденій; напротивъ, въ болѣзненномъ состояніи она бываетъ источникомъ самыхъ печальныхъ послѣдствій, можетъ вводить человѣка въ тяжкія заблужденія, какъ относительно его собственной личности, такъ и относительно другихъ.

Лучшее качество воображенія есть *живость*. Она развивается въ насъ тогда, когда внѣшніе предметы производили въ насъ сильныя впечатлѣнія; въ этомъ случаѣ и воображеніе, воспроизводя ихъ съ отчетливостію, усвоиваетъ себѣ способность—ту-же отчетливость сохранять постоянно во всѣхъ случаяхъ, т. е. и тогда, когда приходится воспроизвести на дѣлѣ образъ предмета, самостоятельно созданнаго въ душѣ творческимъ воображеніемъ. Напротивъ, если въ началѣ воспитанія не было обращено вниманія на развитіе ребенка въ отчетливости представленій, или когда вообще его первоначально не воспитывали наглядно и не развивали въ немъ способности отчетливо представлять себѣ видѣнные предметы, то воображеніе потомъ пріобрѣтаетъ живость съ трудомъ. То-же самое происходитъ, когда слишкомъ рано пріучаютъ дѣтей къ отвлеченному мышленію, т. е. заставляютъ ихъ судить о предметѣ прежде, нежели въ нихъ образовалось отчетливое представленіе объ этомъ предметѣ. Вообще живость воображенія, его вѣрность, легкость могутъ быть развиты воспитаніемъ посредствомъ упражненія.

c) Съ дѣятельностію воображенія весьма сходна дѣятельность памяти. Раскрыть ясно процессъ этой дѣятельности очень трудно; потому необходимо здѣсь ограничиться только слѣдующимъ объясненіемъ. Мы сказали, говоря о воображеніи, что живость его ослабляется, если подвергаютъ дѣйствію мышленія предметъ прежде, нежели воображеніе составило о немъ отчетливое представленіе. Это происходитъ отъ того, что мышленіе наше въ процессѣ своей

дѣятельности отдѣляется отъ предметовъ, непосредственно на насъ дѣйствующихъ, и самостоятельно обработываетъ представленія. А отсюда видно, что картины воображенія и вообще все, что подвергается дѣйствію мышленія, должно прежде нѣсколько видоизмѣниться, нѣсколько какъ-бы уподобиться мыслямъ. Это-то видоизмѣненіе представленій и образовъ, которое, съ одной стороны, не можетъ быть приписано дѣйствію воображенія, но котораго, съ другой стороны, нельзя назвать и чистымъ продуктомъ мышленія, производится дѣйствіемъ памяти. Слѣдовательно, дѣйствіе памяти есть какъ-бы переходъ отъ воображенія къ мышленію.

Воображеніе, съ живостію представляя картину, имъ созданную, возбуждаетъ сильнѣе дѣятельность чувства, а память, воспроизводя все, прежде дѣйствовавшее на воображеніе, воспроизводитъ это въ такомъ видѣ, въ какомъ необходимо для возбужденія мышленія. За-тѣмъ, дѣйствіе памяти совершается—или безъ участія нашей воли, и въ такомъ видѣ называется *воспоминаніемъ*, или—подъ вліяніемъ нашей воли, и въ этомъ случаѣ называется *припоминаніемъ*.

Память, какъ и всякая способность, можетъ быть усовершенствована посредствомъ упражненія, слѣдовательно, также подлежитъ воспитанію, какъ и всѣ другія душевныя способности. Лучшія качества памяти суть: *твердость*, когда она удерживаетъ на-долго предметы, нами воспринятые; *вѣрность*, когда она сохраняетъ ихъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ они нами восприняты; *легкость*, когда она разомъ можетъ воспроизвести многое; *быстрота*, когда она все необходимое для основательной дѣятельности мышленія воспроизводитъ въ данный моментъ.

d) Умъ есть способность мыслить и чрезъ это познавать

сущность, значеніе и цѣль вещей и ихъ взаимныя внутреннія отношенія. Тогда-какъ воображеніе воспроизводитъ наружную сторону предметовъ, ихъ очертанія, форму, доступную внѣшнимъ чувствамъ,—умъ проникаетъ въ ихъ внутреннюю сторону. Въ развитіи своей дѣятельности онъ представляетъ также три степени: *смыслъ*, *разсудокъ* и *разумъ*.

Смыслъ, соотвѣтствуя въ воображеніи первой степени—представленію, есть способность схватывать въ предметѣ то, что въ немъ есть наиболѣе поразительнаго, существеннаго или необходимаго. √ Такимъ образомъ, смыслъ образуетъ *понятіе* о предметѣ. Понятіе есть соединеніе въ умѣ многихъ признаковъ, существующихъ въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ или въ цѣломъ родѣ предметовъ. Выраженное понятіе называется *словомъ*.

На второй степени—*разсудокъ*. Понятіе, образованное смысломъ, разсудокъ развиваетъ, и, находя внутреннее отношеніе между признаками, возводитъ ихъ на степень отдѣльныхъ понятій, соединяетъ и такимъ образомъ образуетъ *сужденіе*. Сужденіе состоитъ по-крайней-мѣрѣ изъ двухъ понятій: одного—*подлежащаго*, другаго—*сказуемаго*. Выраженное сужденіе называется *предложеніемъ*.

Наконецъ, на третьей степени—*разумъ*. Онъ два или нѣсколько сужденій сводитъ и выводитъ изъ нихъ новое; такое произведеніе разума есть *умозаключеніе*. Выраженное умозаключеніе называется *силлогизмомъ*.

Въ силлогизмѣ двѣ части: *основаніе*, которое образуетъ нѣсколько сужденій, называемыхъ посылками, и *слѣдствіе*, выведенное изъ нихъ, которое называется заключеніемъ. Напр., *посылки:* знанія человѣка основаны на внѣшнихъ чувствахъ, но внѣшнія чувства могутъ ошибаться; *заключеніе:* слѣдовательно и знанія человѣка могутъ быть ошибочны. Главное условіе правильности

силлогизма состоитъ въ томъ, чтобы заключенiе необходимо вытекало изъ посылокъ.—Рядъ или цѣпь многихъ краткихъ силлогизмовъ называется *соритомъ*. Силлогизмъ, гдѣ изъ двухъ или нѣсколькихъ разныхъ, даже противорѣчащихъ посылокъ выводится одинаковое заключенiе, называется дилеммою, трилеммою и т. д. Ложное заключенiе, если оно сдѣлано съ намѣренiемъ, называется *софизмомъ;* когда же оно ложно безъ намѣренiя, тогда называется *паралогизмомъ*. Всѣ эти формы силлогизмовъ, въ выводѣ заключенiй, идутъ отъ общаго къ частному или отъ рода къ виду и преимущественно приспособляются къ передачѣ знанiй.

Другiя два противуположныя произведенiя разума суть: *наведенiе* (inductio) и *аналогiя*. Въ наведенiи разумъ отъ сходства многихъ видовъ переходитъ къ заключенiю о родѣ; въ аналогiи— отъ сходства многихъ частныхъ признаковъ заключаетъ о сходствѣ остальныхъ частныхъ признаковъ. Эти-то два дѣйствiя ума наиболѣе расширяютъ область нашихъ знанiй. Множество сужденiй о томъ или другомъ родѣ предметовъ умъ приводитъ въ *систему*, въ стройное цѣлое и образуетъ *науку*. Самое расположенiе науки, или порядокъ, въ которомъ она построена, наз. *методъ*.

Различаются два способа или два пути въ расположенiи науки: методъ *синтетическiй*—начинаетъ отъ частнаго и переходитъ къ общему; методъ *аналитическiй*—начинаетъ съ общихъ положенiй и переходитъ къ частнымъ.

Когда умъ человѣка исключительно обращенъ къ познанiю, тогда это умъ *теоретическiй;* когда же онъ обращенъ къ дѣйствованiю, обнаруживается въ дѣлахъ человѣка, то это будетъ умъ *практическiй*. Умъ есть самый разнообразный и драгоцѣнный даръ человѣка; изъ всѣхъ способностей души, только онъ одинъ составляетъ предметъ особенной науки, извѣстной подъ именемъ *логики*. Логика занимается изслѣдованiемъ того, по

какимъ законамъ происходитъ мышленіе человѣка и въ какихъ дѣйствіяхъ оно проявляется. Такъ-какъ содержаніе каждой науки есть мысль о какомъ-либо кругѣ предметовъ въ полномъ развитіи, то, естественно, логика имѣетъ вліяніе на всѣ науки вообще и на каждую въ отдѣльности. Отсюда образуются двѣ части логики: *логика чистая* и *логика прикладная.*

Дѣятельность ума у различныхъ людей имѣетъ различную степень совершенства. Высшія проявленія этой способности называются—*талантомъ* и *геніемъ.* Таланту принадлежатъ слѣдующія качества: a) *наблюдательность*—способность раскрывать въ предметахъ такія свойства, которыя съ перваго взгляда незамѣтны; b) *остроуміе* — способность открывать сходство въ различныхъ предметахъ; c) *проницательность*—способность находить различіе въ предметахъ, по-видимому сходныхъ, и d) *глубокомысліе*—способность открывать законы, управляющіе извѣстными явленіями. Но самое совершенное проявленіе познавательной способности есть геній. Признаками генія являются оригинальность и возвышенность мышленія, самостоятельность и своеобразность дѣятельности, новость и совершенство въ произведеніяхъ этой дѣятельности. — По роду дѣятельности, который избираютъ талантъ или геній, они бываютъ — ученый, эстетическій и практическій съ разными подраздѣленіями.

в) Чувствовательная способность.

Въ древности, занимавшіеся психологіею признавали въ душѣ двѣ только главныя способности—познавательную и желательную. Со времени же Канта и немного раньше его, начали различать еще третью способность — способность чувствованій. Дѣйствительно, изъ наблюденій и опытовъ видно, что въ душѣ нашей, кромѣ познаній и желаній, бываютъ еще отличныя отъ нихъ состоянія — состоянія движенія, волненія, воспламененія; слѣдо-

вательно, нельзя не допустить въ душѣ еще особенной способности — чувствованій.

Чувствованія суть извѣстныя настроенія души. Они состоятъ въ ближайшей связи, съ одной стороны, съ внѣшними чувствами и чувственными ощущеніями, съ другой — съ способностями познавательными и желательными. Въ первомъ отношеніи связь эта обнаруживается тѣмъ, что при сильныхъ чувствованіяхъ человѣкъ или блѣднѣетъ или краснѣетъ, по членамъ его пробѣгаетъ холодъ или жаръ; это значитъ, что въ кровообращеніи его совершается измѣненіе, а такъ-какъ средоточіе крови есть сердце, то сердце и принимается обыкновенно въ значеніи способности чувствовать. Во второмъ отношеніи чувствованія являются — то какъ-бы исходною точкою для дѣятельности способностей познавательныхъ и желательныхъ, то ихъ спутниками, то конечнымъ результатомъ. Такъ, напр., нерѣдко, прежде чѣмъ путемъ познавательной способности человѣкъ пришелъ къ какому-либо заключенію, чувствованіе уже угадало его, и, обратно, рѣшеніе какого-нибудь сомнѣнія, одновременно съ удовлетвореніемъ, какое это рѣшеніе даетъ разуму, производитъ въ душѣ отрадное успокоеніе; такимъ-же образомъ, каждому желанію предшествуетъ извѣстное чувствованіе, вызывающее это желаніе, и, обратно, по удовлетвореніи желанія и по прекращеніи дѣятельности желательной способности, въ душѣ сохраняется наслажденіе добытымъ результатомъ.

Примѣнительно къ этому, виды чувствовательной способности суть: a) чувствованія интеллектуальныя, b) чувствованія моральныя, или нравственныя, c) чувствованія эстетическія и d) чувствованія религіозныя.

a) *Чувствованія интеллектуальныя* — иначе *чувство истины*. Это чувство большею частію предшествуетъ формальному изы-

сканію истины, иногда, такъ-сказать, подсказываетъ ее при большемъ или меньшемъ участіи разсудка и въ заключеніе сообщаетъ познанной истинѣ ту крѣпость и силу, которой бы никакъ не могъ ей доставить одинъ силлогизмъ. Такимъ образомъ, въ чувствѣ истины замѣчаются три ступени: *предчувствіе*, *предугадываніе* и *провидѣніе*. Къ нему относятся также чувства — вѣрнаго, невѣрнаго и сомнительнаго, правильнаго и неправильнаго, яснаго и неяснаго и т. п.

b) *Чувства моральныя, или нравственныя* — иначе *чувство добра*. Оно состоитъ въ ближайшей связи съ способностію желательною, служа ей первоначальною основой, и потому представляетъ такія-же три ступени, какія представляетъ способность желательная, какъ увидимъ ниже. Эти три ступени суть: *природное предрасположеніе, или симпатія, любовь и энтузіазмъ*, соотвѣтствующія въ способности желательной и въ томъ-же порядкѣ — инстинкту, свободѣ и характеру. Извращеніе нравственныхъ чувствованій образуетъ чувство *зла*, проявляющееся постепенно въ *антипатіи, ненависти и фанатизмѣ*. Изъ этихъ степеней нравственныхъ чувствованій, любовь и ненависть составляютъ главныя средоточія, около которыхъ группируются другія, подчиненныя чувства, какъ-то чувства — справедливости и несправедливости, уваженія и презрѣнія, благодарности и неблагодарности, благородства и своекорыстія, нравственнаго достоинства и нравственнаго упадка и т. п.—Если эти виды чувствовательной способности человѣкъ исключительно обращаетъ къ самому себѣ, то образуются соотвѣтствующія прежнимъ три ступени: *чувство самосохраненія, самолюбіе и эгоизмъ*.

c) *Чувствованія эстетическія* — иначе *чувство красоты (прекраснаго* или *изящнаго)*. Чувство красоты есть способность различенія прекраснаго и безобразнаго, при чемъ первое произво-

дитъ въ душѣ наслажденіе, а второе—отвращеніе. Прежде всего оно обусловливается внѣшними чувствами — зрѣніемъ и слухомъ; потомъ развитію его помогаетъ — мышленіе; наконецъ довершаетъ его — фантазія. Отсюда три степени чувства красоты: *природное чувство изящнаго, эстетическій вкусъ и вдохновеніе*, которое, переходя въ дѣятельность, образуетъ *художническое творчество*. Наслажденіе, производимое на душу изящнымъ, бываетъ различно по различію видовъ самаго изящнаго: милое—забавляетъ, граціозное—плѣняетъ, патетическое—трогаетъ, грандіозное — возвышаетъ; комическое — возбуждаетъ смѣхъ. Высшее и самое полное наслажденіе доставляетъ изящное тогда, когда оно, удовлетворяя всѣмъ законамъ чувства изящнаго, въ то-же время удовлетворяетъ и чувству истины и чувству добра.

d) *Чувствованія религіозныя*—иначе *чувство вѣры*. Получая начало изъ внутренняго, тайнаго голоса, вложеннаго свыше въ душу человѣка, оно развивается и утверждается всѣми дѣйствіями способностей познавательныхъ, чувствовательныхъ и желательныхъ и всею совокупностію явленій видимаго и невидимаго міра. На первой ступени этого чувства стоитъ, при признаніи нашей немощи, *признаніе высшей силы — Божества;* на второй — при вникновеніи въ совершенства Божіи, какъ полнѣйшее сліяніе высшей истины, высшаго добра и высшей красоты, —*благоговѣніе*; на третьей—при наибольшемъ напряженіи возвыситься до постиженія этихъ совершенствъ и преимущественно вездѣсущности и вѣчности Верховнаго Существа, — *полное одухотвореніе всего человѣческаго существа*, съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ міра чувственнаго.

с) желательная способность.

Желательную способность, или дѣятельную сторону души, обыкновенно называютъ *волею* въ обширномъ значеніи этого слова. Способность эта возникаетъ въ насъ изъ чувствованій, при уча-

стіи тѣхъ данныхъ, какія дала познавательная способность; можно даже сказать, что она есть чувство, но, при содѣйствіи познавательной способности, направленная къ извѣстной дѣятельности.

Степени воли суть: a) *природное влеченіе*, или *инстинктъ*, b) *свобода* и c) *характеръ*. Эти три степени характеризуютъ собою три главнѣйшіе возраста человѣческой жизни: въ младенчествѣ преобладаетъ безсознательно природное влеченіе; въ юности—свобода, т. е. дѣйствіе, обусловливаемое собственнымъ выборомъ; наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ—характеръ.

a) *Природное влеченіе* основано на самой природѣ человѣка и въ постепенномъ развитіи проявляется — *въ потребности, желаніи, наклонности*, наконецъ *страсти*. *Потребность* — это есть стремленіе безсознательное и совершенно послушное природѣ. *Желаніе* есть стремленіе, хотя и сознательное, но еще несильное и почти всегда непродолжительное, которое пробуждается въ насъ ожиданіемъ чего-либо пріятнаго. Когда желаніе продолжительно, оно переходитъ въ *склонность*. Когда оно постоянно, рѣшительно и сильно, то становится *страстью*.

Природное влеченіе состоитъ изъ побужденій или стремленій *низшихъ и высшихъ*. Цѣль низшихъ побужденій — удовлетвреніе потребностямъ нашего тѣла; цѣль высшихъ побужденій—удовлетвореніе потребностямъ нашего духа. Такимъ образомъ, личные интересы принадлежатъ къ сферѣ низшихъ побужденій; стремленіе къ истинѣ и безкорыстному благу, къ изяществу и религіозному вѣрованію принадлежатъ къ сферѣ побужденій высшихъ. Преобладаніе высшихъ побужденій надъ низшими составляетъ *добродѣтель*; преобладаніе низшихъ надъ высшами есть *порокъ*.

b) Природное влеченіе есть первое основаніе всѣхъ нашихъ дѣйствій. Но человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ существо разумное; слѣдовательно обязанъ подчинять природное влеченіе разуму, и такое

сочетаніе природнаго влеченія съ разумомъ составляетъ *свободу*. Свобода нашей воли состоитъ въ томъ, что она можетъ избирать, или рѣшать, что̀ дѣлать и чего не дѣлать. — Поэтому, она можетъ совершенно измѣнить природное влеченіе и, такъ-сказать, преобразовать человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Пользуясь свободною волею, человѣкъ можетъ дѣлать добро или зло, восходить до возможнаго нравственнаго совершенства, или впадать въ величайшіе пороки.

c) Однообразное направленіе свободы есть *характеръ*. Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ, въ одномъ и томъ-же положеніи, при однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, непремѣнно поступаетъ одинаково; другими словами, характеръ есть постоянный, опредѣленный образъ дѣйствій, такъ-что въ извѣстныхъ случаяхъ можно заранѣе сказать, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Слѣдовательно, характеръ есть окончательное образованіе воли, при которомъ она, возвысившись отъ природнаго влеченія на степень свободы и утвердившись въ особенномъ, неизмѣнномъ направленіи, переходитъ въ необходимость.

Только человѣкъ, имѣющій характеръ, дѣлается личностію вполнѣ очерченною, потому что характеръ вноситъ въ дѣятельность его постоянство и энергію, съ которою онъ стремится къ достиженію своихъ цѣлей. Свойство характера зависитъ отъ тѣхъ нравственныхъ чувствованій, которыя управляютъ волею человѣка: если ею управляетъ чувство добра, то характеръ является добрымъ; если же — чувство зла, то характеръ является злымъ.

Отъ характера нужно отличать упорство и упрямство, которыя происходятъ тогда, когда воля настойчиво стремится къ какимъ-нибудь цѣлямъ, неоправдываемымъ тѣми указаніями, какія обусловливаетъ правильное пользованіе способностями познавательными и чувствовательными.

D] Внутреннее чувство

Обладая всѣми вышеисчисленными разнообразными способностями, человѣкъ въ то-же время обладаетъ способностью дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ его душѣ, — дать себѣ отчетъ въ каждомъ чувственномъ воспріятіи, представленіи и мышленіи, въ каждомъ чувствованіи, въ каждомъ желаніи и поступкѣ. Способность дать себѣ отчетъ въ чувственныхъ воспріятіяхъ, представленіяхъ и мышленіи, также въ чувствованіяхъ интеллектуальныхъ и эстетическихъ — есть *сознаніе*; способность дать себѣ отчетъ въ чувствованіяхъ нравственныхъ и религіозныхъ, желаніяхъ и поступкахъ — наз. *совѣстью*. Сознаніе и совѣсть, вмѣстѣ взятыя, образуютъ *внутреннее чувство*, или *самосознаніе*, которое является довершеніемъ всѣхъ душевныхъ способностей въ ихъ высшемъ, гармоническомъ сліяніи.

Въ заключеніе къ исчисленнымъ душевнымъ способностямъ, слѣдуетъ, въ предупрежденіе недоумѣній, сдѣлать три замѣчанія.

1. Всѣ поименованныя способности, хотя и составляютъ въ совокупности душу человѣческую, но отнюдь не составляютъ особыхъ въ ней частей, такъ-какъ душа есть существо неразд ѣльное, неразрывное. Способности эти суть только разнообразныя проявленія или функціи одной и той-же силы, разсматриваемыя отдѣльно для большей ясности и установленія извѣстнаго порядка, но дѣйствующія съобща, проникая, такъ-сказать, и дополняя другъ друга, съ преобладаніемъ въ томъ или другомъ случаѣ той или другой изъ нихъ.

2. Въ обыкновенномъ употребленіи нерѣдко смѣшиваютъ выраженія: *душа* и *духъ* человѣка; съ другой стороны, нѣкоторые мыслители принимаютъ духъ человѣка за отдѣльную отъ души, притомъ высшую силу. При ближайшемъ разсмотрѣніи, можно остановиться на томъ, что духъ есть *совокупность однихъ высшихъ* сте-

пеней различныхъ способностей души, а также подъ этимъ именемъ можно разумѣть *одну какую-либо изъ высшихъ* степеней означенныхъ способностей, какъ-то: фантазію, разумъ и характеръ, но *подъ условіемъ ихъ взаимнодѣйствія.* Такъ, напр., въ выраженіяхъ: «фантазія поэта переноситъ его въ заоблачный міръ»; «разумъ человѣка переходитъ отъ открытія къ открытію»; «характеръ писателя обнаруживается въ его сочиненіяхъ»—можно, безъ нарушенія смысла, вмѣсто словъ: «фантазія, разумъ, характеръ», сказать: «духъ поэта, духъ человѣка, духъ писателя».

3. То-же, въ приблизительномъ примѣненіи, относится и къ выраженію *идеи.* Идея не есть синонимъ представленію или понятію, какъ иногда это слово употребляется въ общежитіи, но она и не есть какой-либо совершенно особый продуктъ нашихъ способностей. Она есть конечная совокупность многихъ представленій, многихъ понятій, сужденій и умозаключеній, многихъ чувствованій и стремленій, исходящихъ изъ одной общей основы и направленныхъ къ одной общей цѣли. Такъ, напр., въ романѣ миссъ Бичеръ Стоу «Хижина дяди Тома» представлены разныя картины сѣверо-американской природы и разсказы изъ частной и общественной жизни сѣверо-американцевъ, сдѣланы указанія на нѣкоторыя изъ государственныхъ ихъ учрежденій, описаны чувствованія жестокосердія и скорби, разсчеты эгоизма и порывы къ высшему благу, и—въ основѣ всѣхъ этихъ изображеній лежитъ *одна,* высоко-нравственная идея: тяжкое положеніе негра и необходимость его освобожденія. Такъ, въ образѣ распятаго Спасителя, работы Брюлова (находящемся въ С. Петербургѣ, въ лютеранской церкви св. Петра), каждая черта Его святаго лика, явленіе ангеловъ, позы присутствующихъ лицъ и вся обстановка служатъ къ выраженію — *одной,* неизмѣримо-великой идеи: добровольное страданіе Богочеловѣка—для примиренія Бога съ человѣкомъ.

в) Выраженіе душевной дѣятельности.

Дѣятельность человѣческой души, изъ которой образуется внутренній міръ человѣка, выражается или обнаруживается посредствомъ тѣла и его органовъ. Къ этому чувственному выраженію психическихъ дѣйствій служатъ — *мимика, голосъ* и *языкъ*.

Наиболѣе вѣрное зеркало, въ которомъ отражаются какъ представленія и мысли, такъ и чувствованія и стремленія человѣка, есть *физіономія*: въ физіономіи человѣка, т. е. въ его лицѣ и взглядѣ, изображаются — и вымыслы воображенія и напряженіе ума, и любовь и ненависть, и наслажденіе и страданіе, и порывы страсти и рѣшимость воли, словомъ все, что происходитъ въ душѣ человѣка. Этой выразительной игрѣ физіономіи помогаютъ *жесты*, которые состоятъ въ положеніяхъ тѣла (позахъ), особенно же въ движеніяхъ головы, плечъ и рукъ. Совокупность перемѣнъ, совершающихся въ физіономіи и жестахъ, наз. *мимикой*.

Другое средство, служащее къ выраженію впечатлѣній души, есть *голосъ*. Такъ, въ болѣзни и въ душевномъ страданіи человѣкъ стонетъ; въ сильномъ ужасѣ изъ устъ его вырывается крикъ: это голосъ естественный.

Но третьимъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ дѣятельности человѣческаго духа является *языкъ*, или *даръ слова*. Даръ слова есть принадлежность преимущественно познавательной способности, и притомъ исключительно человѣка. Духовное чувствованіе и желаніе только тогда могутъ быть выражены словами, когда они уже перешли въ мысль и одѣлись въ форму понятій, сужденій и умозаключеній. Слѣд., слово, или языкъ, есть собственно выраженіе мысли.

Такимъ образомъ, изъ обозрѣнія психологіи мы видимъ, что тѣло и его органы, съ одной стороны, имѣютъ огромное вліяніе на возбужденіе и характеръ дѣятельности души, а съ другой стороны, тѣ-же органы тѣла служатъ и для выраженія ея дѣятельности. Отсюда очевидно обнаруживается тѣсная связь

души съ тѣломъ. Тѣсная эта связь наиболѣе замѣтна въ дѣтскомъ возрастѣ, когда каждое душевное движеніе обнаруживается въ соотвѣтствующемъ движеніи тѣла. Это обстоятельство можетъ значительно облегчить наблюденіе надъ дѣятельностію души ребенка, что, съ одной стороны, представляетъ необыкновенный интересъ, а съ другой стороны, можетъ дать много руководящихъ началъ и для самаго воспитанія, которое можетъ воспользоваться ими для выполненія весьма важной задачи — установить надлежащія отношенія между тѣломъ и душею.

Для удобства изложенія, мы сначала будемъ слѣдить, какъ развивается въ связи съ развитіемъ тѣла и подъ вліяніемъ его дѣятельность познавательной способности, и, на основаніи сдѣланныхъ наблюденій, изложимъ правила воспитанія этой способности; потомъ такимъ-же образомъ прослѣдимъ за развитіемъ и другихъ способностей.

Процессъ постепеннаго развитія познавательной способности*.

Такъ-какъ ребенокъ первоначально живетъ преимущественно физическою жизнію, то понятно, что духовная дѣятельность, его первоначально должна пробудиться при помощи внѣшнихъ чувствъ, посредствомъ которыхъ дитя соприкасается съ внѣшнимъ міромъ. Но и дѣятельность внѣшнихъ чувствъ развивается постепенно, а потому не всѣ они одновременно даютъ сознательныя впечатлѣнія ребенку.

Прежде всего воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ пробуждается въ осязаніи; посредствомъ его ребенокъ получа-

* «Учитель» 1861 г.

етъ впечатлѣніе теплоты и холода. Потомъ, просыпается чувство вкуса и быстро развивается, такъ-что ребенокъ, посредствомъ этого чувства скоро начинаетъ получать опредѣленныя впечатлѣнія. Зрѣніе же и слухъ сначала не доставляютъ ему никакихъ опредѣленныхъ впечатлѣній. Въ такомъ положеніи находится ребенокъ въ теченіи первыхъ шести недѣль. Такимъ образомъ, располагая воспріимчивою дѣятельностію только двухъ внѣшнихъ чувствъ, ребенокъ получаетъ мало впечатлѣній извнѣ. Отъ недостаточности этихъ впечатлѣній духовная дѣятельность его еще очень слаба. Слабостью этой дѣятельности и объясняется то, почему ребенокъ въ теченіи этого періода постоянно спитъ и пробуждается только отъ вліянія какихъ-нибудь физическихъ потребностей, напр. когда захочетъ ѣсть.

Послѣ шести недѣль начинаютъ обнаруживаться въ ребенкѣ слѣды дѣятельности высшихъ внѣшнихъ чувствъ, и подъ ихъ вліяніемъ расширяется и душевная жизнь дитяти. Для ясности изложенія того, какъ это совершается, будемъ слѣдить отдѣльно за постепеннымъ укрѣпленіемъ дѣятельности слуха и зрѣнія ребенка до того періода, когда они начинаютъ давать ему вполнѣ опредѣленныя впечатлѣнія, что совершается, приблизительно можно сказать, по достиженіи ребенкомъ двухлѣтняго возраста. Начнемъ съ зрѣнія.

Въ чувствѣ зрѣнія только послѣ шести недѣль начинаютъ проявляться первые проблески сознательной дѣятельности; это обнаруживается тѣмъ, что ребенокъ, проснувшись, обращаетъ свои глаза въ ту сторону, откуда исходитъ свѣтъ. Далѣе, спустя немного, ребенокъ начинаетъ всматриваться въ предметы, чѣмъ ясно обнаруживается возникновеніе въ немъ потребности отличать одинъ предметъ отъ другаго. Скоро въ этомъ отношеніи онъ достигаетъ значительнаго успѣха: такъ, онъ начинаетъ узна-

вать мать, сестеръ и вообще лицъ, которыя его окружаютъ. Но и при этихъ условіяхъ духовная дѣятельность ребенка все еще находится на низкой степени, въ сознаніи его господствуетъ еще полумракъ; онъ способенъ въ это время, только немногіе предметы отличать отъ своего «я», хотя признаки этой способности уже и проявляются: такъ, ребенокъ протягиваетъ ручки къ разнымъ предметамъ съ желаніемъ ихъ схватить. Интересно въ этомъ случаѣ замѣтить, что ребенокъ протягиваетъ ручки съ тою-же цѣлію и къ предметамъ очень отдаленнымъ, напрім. къ лунѣ, что ясно указываетъ на то, что въ немъ еще не существуетъ понятія о разстояніи. Способность отличать себя отъ окружающихъ предметовъ постоянно однако-жъ увеличивается, чему главнымъ образомъ помогаетъ укрѣпляющееся съ возрастомъ ребенка чувство зрѣнія, которое, по мѣрѣ постепеннаго укрѣпленія, доставляетъ дитяти все болѣе и болѣе отчетливыя впечатлѣнія. Окружающая ребенка дѣйствительность имѣетъ также свою долю вліянія на развитіе въ немъ самосознанія, т. е. способности отличать себя отъ окружающаго: около ребенка, на глазахъ его, движутся разные предметы, онъ слѣдитъ за ними глазками, видитъ ихъ въ разныхъ положеніяхъ, и такимъ образомъ въ немъ начинаютъ зараждаться понятія о времени и мѣстѣ; понятія эти однако-жъ первоначально въ немъ бываютъ очень смутны и окончательно выясняются только тогда, когда ребенокъ начнетъ ползать и ходить. Съ этого времени способность отличать себя отъ окружающей дѣйствительности достигаетъ въ ребенкѣ значительной зрѣлости, и онъ начинаетъ сознательно къ ней относиться, потому что окрѣпшее чувство зрѣнія способствуетъ теперь образованію въ душѣ его болѣе отчетливыхъ представленій о предметахъ, на которыхъ останавливается вниманіе ребенка.

Обратимся теперь къ чувству слуха. Оно развивается и укрѣпляется съ тою-же постепенностію, какъ и зрѣніе. Ребенокъ начинаетъ различать голоса знакомыхъ и близкихъ къ нему лицъ, начинаетъ прислушиваться къ колыбельной пѣсни и даже самъ старается ей подражать. По мѣрѣ укрѣпленія въ ребенкѣ чувствъ зрѣнія и слуха, душевная жизнь его усиливается и развивается, что главнымъ образомъ обнаруживается тѣмъ, что сонъ ребенка становится короче.

Теперь посмотримъ, какъ эта постепенно усиливающаяся душевная дѣятельность обнаруживается ребенкомъ посредствомъ органовъ его тѣла. Здѣсь замѣчается та-же постепенность и послѣдовательность, откуда можно заключить, что и тѣло ребенка крѣпнетъ мало-по-малу, и что сила его развивается одновременно и гармонически съ развитіемъ душевной жизни дитяти. Мы видѣли уже, что сначала онъ обнаруживаетъ только тѣ впечатлѣнія, которыя происходятъ въ предѣлахъ его организма; дѣлаетъ это посредствомъ крика и самыхъ незначительныхъ и нетвердыхъ, почти безсознательныхъ движеній ручками и ножками; потомъ ребенокъ начинаетъ брать пальчикъ въ ротъ, потомъ крикъ смѣняется попыткою говорить; результатомъ этой попытки со стороны ребенка являются отдѣльные слоги, въ образованіи которыхъ главную роль играютъ буквы гласныя, а изъ согласныхъ являются только губныя; — почему изъ согласныхъ губныя появляются прежде, — понятно, потому что для губъ ребенка было много упражненія при его первоначальномъ кормленіи; немного позже, по той-же причинѣ, въ слогахъ, произносимыхъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ гласными появляются и язычныя буквы. — Въ этой попыткѣ ребенка говорить, какъ она ни слаба, обнаруживается однако-жъ, что въ сознаніи ребенка что-то уже происходитъ, но что это «что-то» онъ также смутно сознаетъ, какъ и

высказываетъ. То-же самое онъ заявляетъ и чертами лица, на которомъ появляется улыбка; можетъ быть она и имѣетъ для насъ такую прелесть отъ того, что служитъ однимъ изъ первыхъ проблесковъ зачинающейся душевной дѣятельности ребенка. По мѣрѣ укрѣпленія слуха дитяти, у него попытка говорить является подъ вліяніемъ другаго побужденія: онъ слышитъ вокругъ себя говоръ взрослыхъ и старается ему подражать; постепенно укрѣпляющіеся органы его рта помогаютъ ему все болѣе и болѣе дѣлать успѣховъ въ этомъ отношеніи, и онъ пріобрѣтаетъ наконецъ способность произносить членораздѣльный звукъ —слово, но выговариваетъ его все-таки не вполнѣ отчетливо и коверкаетъ. Въ это-то время и такимъ образомъ вырабатывается дѣтьми особенный дѣтскій говоръ, въ словахъ котораго при гласныхъ все-таки господствуютъ губные и язычные звуки. Говоръ этотъ нуждается въ руководствѣ, о чемъ мы упоминали уже, говоря о нянькахъ, иначе ребенокъ на-долго усвоитъ себѣ привычку говорить неправильно, что исправить потомъ иногда бываетъ трудно.

Итакъ, мы видимъ, что когда у ребенка значительно укрѣпляются чувства зрѣнія и слуха, то въ душѣ его начинаетъ разсвѣтать, чему способствуетъ также и то, что массу впечатлѣній доставляютъ ребенку уже окрѣпшія прежде, чувства осязанія, вкуса и обонянія; подъ вліяніемъ всего этого душевная дѣятельность ребенка развертывается болѣе; сонъ его становится еще короче; находясь въ бодрственномъ состояніи, ребенокъ обнаруживаетъ уже расположеніе духа то веселое, то грустное. Укрѣпившееся вмѣстѣ съ тѣмъ тѣло даетъ ему возможность производить различныя движенія: онъ начинаетъ забавляться и наслаждаться пріобрѣтенною способностію ходить; онъ добровольно, по выбору, приближается то къ тому, то къ другому предмету. Такимъ

образомъ у ребенка къ двумъ годамъ вмѣстѣ съ физическою крѣпостью развиваются внѣшнія чувства уже на-столько, что всѣ они даютъ ему вполнѣ опредѣленныя впечатлѣнія и онъ начинаетъ сознательно относиться къ внѣшнему міру.

Теперь посмотримъ, какія дѣлаетъ ребенокъ пріобрѣтенія для духовнаго развитія своего, располагая сознательною дѣятельностію внѣшнихъ чувствъ. Впечатлѣнія, получаемыя ребенкомъ отъ предметовъ внѣшняго міра посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, оставляютъ въ душѣ ребенка слѣдъ. Этотъ слѣдъ можетъ быть и слабѣе и сильнѣе, что зависитъ отъ трехъ причинъ: во 1-хъ, отъ свойства самаго предмета; во 2-хъ, отъ того, на-сколько то внѣшнее чувство, на которое дѣйствуетъ предметъ, способно доставлять отчетливыя впечатлѣнія, и въ 3-хъ, отъ того, на одно ли внѣшнее чувство дѣйствуетъ предметъ, или разомъ на нѣсколько.

Если предметъ такого свойства, что онъ поражаетъ вниманіе ребенка и можетъ разомъ подѣйствовать на нѣсколько чувствъ, то слѣдъ отъ него въ душѣ дитяти будетъ сильнѣе, нежели слѣдъ отъ предмета, возбудившаго дѣятельность только одного чувства. Относительно же того, какія изъ чувствъ сами по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, обладаютъ способностію доставлять душѣ болѣе отчетливыя впечатлѣнія, и какія менѣе — необходимо замѣтить слѣдующее. Самые *отчетливые слѣды* въ душѣ ребенка образуются отъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, суть тѣ, которые *доставляетъ зрѣніе.* И въ самомъ дѣлѣ, наружность видѣнныхъ нами предметовъ мы очень легко можемъ ясно представить себѣ даже тогда, когда ихъ нѣтъ предъ нашими глазами. Съ меньшею уже отчетливостію мы можемъ представить себѣ голоса знакомыхъ намъ лицъ, — слѣдовательно *слухъ* въ этомъ отношеніи *стоитъ ниже зрѣнія.* Но представить себѣ отчетливо вкусъ предметовъ мы

не можемъ, а напротивъ, когда мы хотимъ представить себѣ вкусъ извѣстныхъ предметовъ, то предъ ними рисуется въ этотъ моментъ ихъ наружность только. То-же самое нужно сказать и объ обонянiи. Оба — вкусъ и обонянiе дѣйствуютъ удовлетворительно и доставляютъ опредѣленныя впечатлѣнiя только тогда, когда предметы на нихъ дѣйствуютъ непосредственно; какъ скоро же эти предметы перестаютъ на насъ дѣйствовать, то и обонянiе и вкусъ сохраняютъ очень слабые слѣды запаха и вкуса этихъ предметовъ. Слѣдовательно, по степени способности внѣшнихъ чувствъ — доставлять душѣ болѣе или менѣе отчетливыя впечатлѣнiя, — ихъ слѣдуетъ распредѣлить такъ: *первое мѣсто занимаетъ зрѣнiе, потомъ слухъ, а потомъ уже обонянiе и вкусъ.* Изъ этого распредѣленiя уясняется и степень важности означенныхъ чувствъ для душевнаго развитiя, именно назначенiе первыхъ, т. е. слуха и зрѣнiя — служить преимущественно душевному развитiю человѣка; вторыя же болѣе способны служить чувственнымъ стремленiямъ его. Поэтому-то первыя называютъ *высшими*, вторыя — *низшими.* Осязанiе занимаетъ средину между ними и дополняетъ ихъ въ случаѣ необходимости; у слѣпыхъ же оно замѣняетъ даже зрѣнiе. Этотъ характеръ дѣятельности и назначенiе тѣхъ и другихъ внѣшнихъ чувствъ должны быть приняты во вниманiе при воспитанiи. Если первоначальное воспитанiе будетъ мало способствовать развитiю низшихъ чувствъ ребенка, то онъ привыкнетъ съ ранняго возраста видѣнное и слышанное считать выше тѣхъ наслажденiй, которыя могутъ доставить ему вкусъ и обонянiе. Въ этомъ направленiи можетъ, при надлежащемъ руководствѣ, совершаться дальнѣйшее развитiе ребенка, и въ немъ незамѣтно укрепится наклонность — удовольствiя, доставляемыя высшими чувствами, предпочитать наслажденiямъ, доставляемымъ низшими. — Отсюда очевидно, что *силь-*

ное развитіе чувственности въ человѣкѣ въ большей части случаевъ есть плодъ извращеннаго первоначальнаго воспитанія. Поэтому-то, чтобы предупредить развитіе въ ребенкѣ чувственности, нужно разумно распоряжаться кормленіемъ его съ первыхъ дней его жизни, т. е. кормить его столько, сколько необходимо для его здоровья, а не давать ему ѣсть при каждомъ крикѣ; потому-что, если такой способъ кормленія не окажетъ вреднаго вліянія на физическое здоровье ребенка, о чемъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, то явится зло въ другомъ видѣ, именно — дѣятельность низшихъ чувствъ можетъ безъ мѣры усилиться, вслѣдствіе чего чувства эти будутъ требовать все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, и такимъ образомъ водворится въ человѣкѣ господство чувственности. Человѣкъ такъ воспитанный будетъ хорошему обѣду предпочитать все.

Но кромѣ этихъ естественныхъ причинъ (т. е. зависящихъ отъ самой природы того или другаго изъ внѣшнихъ чувствъ), отъ которыхъ зависитъ образованіе болѣе или менѣе сильныхъ слѣдовъ отъ впечатлѣній предметовъ, дѣйствующихъ на внѣшнія чувства, есть еще другія, которыхъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду. Къ такимъ причинамъ относится большая или меньшая *энергія и сосредоточенность* въ дѣятельности самого внѣшняго чувства. Если внѣшнее чувство, на которое дѣйствуетъ предметъ, не достаточно возбуждено любознательностію, то оно въ такомъ случаѣ не будетъ сосредоточиваться на предметѣ, и впечатлѣніе послѣдняго на душу будетъ слабо. То-же произойдетъ, если нѣсколько предметовъ разомъ дѣйствуютъ на внѣшнее чувство; въ такомъ случаѣ оно не можетъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ, и впечатлѣнія отъ всѣхъ предметовъ, дѣйствующихъ на него разомъ, будетъ поверхностно.

Послѣ этихъ необходимыхъ объясненій посмотримъ, что дѣ-

лается въ душѣ ребенка съ тѣми слѣдами, которые внесены въ его душу впечатлѣніями отъ внѣшнихъ предметовъ. Они хранятся въ душѣ и могутъ возобновляться, т. е. ребенокъ ихъ можетъ сознавать. — Когда же это можетъ случиться?

Слѣды эти возобновляются въ душѣ каждаго тогда, *когда онъ видитъ снова тотъ предметъ*, который оставилъ слѣдъ въ душѣ его. При этомъ нужно замѣтить, что слѣдъ, оставленный въ душѣ предметомъ и возобновляющійся въ это время въ ней, *не создается вновь*, а только *повторяется*. Отъ этого повторенія прежнихъ слѣдовъ отъ предметовъ происходитъ то, что всѣ одинаковые предметы, повторяясь въ душѣ одинаковыми слѣдами, *сливаются въ ней въ одно представленіе*. Но подобное сліяніе въ душѣ многихъ однородныхъ или подобныхъ предметовъ въ одно представленіе возможно только тогда, когда слѣды, оставленные предметами, *будутъ образованы въ ней отчетливо и ясно*. — Эти представленія, укрѣпившись въ душѣ, не всегда также нами сознаются; многіе изъ нихъ въ душѣ нашей находятся *въ безсознательномъ состояніи*.

Когда же они могутъ сдѣлаться сознательными? — Это можетъ произойдти или отъ *внѣшнихъ причинъ* или *внутреннихъ*. Внѣшнія причины могутъ дѣйствовать, какъ и при возобновленіи въ душѣ слѣдовъ, тогда, когда мы видимъ снова предметъ, представленіе котораго хранится въ нашей душѣ. Внутреннія причины дѣйствуютъ тогда, когда никакія внѣшнія впечатлѣнія не дѣйствуютъ на душу нашу. Напр. мы сидимъ въ темнотѣ, вокругъ насъ царствуетъ совершенная тишина; при такихъ условіяхъ, представленія, образовавшіяся въ душѣ нашей прежде, легко могутъ ожить въ ней снова, т. е. сдѣлаться сознательными. Внутреннія же причины будутъ дѣйствовать и тогда, когда мы по собственной волѣ желаемъ привести въ сознаніе то или дру-

гое представленіе о предметѣ. Напр. если вы передаете что-нибудь другимъ, то въ это время дѣлаете сознательными представленія о тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы ведете бесѣду. Потомъ эти представленія снова изчезаютъ.

Гдѣ-же эти представленія хранятся во все остальное время? — Въ памяти. И такъ, память есть способность хранить образованныя въ душѣ представленія. — Чѣмъ быстрѣе дѣятельность душевныхъ способностей того или другаго лица, тѣмъ быстрѣе возобновляются въ сознаніи его представленія о предметахъ, эту быстроту можно измѣрить быстротою и медленностію его рѣчи.

Изъ всего, что до сихъ поръ мы говорили, мы видѣли, что развитіе познавательныхъ способностей дитяти находилось подъ вліяніемъ внѣшняго міра, и самою дѣятельною способностію при этомъ были внѣшнія чувства. Теперь посмотримъ, что создали эти чувства въ душѣ ребенка?

Мы видѣли, что множество однородныхъ предметовъ образовали въ душѣ одно представленіе. Разсмотримъ теперь тѣ элементы, которые входятъ въ составъ представленія. Его составляетъ главнымъ образомъ *наружность предмета*, *его внѣшнія формы.* Но въ предметахъ, кромѣ ихъ наружности, есть свойства, которыя первоначально не входятъ въ представленіе, таковы: *упругость ихъ*, *мягкость*, *различная способность служить нуждамъ человѣка* и проч. Эти свойства открываются въ предметахъ при дальнѣйшемъ ихъ изученіи; теперь посмотримъ, какъ это совершается. Положимъ, въ сознаніи ребенка образовалось общее представленіе о деревѣ. Представленіе это составляетъ общую всѣмъ видѣннымъ ребенкомъ наружность дерева. Положимъ, ребенокъ встрѣчаетъ дерево такой породы, которой онъ прежде не видѣлъ, наприм. сосну. Онъ спрашиваетъ при этомъ, какое это дерево? Проанализируемъ свойство этого

вопроса. Вопросъ этотъ показываетъ, съ одной стороны, что новыя черты въ наружности сосны не вошли въ то общее представленіе о деревѣ, которое хранится въ душѣ ребенка; а съ другой стороны — показываетъ также и то, что сосна имѣетъ много общаго съ этимъ представленіемъ, потому что ребенокъ называетъ ее также деревомъ, только спрашиваетъ, какое она дерево; если-бы было иначе, т. е. если-бы сосна не имѣла ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ, которое ребенокъ пріобрѣлъ о деревѣ, то онъ спросилъ бы, указывая на сосну, что это такое?

Особенность, которою отличается сосна отъ общаго представленія о деревѣ, выдѣляется изъ этого представленія какъ отдѣльный признакъ, какъ часть цѣлаго. При этомъ выдѣленіи единство образа или представленія о деревѣ вообще начинаетъ въ душѣ ребенка распадаться на составныя части, *на отдѣльные признаки*. Съ этого момента дѣятельность познавательныхъ силъ ребенка переходитъ на высшую ступень, на которой она дѣлается, хотя и въ слабой степени, независимою отъ внѣшнихъ впечатлѣній: она не повторяетъ уже рабски образа предмета въ душѣ, какъ было въ представленіи, но разлагаетъ предметъ на отдѣльныя его черты, которыя мы назвали признаками. Въ этомъ актѣ душевной дѣятельности есть уже зародышъ мышленія, которое скоро возвышается на такую степень, что дѣлается способнымъ образовать *понятіе о предметѣ*. Дѣлается это такимъ образомъ: ребенокъ, встрѣчая одинаковые предметы, сравниваетъ ихъ уже не какъ отдѣльные цѣлые образы, но отыскиваетъ въ нихъ сходныхъ признаковъ, и отыскавъ ихъ, выдѣляетъ изъ многихъ предметовъ и представляетъ каждый признакъ отдѣльно. И потомъ, соединивъ тѣ изъ нихъ, которые повторяются во всѣхъ одинаковыхъ предметахъ, образуетъ общее понятіе объ нихъ. Разумѣется, въ это понятіе, при слабости еще мышленія ребенка

и его наблюдательности, входятъ не всегда существенные признаки предмета, а чаще тѣ, которые легко бросаются въ глаза, слѣдовательно только такіе, которые принадлежатъ наружному виду предмета.

Далѣе, болѣе внимательное изученіе этихъ признаковъ возводитъ мышленіе ребенка *на вторую ступень*, такимъ образомъ: онъ замѣчаетъ, напр., что листья на деревьяхъ, сходные въ общихъ чертахъ, имѣютъ нѣкоторую особенность, и спрашиваетъ о причинѣ этого несходства; такъ-же онъ поступаетъ, замѣчая различную величину деревьевъ. Этотъ вопросъ ведетъ его къ раскрытію такихъ свойствъ въ деревѣ, которыя относятся не къ наружности его, а *къ его внутренней жизни*. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ приводитъ его къ тому, что онъ уясняетъ себѣ назначеніе отдѣльныхъ признаковъ дерева и роль, какую они играютъ въ его жизни. Такъ образуется *сужденіе*, въ которомъ раскрывается уже назначеніе каждаго признака. Продолжая изученіе предмета, при помощи сужденій, ребенокъ переноситъ скоро мышленіе свое на *третью степень*. Этотъ третій процессъ мышленія развивается изъ сужденій такимъ образомъ: изучая назначеніе каждаго признака въ деревѣ, онъ доходитъ наконецъ до открытія, что *дѣятельность всѣхъ ихъ сводится къ одной общей цѣли:* положимъ такой, что отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ признаковъ происходитъ то, что дерево растетъ; на этомъ предѣлѣ заканчивается опытное познаніе и образуется переходъ къ дѣйствію чистаго разума. Подготовка къ этому дѣйствію совершалась посредствомъ разъясненія того, какую роль играетъ каждый изъ признаковъ предмета въ его общей жизни; какъ скоро это разъясняется, внѣшніе признаки предмета *служатъ уже указателями внутренней, незамѣтной для глаза ихъ дѣятельности*. На этой степени познанія и умственнаго

развитія ребенка, вмѣстѣ съ представленіемъ предмета, хранится въ душѣ его масса разнородныхъ свѣдѣній относительно внутреннихъ качествъ его, на присутствіе которыхъ указываетъ наружный видъ предмета. Теперь положимъ, что ребенокъ встрѣчаетъ опять дерево нѣсколько особенное, но сходное въ общихъ признакахъ съ тѣми, которыя онъ видѣлъ прежде, и положимъ, что онъ захотѣлъ бы открыть повторяется ли тотъ-же результатъ отъ совокупнаго дѣйствія признаковъ этого дерева, какой онъ видѣлъ при изученіи тѣхъ-же признаковъ въ другихъ деревьяхъ; положимъ, онъ хочетъ знать, можетъ ли это дерево расти: ему это знать нужно даже для какой-нибудь практической цѣли; онъ хочетъ посадить деревцо на любимомъ мѣстечкѣ; при этомъ онъ разсуждаетъ такъ: всѣ деревья, имѣя вѣтви листья и корень, растутъ; это деревцо то-же имѣетъ тѣ-же признаки, слѣдовательно и оно будетъ расти. Этотъ-то послѣдній актъ мышленія, составляющій третью его степень, и называютъ *силлогизмомъ*, которой есть уже результатъ дѣятельности чистаго разума. Силлогизмъ служитъ уже основаніемъ и руководствомъ въ практической дѣятельности человѣка; на немъ онъ основывается, стремясь къ близкимъ и отдаленнымъ житейскимъ цѣлямъ; посредствомъ силлогизма же расширяются и человѣческія познанія.

Процессъ развитія мышленія, нами описанный, можно представить въ немногихъ словахъ такъ: при образованіи понятія, образъ предмета, *созданный воображеніемъ, раздробляется на отдѣльные признаки: сужденіе опредѣляетъ назначеніе этихъ признаковъ, а умозаключеніе указываетъ на законы, которые управляютъ отдѣльною дѣятельностію каждаго признака, приводя ее къ общей цѣли* [1].

---

[1] Для объясненія процесса развитія познавательныхъ способно-

Вотъ въ краткомъ очеркѣ процессъ развитія дѣятельности познавательной способности. По мѣрѣ умноженія предметовъ, дѣйствующихъ на сознаніе ребенка, процессъ этотъ, оставаясь въ общихъ чертахъ тѣмъ-же, видоизмѣняется нѣсколько, смотря по степени трудности, которая представляется при раскрытіи свойствъ того или другаго предмета. Изъ этого мы видимъ, что первоначальное воспитаніе познавательной способности должно быть нагляднымъ, т. е. такимъ, при которомъ бы предметы познанія дѣйствовали на внѣшнія чувства, и только послѣ, когда представятся ясныя доказательства того, что мышленіе ребенка окрѣпло, при помощи этого нагляднаго обученія, можно переносить его вниманіе въ міръ отвлеченныхъ предметовъ, и можно начинать обученіе посредствомъ книги.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ сохранить надлежащую постепенность въ переходѣ отъ нагляднаго обученія къ книжному? Въ этомъ случаѣ чрезвычайно помогаетъ сильная дѣятельность воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ. Это преобладаніе воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ очень характеристически проявляется. Такъ, можно иногда наблюдать, какъ дѣти въ своихъ фантастическихъ играхъ стоятъ по-получасу въ углу комнаты, говорятъ, вслушиваются, отвѣчаютъ, киваютъ головой, точно, какъ будто они находятся въ разговорѣ съ другимъ лицемъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что образы, созданные фантазіею дѣтей, представляются въ душѣ ихъ дѣйствительными фактами. —

стей, мы пользовались только однимъ родомъ познаній — познаніемъ опытнымъ. Другой родъ познаній, развивающійся изъ врожденныхъ человѣку идей — о Богѣ, правѣ и т. д., составляющихъ основу его духовной организаціи, можетъ быть понятенъ только для человѣка, находящагося на высшихъ степеняхъ духовнаго развитія, а потому и неудобопримѣнимъ въ элементарномъ преподаваніи.

Потомъ тѣмъ-же преобладаніемъ фантазіи въ дѣтскомъ возрастѣ объясняется и та легкость, съ которою дѣти въ играхъ своихъ превращаются вовсе, во что имъ вздумается играть, въ принцевъ, фей, взрослыхъ людей и п. Тѣмъ-же самимъ объясняется и то, почему дѣтскія игры такъ рано получаютъ характеръ по преимуществу театральный и комическій, и почему куклы и животныя суть любимѣйшія игрушки дѣтей, и почему кусокъ дерева, завернутый въ какой-нибудь лоскутъ, они пяньчатъ съ съ большею бережливостію, нежели искуснымъ образомъ сдѣланную куклу. — Страсть дѣтей къ сказкамъ и вообще къ фантастическимъ разсказамъ имѣетъ то-же происхожденіе, т. е. зависитъ отъ преобладанія въ нихъ воображенія; отъ этого же зависитъ и безотчетная боязнь дѣтей, когда имъ приходится долго оставаться одинокими среди темноты: пылкая ихъ фантазія, не сдерживаемая разсудкомъ и опытностію, окружаетъ ихъ въ это время созданными ею страшными чудовищами.

Можно привести много другихъ наблюденій, доказывающихъ преобладаніе въ дѣтяхъ воображенія. На него-то и нужно дѣйствовать, когда вниманіе ребенка отъ дѣйствительности, его окружающей, переносится къ ознакомленію его съ предметами въ такомъ видѣ, въ какомъ они представляются въ книгѣ. Поэтому всѣ факты для того, чтобы усвоеніе ихъ для ребенка было легко и естественно, должны олицетвориться въ образы, — получить характеръ наглядности.

Кромѣ воображенія въ дитяти сравнительно сильнѣе дѣйствуютъ и разныя чувства — любовь, состраданіе и т. д. Развитіе этихъ чувствъ совершается подъ вліяніемъ нѣжной, любящей матери. Поэтому, дѣйствуя на познавательную способность уже при книжномъ обученіи, можно опираться въ извѣстныхъ случаяхъ и на дѣятельность чувства въ ребенкѣ. Но вообще этою дѣя-

тельностію дѣтей, въ этомъ случаѣ и съ этою цѣлію, нужно пользоваться очень осторожно, чтобы слишкомъ рано не подчинить чувства вліянію мышленія. — Сверхъ того не слѣдуетъ упускать изъ вида, кромѣ этихъ общихъ качествъ дѣтскаго возраста, и индивидуальныхъ наклонностей ребенка, которыя воспитатель можетъ уяснить себѣ отчасти посредствомъ темпераментовъ, но преимущественно посредствомъ наблюденія за дѣтьми во время игръ и въ другихъ случаяхъ.

Участіе въ развитіи душевной дѣятельности нервной системы и воспитаніе ея.

Изъ сказаннаго о постепенномъ пробужденіи и развитіи дѣятельности познавательной способности ребенка, мы видѣли, что сначала онъ сознаетъ предметы въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ они дѣйствуютъ на его внѣшнія чувства. Впечатлѣнія, полученныя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, при помощи нервной дѣятельности, передаются мозгу и такимъ путемъ возбуждается дѣятельность души. Слѣдовательно, при установленіи надлежащихъ отношеній между физическою и духовною природою дитяти, *нужно, какъ средствомъ, пользоваться воспитаніемъ внѣшнихъ чувствъ и укрѣпленіемъ нервной системы*. И такъ-какъ нервная дѣятельность нѣсколько предупреждаетъ даже дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, —потому-что она первоначально доноситъ до сознанія ребенка только то, что совершается въ его организмѣ, а потомъ уже передаетъ душѣ его и тѣ впечатлѣнія, которыя получаютъ внѣшнія чувства изъ окружающаго міра, — то воспитаніе нервной системы должно предшествовать воспитанію внѣшнихъ чувствъ и вообще познавательныхъ способностей дитяти.

На нервную систему при воспитаніи должно обращать особен-

ное вниманіе. Во 1-хъ, потому, что, по причинѣ тѣсной ея связи съ дѣятельностію душевныхъ способностей, отъ нормальности ея состоянія будетъ зависѣть и большая правильность развитія душевной дѣятельности; а во 2-хъ, потому, что только человѣкъ съ здоровыми нервами будетъ въ состояніи владѣть собою, а слѣдовательно и подчинять свое тѣло вліянію своей воли.

Средоточіе нервной системы есть мозгъ. Какъ мускулы укрѣпляются посредствомъ гимнастическихъ упражненій и физической дѣятельности, такъ и мозгъ развивается и укрѣпляется посредствомъ соотвѣтствующихъ его силѣ упражненій въ мышленіи. Средствомъ для упражненія мозга служатъ умственныя занятія по преимуществу, и вообще душевная дѣятельность. Отсюда ясно, что умственныя занятія и вообще душевная дѣятельность не должны быть слишкомъ чрезмѣрны, а главное — не должны быть сосредоточены исключительно на одномъ предметѣ. Это однообразіе утомитъ нервную систему, а неумѣренное напряженіе душевной дѣятельности произведетъ раздражительность и чувствительность нервовъ. Но, съ другой стороны, нужно беречь нервную систему и отъ избытка разнообразія впечатлѣній, что такъ-же можетъ дѣйствовать очень вредно, — съ одной стороны пріучая къ поверхности мышленія, а слѣдовательно и къ разсѣянности, а съ другой — разстраивая нервную систему. Такъ, Доннѐ говоритъ, что онъ встрѣтилъ ребенка, котораго родители возили съ собою во время путешествія по Италіи; масса разнородныхъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на него, такъ разстроила его нервы, что его потомъ съ трудомъ вылѣчили вліяніемъ свѣжаго воздуха и однообразною покойною жизнію.

Итакъ, ясно, что количество и качество умственныхъ занятій въ дѣтствѣ имѣютъ огромное вліяніе на нервную систему. Какъ поступать въ этомъ случаѣ, — этому учитъ физіологія. Мы

видѣли, говоря о гимнастикѣ, что мозгъ дитяти быстро развивается до 8 лѣтъ, а поэтому въ теченіи перваго возраста онъ еще слабъ. Потому не слѣдуетъ дѣтей до 8 лѣтъ заставлять напрягать умственныя силы и сидѣть за уроками, а лучше всего первоначальныя умственныя занятія ихъ соединять съ прогулками, и вообще слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы первоначальное обученіе дѣтей не мѣшало имъ, какъ можно чаще, бывать на свѣжемъ воздухѣ. Это тѣмъ удобнѣе выполнить потому, что природа такъ много представляетъ дитяти предметовъ для возбужденія и удовлетворенія его любознательности, что нѣтъ надобности иными способами ее возбуждать первоначально. Если при этомъ замѣтятъ, что дитя высказываетъ раннее развитіе ума и преждевременную зрѣлость, то на это слѣдуетъ смотрѣть, въ большей части случаевъ, какъ на признакъ слабости здоровья ребенка и его болѣзненности. Такого ребенка даже слѣдуетъ отвлекать отъ излишняго напряженія умственной дѣятельности и болѣе занимать играми, соединенными съ движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ.

Только въ 8 лѣтъ можно начинать, безъ вреда для здоровья, учить дѣтей систематически, и то не утомляя ихъ. При такихъ условіяхъ и при выполненіи тѣхъ правилъ, на которыя указали мы говоря о гимнастикѣ, можно сохранить и крѣпость нервной системы воспитанника и тѣмъ предохранить его какъ отъ физическихъ, такъ и отъ душевныхъ болѣзней.

III. О ВОСПИТАНІИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ.

А) Воспитаніе внѣшнихъ чувствъ.

Изъ обозрѣнія постепеннаго развитія познавательныхъ способностей, мы уже видѣли, что прежде другихъ начинаютъ дѣй-

ствовать внѣшнія чувства. Поэтому дѣятельность чувствъ нуждается въ воспитаніи задолго еще до того времени, когда ребенка начнутъ учить систематически. Воспитаніе это можетъ быть совершаемо во время прогулокъ и дѣтскихъ игръ, а потому удобно можетъ быть соединено съ физическимъ воспитаніемъ въ первый періодъ. Это соединеніе особенно важно въ томъ отношеніи, что такимъ образомъ удобнѣе положить начала привычкѣ ребенка владѣть своимъ тѣломъ и повелѣвать, если это нужно, потребностями его. Отсюда уясняются и тѣ цѣли, которыя нужно имѣть въ виду при воспитаніи внѣшнихъ чувствъ, а именно: a) *предохраненіе ихъ отъ поврежденія и укрѣпленіе ихъ;* b) *развитіе или воспитаніе ихъ съ цѣлію сдѣлать ихъ болѣе удобными служить душѣ*, и c) *пользоваться ими, чтобы постепенно подчинить тѣло вліянію души.*

1. Воспитаніе зрѣнія. Съ первыхъ дней жизни ребенка необходимо охранять его глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта, который можетъ въ нихъ производить раздраженіе и даже воспаленіе. Также вредно дѣйствуетъ на органъ зрѣнія быстро-измѣняющійся свѣтъ. Далѣе, когда дѣти начнутъ читать, то не слѣдуетъ имъ позволять читать во время ходьбы или ѣзды, а также и въ сумерки, потому что при этомъ зрѣніе можетъ сильно напрягаться, а чрезъ это и повреждаться. Такое же вредное дѣйствіе можетъ имѣть и слишкомъ мелкая печать; она кромѣ того можетъ произвести и близорукость.

Теперь посмотримъ, какъ нужно упражнять зрѣніе, чтобы оно удобнѣе могло служить душевному развитію. Самое простое и приличное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы глаза попеременно обращались на различные предметы — большіе и малые, близкіе и отдаленные, разныхъ цвѣтовъ и при различномъ освѣщеніи. Но воспитатель не долженъ слишкомъ пріучать воспи-

танника ограничиваться однимъ созерцаніемъ предметовъ, а напротивъ, долженъ развивать въ немъ наклонность ихъ *наблюдать* и изучать. Потому воспитатель, когда начнетъ крѣпнуть душевная дѣятельность ребенка, долженъ останавливать его зрѣніе на предметахъ, заставляя его ихъ внимательно разсматривать и разбирать. Лучшимъ средствомъ для этого можетъ служить природа; ботаническія и минералогическія прогулки могутъ доставить прекрасное средство для подобныхъ упражненій. Кромѣ того, дѣти весьма охотно собираютъ жуковъ и бабочекъ; этимъ также можно пользоваться для упражненія зрѣнія, и кромѣ того при этомъ же можно пріучать дѣтей, при собираніи насѣкомыхъ, интересоваться многимъ и изучать образъ жизни и обычаи собираемыхъ насѣкомыхъ. Далѣе, уроки рисованія, по разумной методѣ и въ должныхъ размѣрахъ, способствуютъ развитію зрѣнія въ эстетическомъ отношеніи.

Но, пріучая зрѣніе къ наблюдательности, необходимо также развивать и *быстроту зрѣнія.* Это важно въ томъ отношеніи, что душа воспринимаетъ образъ предметовъ посредствомъ зрѣнія, и отъ быстроты, съ которою оно пріучено получать отчетливыя впечатлѣнія извнѣ, зависитъ и быстрота, съ которою въ душѣ смѣняется одно представленіе другимъ, а отъ этого зависитъ и быстрота соображенія. Поэтому, хотя дѣти и должны пріучать глаза свои не разбѣгаться по разнымъ предметамъ, а пристально смотрѣть на каждый предметъ порознь до тѣхъ поръ, пока образъ его отпечатлѣется въ душѣ; но въ то-же время надобно развивать въ зрѣніи способность дѣлать все это съ большею и большею быстротою посредствомъ нарочно придуманныхъ для этого упражненій. Пусть дитя постепенно привыкаетъ узнавать предметы, не только останавливаясь предъ ними, но также и тогда, когда они мелькаютъ мимо его.

Наконецъ, надобно упражнять въ дѣтяхъ *глазомѣръ,* т. е. способность угадывать разстояніе и величину предметовъ. Развитію этого качества въ зрѣніи можетъ способствовать пристальное, и притомъ частое, смотрѣніе на предметы, принимаемые за мѣру, т. е. аршинъ, футъ и т. д.; также повѣрка глазомѣра дѣйствительнымъ измѣреніемъ, и, въ случаѣ ошибки, должно дознаться, отчего она произошла. — Многія упражненія этого рода можно соединить съ преподаваніемъ геометріи.

2. Воспитаніе слуха. Слухъ гораздо легче предохранять отъ поврежденія и притупленія, нежели зрѣніе. Нужно только оберегать его отъ сильныхъ и частыхъ потрясеній, и голову отъ простуды. Въ случаѣ же значительныхъ поврежденій этого чувства слѣдуетъ обращаться за помощію къ врачу.

Для развитія же слуха, можно употреблять первоначально *нѣчто въ родѣ игръ.* Пусть дѣти пріучаются отличать голоса людей и звѣрей, вблизи и вдали и даже въ смѣшанномъ шумѣ. За-тѣмъ слѣдуетъ знакомить ребенка съ *тономъ* и пріучать различать, какой тонъ выше и ниже, какой длиннѣе и короче. Далѣе, слѣдуетъ пріучать ребенка къ *такту.* Къ такту ребенка пріучаетъ уже колыбельная пѣсня и качаніе въ люлькѣ. Скоро онъ пріучается, если объ этомъ заботятся, въ тактъ говорить, а потомъ и ходить; первое служитъ основаніемъ пѣнію, а второе — танцамъ. Потомъ полезно вмѣсто однообразнаго такта вводить перемѣнный, сложный; такимъ путемъ въ ребенкѣ, вмѣстѣ съ тактомъ, будетъ развиваться чувство мелодіи и гармоніи, а съ этимъ начинается эстетическое образованіе слуха, которое довершается музыкою и изящнымъ произношеніемъ.

Такъ-какъ зрѣніе и слухъ, какъ мы уже упоминали, преимущественно служатъ развитію душевной дѣятельности, то поэтому, при воспитаніи ихъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на пріученіе ре-

бенка отдавать впечатлѣніямъ, ими доставляемымъ, преимущество предъ впечатлѣніями, получаемыми имъ посредствомъ другихъ чувствъ. Какъ поступать въ этомъ случаѣ — трудно представить подробныя правила. Но вообще, если воспитатель съумѣетъ занять зрѣніе и слухъ воспитанниковъ на-столько, что они будутъ забывать при этомъ о голодѣ, о физической усталости, то значитъ, что онъ много успѣваетъ въ пріученіи ребенка предпочитать духовныя наслажденія, доставляемыя ему чувствомъ зрѣнія и слуха, физическимъ чувственнымъ удовольствіямъ, получаемымъ чрезъ посредство другихъ чувствъ, а слѣдовательно и подчинять тѣло вліянію души. Особенно могущественнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить музыка; впечатлѣніе ея на всякаго дѣйствуетъ сильно, такъ-же она можетъ дѣйствовать и на ребенка: стоитъ только пользоваться ею, какъ слѣдуетъ; для этого нужно выбирать мотивы первоначально несложные и понятные для ребенка. Этому условію можетъ удовлетворить церковное пѣніе, которое, кромѣ того, можетъ наполнять душу ребенка высокимъ религіознымъ благоговѣніемъ.

Остальныя внѣшнія чувства относятся къ низшимъ, и потому, при упражненіи ихъ, не слѣдуетъ забывать, что посредствомъ правильнаго воспитанія ихъ можно способствовать такъ-же постепенному подчиненію тѣла вліянію души. Съ этою цѣлію воспитатель по-возможности долженъ уронить въ глазахъ дѣтей достоинство тѣхъ чувственныхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить себѣ, неумѣренно предаваясь впечатлѣніямъ, получаемымъ ими посредствомъ низшихъ чувствъ; и кромѣ того, слѣдуетъ пріучать ребенка смотрѣть и на эти чувства, какъ на орудія познанія, необходимаго для душевнаго развитія.

3. Чувство осязанія. Слишкомъ значительное его развитіе можетъ быть допущено только въ случаѣ необходимости, потому

что во многихъ случаяхъ оно можетъ помогать зрѣнію. Упражненія же необходимыя для того, чтобы сдѣлать его средствомъ служить душевному развитію, могутъ быть первоначально соединены съ *играми*. Посредствомъ такихъ упражненій можно пріучить ребенка узнавать вещь однимъ прикосновеніемъ. По свойству и характеру своей дѣятельности, осязаніе даетъ воспитателю возможность пріучить воспитанника, съ одной стороны, переносить жаръ и холодъ безъ вреда для здоровья, спать на жесткихъ постеляхъ, а съ другой — переносить терпѣливо физическія страданія и забывать объ нихъ, если того требуютъ какіе-нибудь нравственные интересы. — Древніе народы, особенно спартанцы, именно такъ и пользовались осязаніемъ при воспитаніи; но они въ этомъ отношеніи доходили до крайностей, противныхъ нашимъ понятіямъ.

4. Обоняніе можетъ служить душевному развитію массою многочисленныхъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ посредствомъ этого чувства. Такъ, понятія о запахѣ тѣлъ мы получаемъ только посредствомъ обонянія. Но, кромѣ того, это чувство во многихъ случаяхъ можетъ служить къ распознанію вредныхъ для здоровья веществъ, напр., ядовитыхъ травъ; имъ можно пользоваться также и для того, чтобы пріучить дѣтей избѣгать зловонныхъ испареній, которыя такъ вредятъ чистоплотности и здоровью. Наконецъ, чтобы оно не мѣшало водворенію въ ребенкѣ способности подчинять тѣло господству души, не нужно при воспитаніи слишкомъ его изнѣживать употребленіемъ искусственныхъ благовоній, что между прочимъ можетъ быть вредно и въ томъ отношеніи, что ослабляетъ способность чувства обонянія доставлять душѣ отчетливыя впечатлѣнія.

5. Вкусъ. На вкусъ должно быть при воспитаніи обращено особенное вниманіе, потому что излишнее его утонченіе можетъ

принести огромный вредъ нравственному развитію ребенка. Поэтому, гораздо лучше предоставлять это чувство его естественному развитію, и даже полезно въ нѣкоторой степени его загрубить; только въ такомъ случаѣ оно можетъ служить средствомъ для подчиненія тѣла душѣ. Напротивъ, если дѣти привыкнутъ услаждать свой вкусъ, то въ нихъ легко развивается пристрастіе къ чувственнымъ наслажденіямъ и равнодушіе къ умственнымъ, о чемъ мы уже нѣсколько разъ упоминали прежде.

в) О воспитателѣ и объ отношеніяхъ его къ воспитаннику.

До сихъ поръ воспитаніе ребенка шло подъ вліяніемъ окружающей его дѣйствительности, среди которой главную роль играла природа; душевная дѣятельность его возбуждалась большею частію тѣми предметами, на которыхъ останавливалась его любознательность. Въ воспитаніи его поэтому до сихъ поръ господствовала наглядность. Но когда начинаютъ учить ребенка систематически, то здѣсь онъ и его дальнѣйшее развитіе вступаетъ подъ руководство воспитателя. На практикѣ чаще случается, что ребенокъ поступаетъ въ это время въ школу, гдѣ онъ встрѣчаетъ не одного воспитателя, а нѣсколькихъ. Съ этого времени, слѣдовательно, между матеріаломъ, которымъ уже *намѣренно* возбуждаютъ душевную дѣятельность ребенка, и самою душевною дѣятельностью его стоитъ одинъ или нѣсколько воспитателей, и личныя ихъ качества, а такъ-же и поведеніе ихъ не могутъ не имѣть большаго вліянія на самое воспитаніе. Поэтому, прежде нежели приступимъ къ изложенію правилъ, которымъ нужно слѣдовать при воспитаніи другихъ познавательныхъ способностей, послѣ внѣшнихъ чувствъ, мы должны показать, съ какими личными качествами долженъ быть воспитатель вообще,

а потомъ, — проанализировать и другія обстоятельства, которыя съ этого времени образуютъ около ребенка тотъ или другой строй жизни, и уяснить — какую роль играютъ и эти обстоятельства въ дѣлѣ воспитанія. Начнемъ съ воспитателя.

α) Какія качества долженъ имѣть воспитатель.

Такъ-какъ воспитатель дѣйствуетъ на воспитанника, какъ мы уже сказали, не только посредствомъ науки, которою онъ ему преподаетъ, но и собственными личными качествами, поэтому необходимо опредѣлить, каковы должны быть эти качества.

Прежде всего отъ воспитателя требуется полная *зрѣлость*, т. е. такое состояніе душевныхъ силъ, при которыхъ онъ легко могъ бы нравственно овладѣть воспитаніемъ и при этомъ не нуждался бы въ чужомъ руководствѣ. Съ зрѣлостью воспитателя тѣсно связано другое качество, необходимое въ немъ — это *разумность* въ самомъ широкомъ смыслѣ. Дѣйствуя подъ вліяніемъ ея, воспитатель со всевозможною осторожностію будетъ обращаться съ натурою и личностью ребенка и не станетъ населять преждевременно его сознанія такими понятіями и идеями, которыя могутъ повредить его духовной организаціи или нравственнымъ чувствамъ; « онъ съумѣетъ сберечь и сохранить въ ребенкѣ все доброе и хорошее, и съ необыкновеннымъ стараніемъ будетъ постепенно развивать всѣ благородные зародыши въ его душѣ и направлять ихъ къ благой дѣятельности ». — Однимъ словомъ, онъ не забудетъ, что имѣетъ дѣло съ личностію человѣка, которую всякій обязанъ уважать; и что, поэтому, онъ не долженъ смотрѣть на ребенка, какъ на игрушку своихъ прихотей, а дѣйствовать въ отношеніи къ нему такъ, чтобы развить и внести энергію въ его способности, подчинить его волю нача-

ламъ нравственности и тѣмъ приготовить его къ самоусовершенствованію. Руководимый такими идеями и чувствами, воспитатель не будетъ заботиться только о томъ, чтобы удовлетворить своею дѣятельностію родныхъ воспитанника, или кого бы то ни было, а напротивъ — самъ сдѣлается строгимъ судьею своихъ воспитательныхъ дѣйствій и безпристрастно, съ полною добросовѣстностью, будетъ оцѣнивать результаты своего труда, помня, что за ввѣренныя ему молодыя души онъ отвѣчаетъ не передъ внѣшними только обязательствами, а предъ лицемъ самого Бога. Эта строгая отвѣтственность воспитателя, при трудности его работы, требуетъ отъ него еще новаго качества — *самоотреченія.* Всякій, берущій на себя обязанность воспитателя, долженъ сначала строго осмотрѣть самого себя и рѣшить — способенъ ли онъ къ этой обязанности и можетъ ли онъ терпѣливо переносить тѣ трудности, съ которыми соединено ея выполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, только истинное призваніе можетъ заставить горячо полюбить сложную и утомительную дѣятельность воспитателя. Поэтому всякій, принявшій ее на себя, долженъ терпѣливо бороться съ трудностями ея и помнить слова Спасителя: «*кто, положивши руку свою на рало, станетъ оглядываться, тотъ не войдетъ въ царство небесное*».

Далѣе, воспитатель долженъ обладать способностію *полюбить дѣтей.* Если онъ ею владѣетъ, то это вѣрный признакъ того, что онъ будетъ воспитателемъ по призванію. Притомъ любовь его къ дѣтямъ будетъ служить ему отрадою и вмѣстѣ помогать ему въ его трудномъ дѣлѣ, — потому что присутствіе любви въ воспитателѣ дѣти легко отгадываютъ, если только она искренна, и такому воспитателю они охотно подчиняются. Вслѣдствіе этого, воспитатель безъ всякаго труда и усилія входитъ въ образъ мыслей дѣтей, въ ихъ дѣла, и легко пріобрѣтаетъ полное ихъ

довѣріе, а только пользуясь довѣріемъ, онъ и можетъ проникнуть въ душу ребенка и узнать всѣ его наклонности. Но при всей своей любви къ дѣтямъ воспитатель долженъ *держать себя осторожно* и твердо стоять на извѣстныхъ пріемахъ, сохранять въ нужныхъ случаяхъ серьезный строгій характеръ, чтобы дѣти чувствовали надъ собою его нравственный авторитетъ: добрый и благоразумный наставникъ всегда съумѣетъ поставить себя такъ, что дѣти изъ любви и уваженія къ нему не позволятъ себѣ нарушать свои обязанности относительно его.

Нечего и говорить при этомъ, что воспитатель долженъ имѣть *чистую нравственность*, чтобы онъ могъ подавать собою воспитанникамъ добрый примѣръ. Принявъ во вниманіе склонность дѣтей къ подражанію тому образу дѣйствія, который они видятъ вокругъ себя, можно себѣ ясно представить, какъ много могутъ сдѣлать добрыя личныя качества наставника для нравственнаго воспитанія его учениковъ: — они будутъ дѣйствовать на нихъ сильнѣе, нежели всѣ возможныя правила, взысканія и награды; потому что, при недостаткѣ развитія, дѣти съ трудомъ могутъ уразумѣть нравственныя наставленія, но они ясно будутъ представлять себѣ добрые и благородные поступки воспитателя. Поэтому личныя его качества должны быть вообще таковы, чтобы онъ не могъ ихъ стыдиться предъ людьми, и чтобы онъ могъ ихъ искренно обнаруживать передъ дѣтьми не боясь нанести вредъ ихъ нравственности. Желаніе его скрыть передъ дѣтьми свои дурныя свойства не поведетъ ни къ чему; оно только уронитъ его достоинство въ глазахъ дѣтей и ослабитъ его вліяніе на нихъ. Поэтому воспитатель въ этомъ отношеніи долженъ вести себя открыто: пусть лучше дѣти замѣтятъ въ наставникѣ нѣсколько неважныхъ слабостей, нежели откроютъ въ немъ притворство; лукавить передъ питомцемъ — значитъ, по-

вторяемъ, рисковать потерею къ себѣ уваженія и довѣрія съ его стороны. Но, вредя себѣ и ослабляя свое нравственное вліяніе на дѣтей, воспитатель своимъ притворствомъ можетъ повредить и ихъ собственной нравственности: ребенокъ изъ подражанія наставнику самъ можетъ усвоить себѣ притворство и лукавство и такимъ образомъ извратить свою душу на всю жизнь. Вообще, искренность — важное качество въ воспитателѣ; потому что только слово, идущее отъ сердца, можетъ проникать въ дѣтскую натуру и глубоко занести туда воспитательныя начала.

Общій характеръ поведенія воспитателя въ отношеніи къ дѣтямъ долженъ отличаться *спокойствіемъ*. Спокойствіе вообще есть признакъ самообладанія, и если дитя, которое вообще все замѣчаетъ въ наставникѣ, откроетъ, что онъ не владѣетъ собою, то оно не охотно будетъ ему повиноваться и привыкнетъ смотрѣть на власть наставника надъ собою, какъ на насиліе. Наконецъ, не только среди дѣтей, но и въ обществѣ воспитатель долженъ вести себя такъ, чтобы *пользоваться въ немъ уваженіемъ*; потому что степень уваженія, какою пользуется воспитатель въ обществѣ, чрезъ взрослыхъ и родителей дѣлается извѣстною и дѣтямъ и имѣетъ также значительное вліяніе на ихъ взглядъ на воспитателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, пріобрѣсти это уваженіе бываетъ чрезвычайно трудно: здѣсь многое зависитъ не отъ самаго наставника, а отъ взгляда общества на его обязанность, что въ свою очередь зависитъ отъ степени образованія самаго общества. Если оно образовано настолько, что уважаетъ науку и знаніе, то будетъ уважать и его представителя. Относительно же того, какъ долженъ вести себя воспитатель въ обществѣ, вотъ что говоритъ баронъ Дежерардо, обращаясь къ наставникамъ: «вы пріобрѣтите уваженіе столь необходимое въ трудной должности, вамъ предстоящей... только

имъ однимъ вы можете снискать себѣ постоянное почтеніе отъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ будете имѣть сношенія въ обстоятельствахъ часто затруднительныхъ. Оно принадлежитъ вамъ, какъ справедливое возмездіе, но лучше заслужить его, чѣмъ требовать. Вы тѣмъ легче его пріобрѣтете, чѣмъ больше будете уважать самихъ себя». Для пріобрѣтенія этого уваженія, онъ говоритъ далѣе: «не подвергайте себя никакой зависимости отъ другихъ; отстраняйте отъ себя всякое частное покровительство, избѣгайте духа партій и даже всякой слишкомъ короткой связи. Имѣйте друзей, но избирайте ихъ какъ можно осмотрительнѣе, и пусть уваженіе, которымъ они пользуются, придастъ вамъ еще болѣе цѣны... Не угождайте слишкомъ много родителямъ вашихъ воспитанниковъ, если хотите, чтобы они въ отношеніи къ вамъ исполняли все, что должно; пусть въ обращеніи вашемъ не будетъ ни сухости, ни короткости; пусть оно всегда будетъ просто и скромно; избѣгайте въ себѣ самихъ оскорбляющей гордости, но сохраняйте то непринужденное достоинство, которое бываетъ слѣдствіемъ сознанія правъ своихъ на уваженіе». Но, повторяемъ, пріобрѣтеніе уваженія въ обществѣ въ большей части случаевъ не вполнѣ зависитъ отъ воспитателя.

Всѣ другія качества, которыя долженъ имѣть воспитатель, перечислить очень трудно. Но если онъ овладѣетъ въ удовлетворительной степени и вышеозначенными, то и тогда дѣятельность его будетъ располагать значительнымъ запасомъ силъ, необходимыхъ при воспитаніи дѣтей.

β) Какъ долженъ воспитатель приниматься за свое дѣло.

Теперь посмотримъ, какъ долженъ воспитатель приниматься за свое дѣло. Прежде всего, онъ, чтобы дѣйствовать съ успѣ-

хомъ на воспитанника, долженъ *изучить его* натуру и всѣ его способности и наклонности. Если земледѣлецъ, чтобы съ успѣхомъ обработывать поле, долженъ предварительно узнать его почву, то тѣмъ болѣе воспитатель обязанъ познакомиться съ натурою ребенка. «Отъ невыполненія этого условія нерѣдко случается, что самая разумная воспитательная мѣра, употребленная не во-время и неумѣстно, не приводитъ къ ожидаемому результату». Разумѣется, узнать ребенка вполнѣ очень не легко, но опытный и зоркій глазъ устраняетъ здѣсь многія затрудненія. Не всякому воспитателю, конечно, и не всегда удается устранить эти затрудненія, а потому нужно осторожно произносить рѣшительные приговоры надъ натурою дитяти; иногда многое въ ребенкѣ можетъ показаться въ преувеличенномъ видѣ; чтобы убѣдиться, есть ли въ ребенкѣ дѣйствительно извѣстное, предполагаемое качество, или оно только является кажущимся, иногда необходимо бываетъ ребенка подвергнуть испытанію, но какъ можно осторожнѣе, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Поэтому гораздо лучше съ этою цѣлію наблюдать за дѣтьми во время ихъ игръ съ товарищами, когда они обыкновенно ведутъ себя не стѣсняясь. Открывши въ ребенкѣ тѣ или другія свойства, не слѣдуетъ въ присутствіи его говорить объ нихъ съ посторонними, потому что ребенокъ, замѣтивъ, какія качества обыкновенно порицаютъ и какія хвалятъ, можетъ привыкнуть къ лицемѣрію.

Далѣе, воспитатель долженъ основывать свою дѣятельность на *тѣхъ свойствахъ*, которыя онъ найдетъ въ дитяти и не долженъ брать на себя труда создавать въ немъ что-нибудь новое. Такихъ свойствъ достаточно будетъ для его воспитательной дѣятельности; хорошо, если онъ на первыхъ порахъ съумѣетъ взяться, какъ слѣдуетъ, и за то, что онъ найдетъ въ дитяти. Сюда относятся: во 1-хъ,

его дарованія; во 2-хъ *качества, привитыя ему вліяніемъ другихъ,* средою его окружающею. Слѣдовательно, неправильно поступаютъ тѣ, которые опредѣляютъ преждевременно для воспитанника цѣль, назначеніе, для котораго его готовятъ, не зная еще, найдутся ли средства въ его натурѣ для достиженія этой цѣли. Такъ, иногда стараются сдѣлать музыканта изъ ребенка, которому вовсе не дано способностей къ музыкѣ, или когда для развитія этихъ способностей въ немъ уже упущено благопріятное время. Не достигая цѣли, къ которой стремятся при этомъ, подвергаютъ однако жъ ребенка мученію. То-же бываетъ и во всѣхъ случаяхъ, когда ребенка стараются приготовить къ такой дѣятельности, къ которой у него не окажется наклонностей и способностей.

Но недостаточно принимать во вниманіе только способности ребенка, необходимо еще не упускать изъ вида и *степень ихъ развитія;* въ послѣднемъ случаѣ нужно руководствоваться возрастомъ ребенка. Извѣстно, что въ различномъ возрастѣ преобладаютъ различныя душевныя способности; такъ, въ дѣтствѣ человѣка преобладаетъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и фантазіи; въ юношѣ слѣдуетъ предположить большую зрѣлость ума, а также и воли. Кромѣ того, съ цѣлію сохранить правильность воспитанія, необходимо обращать вниманіе и на то, *какъ развивали и воспитывали ребенка прежде.* Весьма нерѣдко случается, что воспитатель, начиная воспитывать ребенка, не обращаетъ вниманія на предшествовавшее воспитаніе, которое въ натурѣ его уже произвело извѣстные результаты; рѣзкій переходъ отъ усвоенныхъ ребенкомъ понятій прежде къ новымъ, слишкомъ противуположнымъ, можетъ повредить нормальности его развитія.

Далѣе, при самомъ воспитаніи необходимо *начинать съ легчайшаго и постепенно переходить къ труднѣйшему;* что-же

легко, и что трудно — на это можетъ указывать опытъ; но очень важно при этомъ придти къ положительному заключенію и не впасть въ заблужденіе, а потому необходимо, для избѣжанія этого, опытъ повторить нѣсколько разъ и притомъ надъ значительнымъ числомъ воспитанниковъ. Посредствомъ такихъ опытовъ воспитатель можетъ предохранять себя отъ двухъ погрѣшностей: a) *отъ принужденія дѣтей къ не-посильной работѣ*, и b) *отъ расточительности ихъ силъ*. Если на дитя возложатъ слишкомъ много, и оно замѣтитъ безуспѣшность своихъ усилій выполнить заданную ему работу, то теряетъ бодрость духа и обращаетъ свое вниманіе на что-нибудь другое, и такимъ образомъ отдѣляетъ свою волю отъ воли воспитателя. Напротивъ, если отъ ребенка требуютъ слишкомъ мало, и онъ по своей волѣ будетъ располагать значительнымъ свободнымъ временемъ, то онъ будетъ употреблять избытокъ своихъ силъ на праздность и на удовольствія съ нею соединенныя, и такимъ образомъ привыкнетъ чуждаться всякаго серьезнаго труда, отчего впослѣдствіи можетъ сдѣлаться умственно и нравственно безсильнымъ.

Далѣе, воспитаніе должно *быть правдиво*. «Если истина во всемъ дорога для человѣка, то тѣмъ болѣе она важна въ воспитаніи», которое имѣетъ въ виду такую серьезную и высокую задачу, каково усовершенствованіе человѣка. Поэтому, воспитатель не долженъ умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ своего воспитанника прикрывать наружнымъ блескомъ, съ цѣлію обмануть неопытныхъ наблюдателей. Подобное поведеніе воспитателя будетъ не только преступленіемъ предъ воспитанникомъ, которому даютъ вмѣсто истиннаго усовершенствованія ложное, но и предъ всѣмъ обществомъ, въ числѣ согражданъ котораго, вслѣдствіе такого поведенія воспитателя, явятся потомъ недостойные члены. Это весьма часто упускаютъ изъ виду родители, которые, бу-

дучи ослѣплены привязанностію къ дѣтямъ, не могутъ видѣть успѣховъ ихъ въ истинномъ свѣтѣ, и своими похвалами очень рано развиваютъ въ нихъ самодовольство.

Правдивость же воспитанія требуетъ также, чтобы оно отличалось *основательностію*, безъ этого оно не можетъ быть прочнымъ. Въ чемъ состоитъ основательность воспитанія — это всякому понятно. Имѣя въ виду сдѣлать его таковымъ, воспитатель долженъ развить въ воспитанникѣ извѣстныя качества и свѣдѣнія съ такою прочностію и силою, чтобы и то, и другое сдѣлалось его полною собственностію. Только при этомъ условіи воспитатель выполнитъ послѣднее и самое важное правило воспитанія, т. е. будетъ воспитывать такъ, что *въ послѣдствіи времени воспитанникъ его будетъ въ состояніи самъ продолжать свое воспитаніе, т. е. приготовитъ его къ самодѣятельности*. Развитію самодѣятельности въ ребенкѣ очень много помогаютъ, если задаютъ ему работу, сообразуясь съ его естественными силами, т. е. такую, которая не изнуряетъ его и которая доступна его разумѣнію; въ этомъ случаѣ онъ привыкаетъ овладѣвать своими знаніями и распоряжаться ими; чтобы утвердить его власть надъ пріобрѣтенными знаніями, полезно доставлять ему случаи примѣнять ихъ къ дѣлу.

γ) Какія качества долженъ имѣть воспитанникъ.

Мы изложили въ общихъ чертахъ, какими качествами долженъ обладать воспитатель, и какова должна быть его воспитательная дѣятельность. Теперь посмотримъ, *какія качества онъ долженъ встрѣтить въ воспитанникѣ* для того, чтобы могъ легче и удобнѣе достигать своихъ воспитательныхъ цѣлей.

1) Первое и самое важное качество, необходимое въ воспитанникѣ, есть *внимательность*. Хотя предметы внѣшняго міра, дѣйствуя на внѣшнія чувства, и возбуждаютъ въ душѣ впечат-

лѣнія; но только отчетливыя и ясныя впечатлѣнія приносятъ пользу душевному развитію ребенка, ясность же впечатлѣнія, какъ мы видѣли уже прежде, зависитъ съ одной стороны *отъ силы*, съ которою дѣйствуетъ предметъ на внѣшнее чувство, а съ другой — *отъ сосредоточенной дѣятельности самаго чувства*, т. е. *отъ силы вниманія*. Поэтому на отчетливость нашихъ впечатлѣній, кромѣ указанныхъ нами прежде естественныхъ причинъ, можетъ имѣть значительное вліяніе и наша собственная воля, потому что мы можемъ по произволу съ большею или меньшею напряженностію дѣятельности души останавливаться болѣе или менѣе продолжительное время на одномъ и томъ-же предметѣ и тѣмъ создать въ сознаніи нашемъ самое ясное о немъ представленіе. При этомъ мы можемъ до-того погрузиться въ предметъ, что не замѣтимъ всего, вокругъ насъ происходящаго. Такое состояніе зависитъ отъ силы нашего вниманія. Сила же вниманія въ свою очередь отчасти зависитъ отъ *энергіи души*, но еще болѣе отъ упражненія. «Есть люди, которымъ мѣшаетъ размышлять малѣйшій шорохъ, а для другихъ, въ минуты ихъ умственной дѣятельности, какъ будто изчезаетъ весь міръ, кромѣ предмета ихъ занимающаго. Люди съ такимъ вниманіемъ бываютъ *глубокими мыслителями и пламенными энтузіастами*». Отсюда очевидна важность внимательности въ воспитанникѣ и необходимость ея развитія въ немъ.

Теперь посмотримъ, какъ и при какихъ условіяхъ развивается и сохраняется внимательность учениковъ?

а) Самое главное условіе, усиливающее внимательность дѣтей, есть *любознательность* ихъ. Дѣти вообще отъ природы склонны къ любопытству; этою наклонностію нужно пользоваться съ самаго ранняго возраста, чтобы развить въ нихъ любознательность; для этого стоитъ только руководить первыми впечатлѣ-

ніями ребенка. Когда вниманіе дитяти останавливается на какомъ-нибудь предметѣ, нужно предметъ этотъ представить ему съ такой стороны, чтобы онъ еще болѣе заинтересовалъ его, для чего слѣдуетъ указать ему на тѣ свойства въ предметѣ, которыхъ онъ самъ не могъ бы замѣтить; такимъ образомъ вы сосредоточите дѣятельность душевныхъ способностей ребенка на одномъ предметѣ, и этимъ самымъ будете пріучать его не ограничиваться только поверхностнымъ знакомствомъ съ предметомъ, что онъ дѣлаетъ легко и самъ; а заставите его глубже вникнуть въ любопытныя стороны предмета, вами же предъ нимъ открытыя, и тѣмъ будете способствовать развитію въ немъ любознательности. Отсюда очевидно, что не слѣдуетъ развлекать вниманія ребенка излишнимъ разнообразіемъ предметовъ, когда вниманіе его слабо, а пріучать его долѣе интересоваться однимъ какимъ-нибудь, чѣмъ съ малыхъ лѣтъ можно развить въ немъ способность дѣлать точныя наблюденія надъ предметомъ, что гораздо труднѣе, нежели кажется съ перваго взгляда. Случается нерѣдко, что и взрослые не знаютъ напр. существенныхъ признаковъ розы, и часто приписываютъ ей такія свойства, которыя не принадлежатъ ей одной, но и другимъ растеніямъ. Предметы и явленія природы представляютъ громадный матеріалъ для подобныхъ упражненій, имѣющихъ цѣлію развить у дѣтей наблюдательность. Необходимо только предъ прогулкою, дѣлаемою съ этою цѣлію, намекнуть дѣтямъ предварительно на то, что должно подлежать особенному ихъ разсмотрѣнію. Тогда дитя съ большею напряженностію познавательныхъ силъ своей души остановится на предметѣ и лучше и внимательнѣе его разсмотритъ. Хорошо также и вмѣстѣ полезно нѣсколько разъ останавливать вниманіе ребенка на одномъ и томъже предметѣ; для этого лучше всего выбирать предметы, кото-

рые въ теченіи времени должны измѣнять свой видъ; напр. растеніе. Вообще на развитіе въ воспитанникѣ наблюдательности должно быть обращено какъ можно болѣе вниманія потому, что она преимущественно способствуетъ къ основательному изученію всего, что окружаетъ человѣка, и кромѣ того она необходима и для художника, и для изобрѣтателя.

Такимъ простымъ и легкимъ способомъ, т. е. останавливая вниманіе ребенка болѣе или менѣе продолжительное время на одномъ предметѣ, развивая въ немъ наблюдательность, въ то-же время вы будете способствовать накопленію въ немъ познаній; а *какъ скоро запасъ знаній накопленъ, то усиливается вмѣстѣ и любознательность ребенка.* Это происходитъ въ силу того непреложнаго закона, по которому человѣкъ чѣмъ болѣе знаетъ, тѣмъ болѣе развивается у него жажда къ знанію.

Кромѣ этихъ воспитательныхъ пріемовъ, развитію любознательности въ ребенкѣ много содѣйствуетъ и *степень уваженія къ знанію въ обществѣ.* Дитя, которое съ малыхъ лѣтъ видитъ вокругъ себя любовь къ знанію и наукѣ, сначала безсознательно дѣлаетъ то-же изъ подражанія, потомъ привыкаетъ уважать знанія и смотрѣть на усвоеніе ихъ какъ на священную и вмѣстѣ пріятную обязанность. Если же этого вокругъ себя ребенокъ не встрѣчаетъ, или, что еще хуже, объ ученыхъ трудахъ отзываются съ презрѣніемъ, то онъ самъ привыкаетъ раздѣлять это мнѣніе и смотритъ на обученіе свое съ отвращеніемъ. При этомъ условіи уже трудно, если не невозможно, развить въ дитяти любознательность.

b) Кромѣ любознательности, содѣйствуетъ развитію внимательности въ воспитанникѣ *характеръ обученія, или преподаванія вообще.* Если преподаваніе имѣетъ такой характеръ, что дѣйствуетъ преимущественно на возбужденіе дѣятельности такихъ

способностей, большая степень развитія которыхъ тѣсно связана бываетъ съ тѣмъ или другимъ возрастомъ, то такое преподаваніе, какъ естественное и удобопонятное для дѣтей, интересуетъ и занимаетъ ихъ. Такъ-же дѣйствуетъ преподаваніе и тогда, когда оно отличается энергіею, живостію и основательностію. При этомъ несправедливо думаютъ, что дѣти могутъ раздѣлять преподаваемыя науки на занимательныя и незанимательныя; въ глазахъ дѣтей всѣ онѣ являются съ равными достоинствами, а отъ самаго уже изложенія онѣ получаютъ тотъ или другой характеръ. Но кромѣ сообразности характера преподаванія съ возрастомъ, кромѣ энергіи и живости его, въ немъ должны находиться еще и другія качества для того, чтобы оно содѣйствовало развитію любознательности въ дѣтяхъ. Такъ, воспитатель, чтобы успѣшно шло дѣло преподаванія, долженъ внимательно обдумать каждый объясняемый урокъ предварительно и за-тѣмъ передавать его въ формѣ самой удобопонятной. При этомъ онъ по-возможности долженъ сохранять единство предмета и послѣдовательность въ изложеніи его, т. е., не уяснивши одного предмета, не долженъ переходить къ другому. Это правило нерѣдко нарушается; такъ, иногда преподаватель, по поводу того или другаго вопроса излагаемой имъ науки, вдается въ предметы, близко соприкасающіеся съ предметомъ урока, пускается въ сторону, и при этомъ часто упускаетъ изъ виду исходную точку своего разсказа, и главный предметъ урока теряется въ излишнихъ и часто не нужныхъ объясненіяхъ. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что посторонній предметъ, внесенный въ лекцію для того, чтобы сдѣлать объясненіе урока удобопонятнымъ, выростаетъ до такихъ размѣровъ, что «урокъ выходитъ не стройнымъ и гармоническимъ цѣлымъ, а какимъ-то неуклюжимъ зданіемъ». Конечно, отсюда не слѣдуетъ, что въ урокъ не нужно вносить сравненій и уподобленій

одного предмета другому; «сравнительныя точки зрѣнія чрезвычайно полезны и составляютъ одну изъ принадлежностей хорошаго преподаванія», но только должно пользоваться ими умѣренно. Кто не соблюдаетъ должной мѣры, тотъ можетъ обезобразить самый хорошій педагогическій пріемъ. И дѣйствительно, если преподаваніе является нестройнымъ, непослѣдовательнымъ, то оно непремѣнно будетъ губительно дѣйствовать на вниманіе учениковъ: оно не только не разовьетъ въ нихъ внимательности, но, напротивъ, будетъ содѣйствовать развитію разсѣянности въ воспитанникахъ; а это послѣднее всегда будетъ мѣшать основательности воспитанія ихъ и пріучитъ дѣтей довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ предметами.

2) Кромѣ внимательности, которая развивается вышеизложенными способами и дѣйствительность которыхъ зависитъ отъ сказанныхъ нами обстоятельствъ, воспитатель долженъ встрѣтить еще въ своемъ воспитанникѣ *уваженіе къ себѣ*. Этого вопроса мы касались уже, говоря о воспитателѣ, гдѣ мы указывали — на сколько пріобрѣтеніе уваженія зависитъ отъ самаго воспитателя и на сколько зависитъ не отъ него, а отъ общества, среди котораго ему приходится дѣйствовать. При недостаткѣ уваженія къ званію учителя въ обществѣ, ему трудно достигать своихъ воспитательныхъ цѣлей, потому что дѣти, изъ подражанія взрослымъ, начинаютъ тоже смотрѣть на своего учителя съ-высока, безъ всякаго уваженія. Развитіе ихъ еще такъ незначительно, что они сами не могутъ оцѣнить достойныхъ уваженія качествъ своего воспитателя, а потому на него и на знаніе его смотрятъ небрежно, уроки выслушиваютъ неохотно, и считаютъ время, проведенное за ученіемъ, потеряннымъ, или стараются въ урокъ вносить какіе-нибудь пустые посторонніе предметы, которыми ихъ пріучили интересоваться. Отъ этого-то происходитъ то

печальное явленіе, что преподаватель, при полнѣйшей добросовѣстности въ дѣлѣ своемъ, не встрѣчая должнаго уваженія со стороны дѣтей къ себѣ, а слѣдовательно и къ тому, что онъ говоритъ, рѣдко достигаетъ удовлетворительныхъ результатовъ.

3) Итакъ, воспитатель въ воспитанникѣ своемъ долженъ встрѣтить *внимательность* и *уваженіе къ себѣ:* но кромѣ этого, чтобы воспитаніе шло основательно, необходимо еще одно качество въ воспитанникѣ — это *прилежаніе.* Развитіе его зависитъ отъ примѣра его окружающихъ: если вокругъ себя дитя видитъ уваженіе къ труду, если при этотъ съумѣли поддержать и развить въ немъ любознательность, то оно сдѣлается и прилежнымъ.

c) О мѣстѣ воспитанія.

Теперь на очереди еще одинъ очень важный вопросъ: *гдѣ воспитывать лучше дѣтей — дома или въ школѣ?*

«Семейство, говоритъ Нимейеръ, есть естественная почва, на которой только и можетъ развиться дитя во всей полнотѣ своихъ силъ; оно подобно нѣжному растенію, для котораго преждевременная пересадка, даже и на лучшую почву, пагубна, или по крайней мѣрѣ вредна. Дѣти, которыхъ случай, удобства или ошибочный взглядъ родителей заставляютъ рано оставлять свой домъ, преждевременно перестаютъ быть дѣтьми, чувствовать по дѣтски, а можетъ быть имѣть дѣтскіе недостатки, не дѣлаясь отъ-того лучше другихъ. Только въ семействѣ могутъ заронить-ся впечатлѣнія, которыя, имѣя чисто человѣческій характеръ, должны проникнуть каждое человѣческое сердце. Любовь къ родителямъ и другимъ членамъ семейства, любовь къ домашнему быту, сочувствіе ко всему, что касается общаго семейнаго блага — все это суть чувствованія, заключающія въ себѣ сѣмена

всеобщаго чувства человѣколюбія». Такимъ образомъ отсюда слѣдуетъ, что дитя, котораго физическая и нравственная жизнь имѣетъ свои корни въ семействѣ, въ немъ одномъ должно получить первоначальное воспитаніе. Но когда дѣти достигаютъ извѣстной зрѣлости, то естественно возникаетъ вопросъ: продолжать ли воспитаніе дома, или отдавать дѣтей въ общественное заведеніе?

Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса необходимо разобрать тѣ условія и обстоятельства, которыя окружаютъ ребенка, когда его воспитываютъ дома, а потомъ, при какихъ условіяхъ совершается общественное воспитаніе.

Домашнее воспитаніе.

«Въ семействѣ, какъ въ зародышѣ, лежатъ будущій человѣкъ и будущее государство: семья есть государство въ миніатюрѣ».

Шейнертъ.

Приступая къ изложенію условій домашняго воспитанія, мы должны проанализировать тѣ воспитательныя силы, которыя окружаютъ здѣсь ребенка; только такимъ образомъ мы можемъ привести въ извѣстность и опредѣлить вполнѣ степень удовлетворительности или неудовлетворительности домашняго воспитанія.

«Естественныя отношенія, говоритъ Кесткеръ, установленныя природою между дѣтьми и родителями, составляютъ собственно исходную точку всѣхъ преимуществъ домашняго воспитанія въ домѣ родителей предъ воспитаніемъ внѣ родительскаго дома. Самыя счастливыя отношенія между воспитанникомъ и воспитателемъ, самая тѣсная между ними связь едва-ли когда-нибудь можетъ овладѣть всѣмъ сердцемъ воспитанника и сдѣлать его способнымъ на тѣ жертвы, которыя онъ охотно готовъ принести

въ дань чувству любви и привязанности къ своимъ родителямъ». Такимъ образомъ, при воспитаніи дома подъ вліяніемъ родителей любовь къ нимъ дѣтей составляетъ самую могущественную силу, которая можетъ давать направленіе и характеръ самому воспитанію. Потому разсмотримъ, въ какихъ формахъ является эта любовь и какія, подъ вліяніемъ ея, образуются отношенія между дѣтьми и родителями.

Отношенія между родителями и дѣтьми главнымъ образомъ состоятъ изъ двухъ началъ: *изъ любви родительской* и *любви дѣтской*, поэтому мы должны проанализировать ту и другую отдѣльно и указать на то, изъ какихъ элементовъ каждая изъ нихъ образуется и какое вліяніе оказываетъ на воспитаніе.

1. Любовь родительская. Самая первоначальная и простая форма любви родительской вытекаетъ изъ природы и основана на физическихъ побужденіяхъ. Такова любовь матери къ своему дитяти, подъ вліяніемъ которой она обнаруживаетъ полную готовность удовлетворить всѣмъ его нуждамъ и потребностямъ. Это — *любовь инстинктивная.* Эта форма любви для воспитанія имѣетъ мало значенія; правда, она въ нѣкоторой степени можетъ помогать при воспитаніи физическомъ, и то только въ первые два мѣсяца жизни ребенка. Если же ею руководствоваться исключительно, то даже и здѣсь она много иногда можетъ принести вреда, потому-что любовь эта не подчинена разуму и вообще не управляется никакою моральною силою; родители, руководствуясь этою любовью, удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ ребенка, не разсуждая о томъ — полезно ли это, или вредно.

Какъ скоро въ любовь инстинктивную вносится размышленіе, то поведеніе родителей въ отношеніи къ ребенку измѣняется, и

они удовлетворяютъ только тѣмъ желаніямъ его, выполненіемъ которыхъ они не могутъ повредить духовной или физической организаціи ребенка. Такое соединеніе инстинктивной любви съ разумомъ образуетъ вторую форму любви родительской — *любовь сознательную, разумную*. Такова любовь матери, которая, заботясь о будущемъ счастіи своего дитяти, отказываетъ уже себѣ въ удовольствіи удовлетворять ребенка, когда онъ желаетъ чего-нибудь, могущаго ему повредить, и готова даже огорчить его отказомъ, что для нѣжной матери сдѣлать иногда такъ трудно. Такова любовь отца, который, чтобы сохранить и развить нравственное совершенство въ своемъ сынѣ, способенъ, скрѣпя сердце, отнять у него удовольствія, вредныя для него въ какомъ бы то ни было отношеніи. Эта форма любви въ воспитаніи играетъ весьма важную роль и потому разсмотримъ, какъ она въ этомъ случаѣ проявляется.

Подъ вліяніемъ этой разумной любви у родителей вырабатывается понятіе о ихъ долгѣ въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ. Понятіе о родительскомъ долгѣ и его объемѣ опредѣляется, съ одной стороны, *обязанностями родителей, которыя налагаетъ на нихъ природа въ отношеніи къ дѣтямъ*, а съ другой стороны — *обязанностями родителей въ отношеніи къ обществу*. Поэтому долгъ родителей состоитъ въ томъ, чтобы направить дѣтей къ достиженію извѣстныхъ цѣлей въ жизни: во 1-хъ, для пользы общественной, и во 2-хъ, для блага ихъ собственнаго. Отсюда видно, что долгъ родителей заключаетъ въ себѣ два рода обязанностей: *обязанности въ отношеніи къ обществу* и *обязанности семейныя*.

При выполненіи своего долга родители могутъ расширять или съуживать предѣлы его. Но какъ бы границы долга родителей ни измѣнялись, ихъ можно опредѣлить, съ одной стороны, мѣрою

должнаго и необходимаго, а съ другой — *мѣрою возможнаго*. Долгъ родителей въ первомъ случаѣ можно свести къ слѣдующимъ обязанностямъ:

а) Они должны опредѣлить степень, въ какой возможно достиженіе ихъ дѣтьми цѣли въ жизни, для которой они, сообразно съ своимъ положеніемъ, готовятъ ихъ.

b) Опредѣлить объемъ и направленіе развитія духовнаго, каковое для достиженія этой цѣли необходимо.

с) Окружить дѣтей такими условіями, при которыхъ это необходимое развитіе было бы возможно.

Долгъ родителей во второмъ случаѣ, т. е. въ обширномъ размѣрѣ, опредѣляется мѣрою *возможнаго*. Невозможнымъ въ смыслѣ воспитанія мы называемъ не только физически невозможное, но и то, что могло бы повредить благополучію дитяти, или благу общества.

Изъ этого краткаго очерка разумной любви родителей которою они руководствуются при выполненіи своего долга въ отношеніи къ дѣтямъ, мы видимъ, что она охватываетъ весь процессъ воспитанія ребенка, а потому играетъ въ немъ самую важную роль.

Наконецъ, на 3-й степени любовь родителей къ дѣтямъ дѣлается *симпатическою*. Эта любовь возникаетъ тогда, когда у родителей и дѣтей образуются общіе интересы, одинаковыя стремленія и сходныя убѣжденія. Эта любовь имѣетъ весьма важное общественное значеніе; она устанавливаетъ нормальныя отношенія между двумя поколѣніями — старымъ и молодымъ и служитъ залогомъ правильнаго и спокойнаго прогресса въ обществѣ. Имѣя такое важное общественное значеніе, любовь эта составляетъ въ то-же время самую высокую черту въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми.

Итакъ, любовь родительская составляется изъ трехъ элемен-

товъ: *любви инстинктивной*, опирающейся на природѣ, *любви сознательной*, опирающейся на разумѣ, и *любви симпатической*, основанной на широкомъ чувствѣ гуманности.

Но съ такими чертами любовь родительская является не всегда: произволъ человѣческій вноситъ въ нее много такихъ элементовъ, которые извращаютъ ея натуру и ослабляютъ ея воспитательную силу. Такъ, любовь родительская перестаетъ быть здоровою воспитательною силою, когда она дѣлается *слѣпою привязанностію* къ дѣтямъ. Являясь въ такомъ видѣ, она мѣшаетъ родителямъ оцѣнивать поступки своихъ дѣтей надлежащимъ образомъ, заставляетъ преувеличивать ихъ добрыя качества и наклонности, и тѣмъ приноситъ неисчислимый вредъ ихъ умственному и нравственному развитію. Бываетъ иногда и на-оборотъ. Входить въ подробныя указанія на тѣ черты, которыя вносятся въ родительскую любовь произволомъ, будетъ совершенно безполезно, потому что мы, на сколько это возможно было, охарактеризовали это чувство въ его нормальномъ видѣ.

2. Любовь дѣтская. Другое начало, играющее важную роль въ образованіи отношеній дѣтей къ родителямъ, какъ мы сказали, есть *любовь дѣтская*. Она, такъ-же какъ и родительская любовь, состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, или составныхъ началъ; эти составныя ея начала пробуждаются и развиваются въ дѣтяхъ подъ вліяніемъ любви родительской. Такъ, въ младенцѣ привязанность къ матери имѣетъ характеръ чисто физическій: *онъ привязывается къ ней потому, что она удовлетворяетъ его потребностямъ*. Изъ этого мы видимъ, что привязанность эта возбуждается въ дитяти инстинктивною любовью родителей и имѣетъ въ немъ *характеръ эгоистическій*.

Потомъ, когда дѣти подростаютъ и наступаетъ пора начинать ихъ духовное и нравственное воспитаніе, то любовь роди-

телей инстинктивная должна сдѣлаться разумною; она-то напоминаетъ родителямъ, какъ мы уже упомянули, объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Теперь спрашивается, въ какихъ видахъ должна явиться разумная любовь родителей для того, чтобы можно было въ самыхъ дѣтяхъ создать такія условія и такое расположеніе, безъ которыхъ невозможно будетъ имъ выполнить свой долгъ, т. е. сообщить воспитаніе дѣтямъ.

Природа, возложивъ на родителей обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ, дала имъ власть надъ ними. Безъ этой власти они не могли бы исполнить своего родительскаго долга. Ею-то и пользуется сознательная любовь родителей при выполненіи тѣхъ обязанностей, которыя имъ внушаетъ эта любовь. Дитя, по чувству зависимости своей, рано начинаетъ сознавать необходимость признанія надъ собою физической власти родителей; это сознаніе вызываетъ въ немъ *повиновеніе*. Повиновеніе это порождается чувствомъ страха — не перейдти за черту, положенную для его дѣйствій родителями. Далѣе, по мѣрѣ пробужденія въ дѣтяхъ умственныхъ способностей, они начинаютъ сознавать и умственное превосходство надъ собою родителей, такъ-же точно, какъ прежде сознавали превосходство ихъ физической силы. Это сознаніе нравственнаго превосходства родителей вызываетъ въ дѣтяхъ *чувство уваженія*, ради котораго они покоряются волѣ родителей. Въ этомъ уваженіи уже участвуетъ значительная доля нравственной свободы дѣтей, между тѣмъ какъ повиновеніе, къ которому возбуждала ихъ физическая власть родителей, порождалось чувствомъ страха, слѣдовательно, было несвободно.

Когда дѣти начинаютъ сознавать благодѣтельное дѣйствіе на себя тѣхъ воспитательныхъ мѣръ, которыя примѣнили къ нимъ родители, руководимые чувствомъ долга, то это вызываетъ въ нихъ *чувство благодарности къ родителямъ*. Такимъ обра-

зомъ мы видимъ, что сознательная или разумная любовь родителей, проявляясь первоначально въ формѣ власти, вызываетъ въ дѣтяхъ повиновеніе, а по мѣрѣ развитія умственнаго и нравственнаго дѣтей вызываетъ въ нихъ сначала уваженіе, а потомъ благодарность. Наконецъ, симпатическая любовь родителей вызываетъ симпатическую любовь въ дѣтяхъ.

Изложивъ такимъ образомъ вкратцѣ начала, изъ которыхъ слагаются отношенія между родителями и дѣтьми, и выяснивъ воспитательную силу этихъ отношеній, посмотримъ теперь, какія еще другія обстоятельства при домашнемъ воспитаніи могутъ оказывать вліяніе на ребенка и дѣйствовать благопріятно, или неблагопріятно на его воспитаніе.

1. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ *примѣръ родителей*. Ребенокъ вообще отличается духомъ подражанія, по которому онъ легко перенимаетъ образъ дѣйствій отъ тѣхъ, кто его окружаетъ. Это явленіе можно объяснить и тѣмъ, что, какъ мы видѣли, впечатлѣнія, доставляемыя ребенку зрѣніемъ, сильнѣе и опредѣленнѣе, нежели впечатлѣнія, доставляемыя ему посредствомъ слуха. Отсюда понятно, почему ребенокъ съ большею охотою дѣлаетъ не то, что ему приказываютъ, а то, что дѣлаютъ другіе. Основываясь на этомъ, можно сказать, что весь почти первоначальный процессъ духовной дѣятельности дитяти и его поведеніе находится главнымъ образомъ подъ вліяніемъ подражанія другимъ. Притомъ нужно замѣтить, что первоначально ребенокъ въ своихъ дѣйствіяхъ подражаетъ всѣмъ безъ исключенія, впослѣдствіи же образцомъ для него въ этомъ случаѣ являются преимущественно тѣ, которыхъ онъ болѣе любитъ или уважаетъ. И такъ-какъ родители представляютъ первую по времени вліятельную силу для дитяти и первый предметъ его любви, то ихъ поступки и поведеніе вообще дѣлаются предметомъ подражанія ребенка. Въ

самомъ дѣлѣ, въ каждомъ семействѣ можно отыскать факты, подтверждающіе это.

Не менѣе сильное вліяніе на дѣтей имѣетъ и примѣръ того общества, съ которымъ родители ребенка находятся въ симпатическихъ отношеніямъ. Преобладающіе въ этомъ кругу нравы, обычаи и взгляды — все безъ разбора усвоивается дѣтьми. Затѣмъ болѣе или менѣе сильную долю вліянія въ этомъ случаѣ на дѣтей имѣетъ все, что окружаетъ ихъ вообще. Отсюда мы видимъ, какое важное вліяніе на воспитаніе можетъ имѣть примѣръ старшихъ, а между тѣмъ этою силою не пользуются надлежащимъ образомъ. Древніе народы въ этомъ отношеніи стоятъ выше насъ. У нихъ примѣромъ пользовались для развитія въ дѣтяхъ добродѣтелей общественныхъ и семейныхъ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Аристотель: «изъ всѣхъ земныхъ твореній — человѣкъ болѣе всего склоненъ и способенъ къ подражанію. Съ побужденіемъ къ подражанію тѣсно связаны любознательность и стремленіе учиться. Основывая на этомъ свои дѣйствія, воспитаніе должно выполнить то, чего недостаетъ дитяти по природѣ, и стараться вести его этимъ путемъ къ добродѣтели и счастію».

Изъ новыхъ народовъ англичане болѣе другихъ похожи въ этомъ отношеніи на древнихъ. Обыкновенно же примѣру не придаютъ почти никакого значенія въ воспитаніи, и въ этомъ отношеніи вообще не стѣсняются при дѣтяхъ. Этою привычкою не стѣняться при дѣтяхъ родители нерѣдко потомъ бываютъ поставлены въ очень неловкое положеніе. Замѣчая какой - нибудь недостатокъ въ дѣтяхъ, который они усвоили путемъ подражанія старшимъ, они указываютъ имъ на это и дѣлаютъ имъ замѣчаніе; ребенокъ въ оправданіе свое указываетъ на то - же самое или въ друзьяхъ родителей или часто и въ нихъ самихъ, и тѣмъ совершенно обезоруживаетъ ихъ. Поэтому родители, для ко-

торыхъ, конечно, дорога будущность ихъ дѣтей и ихъ нравственное совершенство, должны въ присутствіи дѣтей строго слѣдить за своими привычками и не забывать, что, подавая имъ добрые примѣры и удаляя отъ ихъ глазъ дурные, они очень легко могутъ положить начала высокому нравственному воспитанію дѣтей своихъ и прочныя основы для ихъ самоусовершенствованія. Эта-то легкость, съ которою можетъ дѣйствовать примѣръ, какъ прекрасная и энергическая воспитательная сила, и дѣлаетъ родителей значительно отвѣтственными лицами предъ Богомъ и обществомъ за пороки и недостатки ихъ дѣтей, особенно если они воспитываютъ ихъ дома.

2. Вторую вліятельную силу при домашнемъ воспитаніи представляетъ *личность воспитателя,* такъ-какъ обязанности его въ немногихъ только случаяхъ родители могутъ принять на себя. Роль его въ домашнемъ воспитаніи чрезвычайно важна; къ нему обращается ребенокъ со всевозможными вопросами, которые зараждаются въ душѣ его окружающимъ міромъ; онъ, слѣдовательно, полагаетъ въ душу дитяти первыя начала умственнаго развитія, образуетъ въ сознаніи его точку зрѣнія на тотъ или другой предметъ; онъ пользуется для своихъ воспитательныхъ цѣлей и часто управляетъ тѣми отношеніями, которыя создаютъ между ребенкомъ и его родителями природа, любовь и благоразуміе послѣднихъ. Поэтому, выборъ домашняго воспитателя долженъ быть сдѣланъ *со всевозможною осмотрительностію.* Послѣднее правило очень рѣдко исполняется на дѣлѣ, при этомъ родители оправдываются трудностію пріискать хорошаго воспитателя; это отчасти справедливо: дѣйствительно, хорошій домашній воспитатель — рѣдкость. Это происходитъ, съ одной стороны, *отъ трудности этой обязанности,* а съ другой — *отъ неудовлетворительности того положенія,* въ ка-

кое поставленъ домашній воспитатель въ семействѣ и обществѣ.

а) Трудность обязанности домашняго воспитателя обусловлена тою многосложностію и разнообразіемъ качествъ, о которыхъ мы уже говорили, когда шло дѣло о воспитателѣ вообще, и которыми, поэтому, онъ долженъ овладѣть, чтобы безукоризненно выполнить свою задачу. Эти качества, и безъ того многочисленныя, въ домашнемъ воспитателѣ увеличиваются еще прибавленіемъ новыхъ, способныхъ помочь ему сдѣлать здоровыми воспитательными силами самыя разнообразныя и часто неожиданныя условія, выдѣляющіяся изъ быта и характера семьи, среди которой ему приходится дѣйствовать, а потому задача его здѣсь чрезвычайно сложна.

Еще болѣе она осложняется тѣмъ, что онъ долженъ часто соединять въ своемъ лицѣ и разнообразныя познанія. Въ этомъ отношеніи онъ поставленъ въ болѣе невыгодное положеніе, нежели всякій другой дѣятель. Въ самомъ дѣлѣ, удовлетворительность дѣятельности каждаго лица зависитъ *отъ степени и глубины знакомства его съ предметомъ его спеціальности:* дѣло спеціалиста — техника, художника, ученаго — знать свой предметъ въ совершенствѣ. Какова-же спеціальность домашняго воспитателя? Онъ долженъ знать всѣ предметы, входящіе въ составъ общечеловѣческаго образованія;—этимъ долженъ владѣть, какъ учитель; кромѣ того, какъ воспитатель, онъ долженъ представлять собою для ребенка образецъ совершеннаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, спеціальность воспитателя состоитъ *въ универсальности познаній*, а личныя его качества *должны являться въ такомъ совершенствѣ, до котораго мы можемъ возвышаться только мысленно.* Кромѣ этого, онъ долженъ еще владѣть умѣньемъ воспитывать, — долженъ быть педагогомъ; пріобрѣтеніе послѣдняго качества, какъ мы увидимъ, также стоитъ огромныхъ

усилій. Послѣ этого совершенно можно согласиться съ Ж. Ж. Руссо, что *воспитатель въ идеалѣ есть болѣе, нежели человѣкъ.* Достиженіе этого идеала останется навсегда цѣлію стремленія для воспитателей, и немногіе изъ нихъ могутъ къ нему приблизиться. Отъ каждаго же требовать не возможно вышеозначенныхъ совершенствъ. Это послѣднее слѣдуетъ принимать во вниманіе при выборѣ домашняго воспитателя, но при этомъ слѣдуетъ избѣгать и крайней снисходительности.

b) Другая причина рѣдкости хорошихъ домашнихъ воспитателей заключается въ самомъ положеніи ихъ. Мы только-что говорили, съ какими трудностями сопряжено усвоеніе качествъ, необходимыхъ въ домашнемъ воспитателѣ; видѣли, что вполнѣ овладѣть этими качествами почти невозможно каждому.—Положимъ, что какое-нибудь лицо избираетъ для себя званіе домашняго воспитателя и начинаетъ себя къ нему приготовлять. Посмотримъ теперь на самый процессъ этого приготовленія: онъ прежде всего *долженъ пріобрѣсти разностороннія познанія,* что потребуетъ отъ него продолжительнаго времени и часто потери здоровья. Но этимъ еще не оканчивается его трудъ: онъ долженъ переработать эти познанія и привести ихъ въ такую форму, въ которой они были бы пригодны для воспитанія. При этомъ ему представляется новая работа: онъ долженъ изучить дѣтскую природу, размѣръ и силу дѣятельности тѣхъ или другихъ способностей въ дѣтскомъ возрастѣ; для чего ему необходимо *познакомиться съ наукою о воспитаніи.* За-тѣмъ, принимая во вниманіе, что, кромѣ своихъ познаній, онъ дѣйствуетъ на ребенка и личными своими качествами, *онъ долженъ усовершенствовать себя нравственно, пріучить себя къ самообладанію.* Все это требуетъ очень продолжительнаго труда и часто извѣстной доли самопожертвованія. Положимъ теперь, что все это въ извѣстной степени имъ выполнено, что

онъ приготовилъ себя къ удовлетворительному исполненію своей обязанности. Что-же ему даетъ дѣйствительная жизнь? Отвѣчая на этотъ вопросъ, начнемъ съ того, что воспитатель, чтобы легче достигать своихъ цѣлей, долженъ руководить ребенкомъ съ самаго ранняго его возраста, потому что извѣстно каждому изъ опыта и изъ наблюденій лицъ, изучавшихъ дѣтскій возрастъ, что первыя впечатлѣнія ребенка имѣютъ огромное вліяніе на будущее развитіе его. Такъ, Ж. Поль, по этому поводу, говоритъ слѣдующее: «все, что въ первый разъ дѣйствуетъ на душу дитяти, остается въ ней навсегда; первые музыкальные звуки, первый цвѣтокъ, первыя лица рисуются на первомъ планѣ въ его жизни. Столь нѣжная, беззащитная и подвижная натура, какова природа дитяти, можетъ покривиться отъ одного промаха, и, выростая, можетъ окончательно окрѣпнуть въ этой уродливой формѣ». Чѣмъ сильнѣе, воспріимчивѣе будетъ натура дитяти, тѣмъ рѣшительнѣе будутъ дѣйствовать первыя впечатлѣнія на будущее направленіе его душевнаго развитія. «Разсказываютъ о Гиллерѣ, говоритъ Блохманъ, что онъ, будучи четырехлѣтнимъ ребенкомъ, услышалъ при похоронахъ своего отца мелодическую пѣснь, которая глубоко проникла въ его душу и сдѣлала для него музыку любимымъ его занятіемъ. На Іосифа Гайдна въ первый разъ произвело сильное впечатлѣніе пѣніе его родителей и особенно нѣжный голосъ его матери; — ими и возбуждена была на-всегда едва въ лепечущемъ дитяти любовь къ музыкѣ. Отецъ Линнея, почти ежедневно въ теченіи двухъ лѣтъ, усыпалъ цвѣтами колыбель своего дитяти. Великому герою Евгенію, когда онъ еще былъ слабымъ двухлѣтнимъ младенцемъ, разсказывала его мать о воинскихъ подвигахъ великихъ героевъ, и вмѣстѣ съ этою раннею пищей его души перелилась въ нѣжные члены его тѣла необыкновенная сила». Но родители, не прини-

сывая никакого значенія первоначальному обученію и воспитанію своихъ дѣтей, стараются пріискать для этого времени *воспитателя подешевле.*

Такимъ образомъ, потративъ много здоровья на приготовленіе къ своей обязанности, воспитатель получаетъ такое вознагражденіе за свой трудъ, которое едва обезпечиваетъ его во время самой дѣятельности, а случись съ нимъ болѣзнь или какое-нибудь несчастіе, его положеніе дѣлается чрезвычайно груcтнымъ. Но положимъ, что воспитатель любитъ свое дѣло; матеріальное вознагражденіе за свой трудъ онъ ставитъ на послѣднемъ планѣ,— онъ готовъ удовольствоваться, какъ лучшею наградою, результатами своей воспитательной дѣятельности. Но и этой награды онъ достигаетъ не всегда. Родители сами часто смотрятъ на него съ-высока; дѣти изъ подражанія дѣлаютъ тоже самое; и воспитателю при такихъ условіяхъ трудно достигать своихъ воспитательныхъ цѣлей: его вліяніе на дѣтей очень ослаблено недостаткомъ ихъ уваженія къ нему; всѣ его пріемы, самые раціональные, часто не оказываютъ надлежащаго дѣйствія, а нерѣдко даже являются въ глазахъ дѣтей смѣшными. Воспитатель, слѣдовательно, не удовлетворенъ за дѣятельность свою, къ которой онъ такъ долго готовился, ни нравственно, ни матеріально; его личныя качества и высокое образованіе, которое онъ пріобрѣлъ, готовясь къ дѣлу воспитанія, его благородная человѣческая гордость и уваженіе своего достоинства,— не имѣя котораго онъ не долженъ приближаться къ дѣтямъ, безъ опасенія ослабить или извратить тѣ-же качества въ нихъ,— на каждомъ шагу оскорбляются въ немъ. При такомъ положеніи деликатнѣйшія стороны его природы, нѣжность его и впечатлительность, однимъ словомъ все, что онъ такъ тщательно старался развить въ себѣ, приготовляясь къ своему дѣлу, стано-

вятся для него источникомъ душевныхъ страданій. Вслѣдствіе всего этого его положеніе дѣлается невыносимымъ, и онъ готовъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы промѣнять его на каждое другое. Отсюда понятно, что при такихъ условіяхъ, въ званіи домашнихъ воспитателей останутся только тѣ, степень развитія которыхъ можетъ сживаться и мириться съ этими условіями, и отъ которыхъ, поэтому, домашнее воспитаніе выигриваетъ очень не много, или тѣ, которыхъ крайность и нужда удерживаютъ въ этомъ званіи, отъ которыхъ тоже домашнее воспитаніе выигриваетъ не много, потому что на дѣло свое они смотрятъ съ ненавистью.

Такой порядокъ дѣлъ въ домашнемъ воспитаніи удерживался и удерживается укоренившимся у насъ обычаемъ выбирать воспитателями иностранцевъ, для которыхъ роль гувернера въ Россіи часто бываетъ неожиданною и счастливою находкою. Въ самомъ дѣлѣ, домашнее воспитаніе въ большей части случаевъ устраивается такъ: пріискиваютъ надзирателя, дядьку, гувернера, на умственныя и нравственныя качества котораго мало обращается вниманія: отъ него требуется только, чтобы онъ былъ французъ или вообще иностранецъ; главная его обязанность въ отношеніи къ дѣтямъ состоитъ въ томъ, чтобы онъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ, а о чемъ, — объ этомъ мало заботятся. Этотъ обычай въ выборѣ домашняго воспитателя укоренился у насъ въ обществѣ историческимъ путемъ. Начало его кроется въ реформѣ Петра В. Будучи большинствомъ общества ложно и односторонне понята, эта реформа произвела чрезвычайно уродливыя и смѣшныя явленія въ обществѣ нашемъ; къ числу этихъ-то уродливыхъ явленій относятся и тѣ, которыми сопровождается выборъ гувернера. Стараясь внѣшнимъ образомъ сблизиться съ иностранцами, многіе существенною чертою сходства своего съ

европейцами полагали умѣнье говорить на иностранныхъ языкахъ. Богатымъ и достаточнымъ людямъ удавалось удовлетворять этой потребности съ меньшимъ вредомъ для воспитанія своихъ дѣтей; средства, которыми они владѣли, доставляли имъ возможность приглашать для дѣтей своихъ, если не вполнѣ образованныхъ иностранцевъ, то по крайней мѣрѣ неиспорченныхъ нравственно. Люди же, невладѣвшіе слишкомъ широкими средствами, но нежелавшіе отставать отъ богатыхъ, довольствовались гувернерами подешевле и забывали, даже не обращали никакого вниманія на то, что за эту дешевизну слишкомъ дорого платили дѣти своею извращенностію и испорченностію. Сатирическіе журналы и лучшіе писатели прошлаго столѣтія съ ѣдкою насмѣшкою представляютъ характеръ воспитанія, сообщаемый дѣтямъ при помощи этихъ дешевыхъ гувернеровъ. Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ, что въ Россіи существуетъ широкая потребность на умѣнье говорить на иностранныхъ языкахъ, цѣлыми толпами стали появляться иностранцы-воспитатели. Не имѣя никакихъ свѣдѣній, часто даже не обладая грамотностію, оставивъ свое отечество нерѣдко вслѣдствіе преслѣдованій полиціи, они у насъ принимали на себя высокую обязанность воспитателя. При ихъ содѣйствіи и подъ ихъ вліяніемъ появились уродливые типы извращенныхъ и испорченныхъ натуръ, дававшихъ обильную пищу сатирѣ. Воспитанные иностранцами въ чувствѣ презрѣнія ко всему отечественному, русскіе юноши неспособны были часто явиться въ дѣятельности своей людьми, преданными интересамъ родной страны, а иногда людьми и совершенно испорченными и неспособными ни къ какой дѣятельности. Бывали, конечно, и блестящія исключенія, но объ нихъ мы не говоримъ, какъ о рѣдкихъ случаяхъ. Послѣ войны 1812 года, такъ богатой національнымъ энтузіазмомъ, продолжался тотъ-же поря-

докъ дѣлъ въ воспитаніи. Правда, родители сдѣлались болѣе разборчивыми въ выборѣ гувернеровъ, были болѣе сами приготовлены оцѣнить, какъ слѣдуетъ, ихъ умственныя и нравственныя качества; но часто безукоризненный прописъ и внѣшнія свойства ихъ ставились и въ это время на первомъ планѣ. То-же съ небольшимъ видоизмѣненіемъ существуетъ и теперь. Посмотримъ же, какъ идетъ при такихъ условіяхъ домашнее воспитаніе. Итакъ, приглашается гувернеръ. За-тѣмъ пріискивается учитель для преподаванія наукъ, обыкновенно называемыхъ *русскими предметами*. Распоряженіе же и наблюденіе надъ процессомъ воспитанія родители оставляютъ за собою. Распоряженіе это нерѣдко ограничивается однимъ только наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы гувернеръ и учитель русскихъ предметовъ въ количественномъ отношеніи исправно отрабатывали платимыя имъ деньги. Но какъ они дѣйствуютъ на развитіе дѣтей, и на сколько у нихъ успѣваютъ дѣти, — на это рѣдко обращаютъ вниманіе. Кто-же, при такомъ устройствѣ воспитанія, является собственно воспитателемъ? Учитель русскихъ предметовъ приходитъ на-время; дѣйствуя воспитательнымъ образомъ на учащагося, онъ не имѣетъ возможности наблюдать — на-сколько онъ достигаетъ въ этомъ отношеніи своей цѣли, — онъ можетъ слѣдить только за усвоеніемъ сообщаемыхъ имъ познаній. Гувернеръ, положимъ даже, что онъ приготовленъ быть воспитателемъ, поставленъ въ такую зависимость отъ родительскаго вліянія, что не можетъ дѣйствовать самостоятельно. На долю его достается такимъ образомъ пассивная роль, и онъ часто бываетъ заинтересованъ сохранить добрыя отношенія къ дѣтямъ, а для этого на многіе ихъ поступки смотритъ не какъ воспитатель и даже готовъ во многомъ имъ потакать. Такимъ образомъ у дѣтей есть и гувернеръ, и учитель русскихъ предметовъ, а воспитателя нѣтъ. Нѣтъ, слѣдователь-

но, лицо, которое давало бы строй дѣлу воспитанія, которое бы заботилось о водвореніи въ дѣтяхъ доброй нравственности, слѣдило бы за постепеннымъ ихъ развитіемъ и объединяло бы всѣ воспитательныя дѣйствія, относительно дѣтей около опредѣленныхъ цѣлей.

Дѣти, ни кѣмъ не сдерживаемыя въ минуту ихъ дурныхъ поступковъ, привыкаютъ предаваться имъ, не всегда даже сознавая, что ведутъ себя въ этомъ случаѣ дурно. Гувернеръ мало заботится о томъ, съ какими качествами, при такомъ воспитаніи, явится молодой человѣкъ среди общества, для него чужаго. Мало-по-малу натура дѣтей извращается, въ нихъ развивается отвращеніе къ труду, и сколько-нибудь солидное основательное воспитаніе дѣлается совершенно невозможнымъ. Съ этими качествами дѣти подрастаютъ; родители, замѣтивъ, что воспитаніе ихъ дѣтей мало принесло имъ пользы — они имѣютъ очень ограниченныя познанія, привыкли къ праздности, — чтобы помочь горю, начинаютъ высматривать въ жизни дорогу, на которой отъ ихъ дѣтей потребовалось бы поменьше знаній, и вотъ ихъ дѣти являются членами общества, дѣятелями въ гражданской жизни.

Конечно, такъ оканчивается домашнее воспитаніе не всегда; результатомъ его иногда бываетъ поступленіе воспитанника въ высшее учебное заведеніе. Но и при такомъ исходѣ, домашнее воспитаніе, являясь въ томъ видѣ, какъ мы его изобразили, мало приноситъ пользы. Потому что въ послѣднемъ случаѣ все вниманіе сосредоточивается на выполненіи программъ, по которымъ будутъ экзаменовать воспитанника. Слѣдовательно, можетъ при этомъ, пожалуй, обученіе и идти удовлетворительно, но при немъ мало уже обращается вниманія на сообщеніе воспитаннику качествъ, къ осуществленію которыхъ стремится воспитаніе вообще.

Какъ-же предупредить подобный исходъ домашняго воспитанія?

Во 1-хъ, родители, какъ мы уже и сказали, должны отличаться большою разборчивостію при выборѣ воспитателя, должны искать въ немъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для выполненія этой важной обязанности. Кромѣ того они должны обратить вниманіе и на то, заинтересованъ ли воспитатель развитіемъ въ ихъ дѣтяхъ тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ честнаго благороднаго гражданина, роль котораго придется взять на себя ихъ дѣтямъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ, связанный съ дѣтьми чувствомъ національности и одушевленный любовію къ родинѣ, всегда долженъ имѣть преимущество предъ иностранцемъ.

Во 2-хъ, родители, пріискавши такого воспитателя, должны дѣло воспитанія предоставить ему, снабдивъ его въ то-же время и необходимыми правами надъ дѣтьми. Для того, чтобы могли установиться между воспитателемъ и дѣтьми необходимыя для воспитанія отношенія, родители должны привязать къ себѣ воспитателя и окружить его должнымъ уваженіемъ. Если выборъ ихъ сдѣланъ надлежащимъ образомъ, то они могутъ выполнить то и другое со всею искренностію. Только находясь въ такихъ отношеніяхъ къ родителямъ, воспитатель всею своею дѣятельностію можетъ оказать должное вліяніе на дѣтей и легче пріобрѣсти ихъ уваженіе, отсутствіе котораго страшно вредитъ воспитателю. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какое развращающее вліяніе на римское юношество въ періодъ упадка римскаго общества имѣли рабы-воспитатели.

Только воспитатель, имѣющій полномочіе отъ родителей и пользующійся ихъ полнымъ уваженіемъ, можетъ принять на себя отвѣтственность за результаты воспитанія. Но каковы бы ни были отношенія между родителями и воспитателемъ, они все-таки не должны отказываться отъ наблюденія за воспитаніемъ своихъ

дѣтей, и помогать, гдѣ это нужно, воспитателю собственнымъ участіемъ. Это участіе, безъ всякаго сомнѣнія, умножитъ и расширитъ чувство любви между воспитателемъ и воспитанникомъ и тѣмъ самое воспитаніе сдѣлаетъ теплымъ и нѣжнымъ.

Неудобства домашняго воспитанія.

До сихъ поръ мы указывали на недостатки домашняго воспитанія, проистекающіе отъ нарушенія тѣхъ или другихъ условій въ выборѣ воспитателя, или отъ неудовлетворительности устройства самаго воспитанія; теперь посмотримъ, какіе недостатки заключаются въ самой его природѣ.

1. При самыхъ нормальныхъ отношеніяхъ между воспитателемъ, родителями и дѣтьми ихъ, отъ воспитателя не зависитъ *пересоздать господствующій духъ въ домѣ, гдѣ онъ живетъ, если этотъ духъ не будетъ гармонировать съ его воспитательными пріемами.* Въ домѣ родителей дѣти могутъ видѣть примѣры, неудобные и даже вредные для ихъ воспитанія; примѣры эти дѣти видятъ часто въ людяхъ, связанныхъ дружбою или родствомъ съ ихъ родителями. Какъ въ этомъ случаѣ поступать воспитателю? Устранить эти примѣры онъ не можетъ, и если дѣти начинаютъ имъ подражать, воспитатель бываетъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе: осуждая ихъ въ дѣтяхъ, онъ можетъ ожидать отъ нихъ такого возраженія, что «то-же дѣлаетъ или отецъ или дядя» и пр. Подобное возраженіе еще болѣе затрудняетъ воспитателя. Въ самомъ дѣлѣ, продолжая и послѣ подобнаго отвѣта осуждать въ ребенкѣ качество, усвоенное имъ путемъ подражанія дурному примѣру, онъ непремѣнно затронетъ въ дѣтяхъ самыя ихъ нѣжныя привязанности и можетъ разрушительно подѣйствовать на естественныя отношенія, которыя установляетъ между дѣтьми и родите-

лями любовь, чего дѣлать онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ, потому что онъ разрушитъ такую важную воспитательную силу, какова любовь между родителями и дѣтьми, которая, какъ мы видѣли, въ домашнемъ воспитаніи составляетъ одинъ изъ существенныхъ его элементовъ.

Но положимъ, онъ прибѣгнетъ къ другому средству, и дурнымъ примѣрамъ онъ захотѣлъ бы противудѣйствовать такимъ образомъ, что въ своемъ поведеніи представилъ бы примѣры совсѣмъ противуположные. Этимъ, дѣйствительно, онъ можетъ нѣсколько облегчить свое затрудненіе: ребенокъ при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и чаще видя извѣстный примѣръ, умышленно повторяемый и въ такомъ видѣ даже при случаѣ и объясненный, можетъ его усвоить, а противуположный этому — оставить. Но кругъ дѣятельности воспитателя въ этомъ отношеніи довольно ограниченъ; онъ можетъ представить своею дѣятельностію примѣры дѣйствій наставника, друга дома, человѣка вообще, но не можетъ по своему положенію представить примѣры дѣйствій семьянина, главы семейства и многаго другаго. Въ этихъ роляхъ онъ можетъ выступать только какъ лице, дающее наставленіе, но не дѣйствующее, а дѣлая наставленія, онъ рискуетъ, какъ мы видѣли, разрушительно подѣйствовать на отношенія дѣтей къ родителямъ, чего, повторяемъ, онъ дѣлать ни въ какомъ случаѣ недолженъ.

2. Второе неудобство домашняго воспитанія составляетъ изолированное положеніе воспитанника, *его одиночество*. Это одиночество представляетъ также много неблагопріятныхъ условій для достиженія многихъ воспитательныхъ цѣлей и затрудняетъ самое воспитаніе дитяти. Въ самомъ дѣлѣ, качества и наклонности дитяти, которыя воспитатель долженъ принимать во вниманіе при воспитаніи, обнаруживаются не иначе, какъ въ сообществѣ съ другими дѣтьми; слѣдовательно, при одиночествѣ воспитанника,

воспитателю приходится довольствоваться только тѣми проявленіями натуры ребенка, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ родителямъ и къ воспитателю. Но при этихъ проявленіяхъ ребенокъ находится подъ вліяніемъ чувства зависимости, проистекающаго отъ различныхъ причинъ; такъ-что по этимъ проявленіямъ нельзя составить ничего положительнаго относительно склонностей его. Правда, бываютъ случаи, что и при домашнемъ воспитаніи ребенку не рѣдко приходится быть въ обществѣ дѣтей, съ которыми онъ иногда играетъ. Но въ этомъ случаѣ ребенку приходится разыгривать или роль хозяина, или роль гостя, и поэтому въ рѣдкихъ случаяхъ онъ ведетъ себя не стѣсняясь; наблюденіе за нимъ и въ этомъ случаѣ не дастъ также положительныхъ результатовъ. Слѣдовательно, трудно при домашнемъ воспитаніи создать такія условія, при которыхъ ребенокъ дѣйствовалъ бы вполнѣ непринужденно и высказывалъ бы качества своей натуры и свои склонности, т. е. создать тотъ откровенный образъ поведенія ребенка, который бы доставилъ воспитателю возможность изучать сердце дитяти и его натуру вообще, а слѣдовательно и указалъ бы ему, чему онъ долженъ содѣйствовать въ немъ и чему противудѣйствовать. Съ другой стороны, только при совершенно свободныхъ и притомъ разнообразныхъ отношеніяхъ ребенка къ равнымъ ему по возрасту, онъ можетъ обнаружить, — на-сколько прочно утвердились въ его натурѣ тѣ начала, которыя развивали въ немъ путемъ воспитанія; а чтобы видѣть это вполнѣ, необходимо, чтобы міръ окружающій ребенка затрогивалъ его со всѣхъ сторонъ, вызывалъ бы дѣятельность всѣхъ его способностей, и притомъ не для игры только, но и для серьезныхъ отношеній къ товарищамъ; въ кругу ихъ только ребенокъ, живя разностороннею жизнію, привыкаетъ упражнять свою волю и надлежащимъ образомъ будетъ

развивать свой характеръ. Однимъ словомъ, въ кругу товарищей только могутъ образоваться въ ребенкѣ свойства необходимыя для общественной жизни; въ кругу ихъ только, повторяемъ, всѣ его способности будутъ оживлены, возбуждены соревнованіемъ, а это дастъ возможность и самому воспитателю придать воспитательному механизму жизнь и энергію.

Правда, случается нерѣдко, что ребенокъ и при домашнемъ воспитаніи не бываетъ совершенно одинокъ; воспитателю приходится дѣйствовать среди многочисленнаго семейства, гдѣ дѣтей бываетъ много; но это обстоятельство не устраняетъ вышеизложенныхъ неудобствъ, потому что въ такомъ случаѣ дѣти бываютъ различныхъ возрастовъ; этимъ только осложняется дѣятельность воспитателя, вынужденнаго разнообразить свои дѣйствія, примѣняясь къ возрасту каждаго изъ дѣтей, къ степени его развитія, но послѣдствія одиночества этимъ не устраняются, потому что разнообразіе возрастовъ и близкое родство образуютъ между дѣтьми совсѣмъ иныя формы отношеній, нежели какія необходимы для всесторонняго развитія и обнаруженія умственныхъ и нравственныхъ силъ ребенка.

Можно также неудобства, проистекающія отъ одиночества воспитанника, устранить и другимъ способомъ: для этого въ домѣ однихъ родителей можно воспитывать вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и дѣтей другихъ семействъ, съ которыми они находятся въ дружескихъ отношеніяхъ. Но и это средство не ведетъ къ цѣли; при этомъ только появляются новыя обстоятельства въ дѣлѣ воспитанія, часто даже неблагопріятныя для него. Въ самомъ дѣлѣ, чужія дѣти въ этомъ случаѣ получаютъ уже воспитаніе въ домѣ чужомъ; въ ихъ воспитаніи уже не существуетъ тѣхъ силъ, которыя вносятся въ него естественными отношеніями дѣтей къ родителямъ. Отсутствіе этихъ силъ можетъ обозначиться и на

отношенія дѣтей къ воспитателю и къ товарищамъ. Многое, что дѣти родителей, въ домѣ которыхъ идетъ воспитаніе, исполняютъ подъ вліяніемъ любви, дѣти чужія могутъ выполнить только при внесеніи въ воспитаніе какой-нибудь новой силы. Воспитаніе по необходимости сдѣлается пестрымъ, нестройнымъ, а потому дѣйствіе его будетъ ослаблено недостаткомъ единства.

Изъ разсмотрѣнія условій домашняго воспитанія мы видѣли, что удовлетворительныхъ результатовъ посредствомъ его трудно достигнуть; во 1-хъ, по причинѣ трудности отыскать домашняго воспитателя; во 2-хъ, по причинѣ трудности и даже невозможности устранить отъ дѣтей вліяніе примѣровъ, способныхъ мѣшать дѣлу воспитанія; потому что воспитатель иногда не можетъ ихъ осуждать безъ опасенія ослабить тѣ отношенія, которыя основаны на взаимной любви родителей къ дѣтямъ, и въ 3-хъ, по причинѣ одиночества воспитанника, которое препятствуетъ развитію въ немъ качествъ, необходимыхъ для общественнаго дѣятеля. Но если-бы возможно было устранить эти неудобства домашняго воспитанія и организовать его такъ, чтобы всѣ воспитательныя силы, которыя естественнымъ путемъ могутъ войдти въ него, приведены были въ дѣятельность, то посредствомъ его можно бы было разрѣшить самымъ удовлетворительнымъ образомъ задачу воспитанія вообще. «Образованіе и прогрессъ народа, говоритъ Вирховъ, обезпечены только въ такомъ случаѣ, ежели оба они имѣютъ надежный оплотъ въ нѣдрахъ семейства. Отсюда передаются самымъ надежнымъ образомъ изъ рода въ родъ не только нравы, но и практическое пониманіе знаній, и приложимость ихъ къ жизни».

Поэтому, имѣя въ виду тѣ воспитательныя силы, которыя выдѣляются изъ естественныхъ отношеній между членами семьи, и то значеніе, какое онѣ могутъ имѣть въ воспитаніи, слѣдуетъ всѣми

силами содѣйствовать устраненію по крайней мѣрѣ тѣхъ неудобствъ домашняго воспитанія, которыя не вытекають изъ природы семьи. Выполненіе этой задачи тѣсно связывается съ разрѣшеніемъ вопроса о воспитаніи женщины, которая составляетъ основу и главную силу семьи. Но вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и требуетъ болѣе подробнаго изложенія, нежели какое умѣстно было бы здѣсь.

Воспитаніе въ школѣ.

Мы говорили уже неоднократно, что рѣзкій переходъ отъ одного характера воспитанія къ слишкомъ противуположному не можетъ не принести вреда воспитанникамъ. Въ домашнемъ воспитаніи ребенка окружаетъ любовь и духъ тѣхъ отношеній, которыя она порождаетъ между дѣтьми и родителями. Но вотъ ребенокъ вступаетъ въ школу, здѣсь его окружаетъ вліяніе тѣхъ воспитательныхъ силъ, съ которыми является передъ нимъ воспитатель... Какой же характеръ должны имѣть эти воспитательныя силы, чтобы для ребенка не былъ слишкомъ рѣзкимъ переходъ отъ домашняго къ школьному воспитанію? Переходъ этотъ не будетъ слишкомъ рѣзкимъ, если и при школьномъ воспитаніи руководящимъ началомъ будетъ любовь. Но какая же любовь? Разсматривая домашнее воспитаніе, мы видѣли, что любовь родителей къ дѣтямъ первоначально является инстинктивною, потомъ, подъ вліяніемъ сознанія родителями своихъ обязанностей общественныхъ и семейныхъ, она видоизмѣняется и дѣлается разумною и подъ конецъ, расширяясь, получаетъ характеръ общественной силы. На этой степени любовь мы назвали симпатическою. Но естественныя отношенія, которыя соединяютъ родителей съ дѣтьми, не существуютъ между воспитателемъ и воспитанникомъ, ихъ замѣняютъ совсѣмъ другія; они съ самаго

начала получаютъ характеръ общественный и вытекаютъ изъ сознанія воспитателемъ его обязанностей передъ обществомъ и человѣчествомъ. Поэтому и любовь воспитателя должна имѣть характеръ общечеловѣческій, то есть должна явиться съ тѣми свойствами, съ которыми она представлена въ евангеліи. Развить въ себѣ такую любовь человѣкъ можетъ только при посредствѣ врожденнаго ему чувства гуманности. «Первоначально, говоритъ Кестнеръ, чувство гуманности является въ способности уважать чужую личность, признавать права, принадлежащія каждому. Въ этомъ случаѣ гуманность имѣетъ много общаго съ чувствомъ справедливости. Но справедливость въ самомъ широкомъ смыслѣ не охватываетъ еще чувства гуманности въ дальнѣйшемъ его развитіи; въ послѣднемъ случаѣ оно перерабатывается въ способность любить ближняго каждаго возраста, на различныхъ ступеняхъ развитія, въ способность дѣлать другимъ то-же, чего желаемъ себѣ, страдать и радоваться за другаго».

Эта-то *гуманность и служитъ источникомъ той любви, которая должна быть душею всѣхъ воспитательныхъ дѣйствій въ школѣ*. По природѣ своей, любовь эта почти тождественна съ симпатическою любовью родителей; разсматриваемая же вообще, независимо отъ естественныхъ вліяній, существующихъ въ симпатической любви родителей, она, какъ и все въ человѣческой природѣ, развиваясь постепенно, представляетъ различныя степени совершенства.

Сначала она имѣетъ *характеръ эгоистическій* и обнаруживается только какъ притязаніе на любовь и сочувствіе другихъ, и мало обладаетъ способностію платить имъ тѣмъ-же. Потомъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, на второй ступени, характеръ эгоистическій въ ней ослабляется, и она является способностью любить тѣхъ, кто насъ любитъ, *т. е. въ формѣ дружбы*. На-

конецъ на третьей степени, самой высшей, *любовь симпатическая является способностію любить безкорыстно,* т. е. безъ притязанія на взаимную любовь; здѣсь она сливается съ источникомъ ея породившимъ, — съ гуманностію.

Теперь посмотримъ, какъ эти три проявленія любви распредѣляются въ отношеніяхъ между воспитателемъ и воспитанникомъ. *У воспитателя эта любовь является на высшей степени;* иначе и быть не можетъ: ребенокъ представляетъ свойства человѣческой натуры еще неразвитыми; слѣдовательно онъ не владѣетъ еще такими качествами, за которыя его можетъ полюбить всякій; а потому воспитатель любитъ въ немъ личность человѣка вообще, его свойства, хотя они находятся еще въ зародышѣ. Ребенокъ же по природѣ своей эгоистъ, слѣдовательно, *любовь симпатическая въ немъ является на низшей степени,* т. е. въ немъ существуетъ только притязаніе на любовь другихъ. Если онъ замѣчаетъ любовь воспитателя къ себѣ, то чувствуетъ себя удовлетвореннымъ и слѣдовательно испытываетъ довольство. Довольство это и составляетъ первоначально единственный результатъ любви воспитателя къ воспитаннику. Но ребенокъ еще слабо развитъ умственно и нравственно, почему онъ почти не способенъ сознавать своихъ обязанностей къ другимъ; мысли его и чувства слишкомъ подчинены вліянію эгоизма. Инстинктъ его ему даетъ знать, что его физическое и нравственное развитіе возможно только при помощи другихъ; поэтому онъ смотритъ на всѣ дѣйствія взрослыхъ въ отношеніи къ себѣ, какъ на должныя и обязательныя, а потому и мало способенъ быть признательнымъ за нихъ. Въ этомъ періодѣ развитія ребенка любовь воспитателя мало можетъ оказать вліянія на его поведеніе и это очень понятно: воспитатель пока для него человѣкъ чужой; въ отношеніи къ нему онъ не питаетъ той есте-

ственной привязанности, которую влагаетъ въ сердце его природа въ отношенія къ родителямъ и особенно къ матери. По степени развитія своего онъ живетъ моментами настоящаго; мысль его не переходитъ дальше впечатлѣнія, которое онъ испытываетъ въ извѣстный моментъ; другими словами — онъ болѣе еще чувствуетъ, нежели мыслитъ. Удовольствіе, испытываемое имъ отъ удовлетворенія тому или другому скоротечному его желанію, составляетъ на этой степени развитія его единственную цѣль всѣхъ его дѣйствій, а потому оно и руководитъ его поведеніемъ.

Предположимъ теперь, что ребенокъ знаетъ, что воспитатель его любитъ, и что онъ сознаетъ, что извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ онъ его огорчитъ. Но дѣйствіе, которое онъ задумалъ, доставитъ ему удовольствіе; удовольствіе это ему представляется ласкающимъ, оно его привлекаетъ къ себѣ; огорченіе воспитателя въ этомъ случаѣ отодвигается уже на второй планъ; неразвитость его мѣшаетъ ему понять всю глубину этого огорченія, и онъ поэтому исполняетъ свое желаніе. Ясно отсюда, что эгоистическая любовь воспитанника, приведенная въ дѣятельность любовью къ нему воспитателя, оказываетъ слабое вліяніе на его поведеніе: на нее не можетъ полагаться воспитатель, какъ на силу, способную руководить воспитанникомъ въ его поступкахъ; а потому любовь воспитателя должна явиться не внутреннею только силою, но выразиться въ извѣстныхъ внѣшнихъ формахъ, притомъ такихъ, которыя бы ограничивали свободу воспитанника и тѣмъ помогали бы воспитателю достигать своихъ цѣлей. Такими формами для любви воспитателя могутъ служить правила школьной дисциплины.

О школьной дисциплинѣ.

Полагая въ основаніе школьной дисциплины любовь, мы тѣмъ самимъ уже опредѣляемъ и ея характеръ, т. е. *всѣ правила*

ея должны отличаться чувствомъ гуманности. Имѣя подобныя качества, дисциплина должна способствовать развитію въ воспитанникѣ человѣческой личности, понимая послѣднюю въ самомъ широкомъ значеніи. Съ подобными свойствами дисциплина, однакожъ, являлась слишкомъ рѣдко; это происходило отъ различныхъ причинъ, между которыми временныя практическія цѣли, которыхъ хотѣли достигнуть посредствомъ воспитанія, играли весьма важную роль; въ послѣднемъ случаѣ дисциплина являлась въ воспитаніи пришлою силою, рѣдко основывалась на его началахъ и никогда ему не помогала. Она заковывала воспитанника въ извѣстныя правила, въ основаніи которыхъ рѣдко лежала воспитательная дѣятельность; въ большей же части случаевъ правила эти, являясь вооруженными наказаніями за ихъ нарушеніе, имѣли единственною своею цѣлію внушеніе чувства страха воспитаннику; чувство страха, созданное ими, являлось для воспитанника началомъ, удерживавшимъ его въ тѣхъ предѣлахъ дѣятельности, которыя обозначала дисциплина. При этомъ мало обращалось вниманія на то, на сколько обозначенные предѣлы помогали натурѣ воспитанника всесторонне развиваться — что составляетъ основную задачу воспитанія.

Но кромѣ временныхъ практическихъ цѣлей, на установленіе того или другаго характера дисциплины имѣли и имѣютъ большое вліяніе теоретическіе взгляды на нее, принятые въ томъ или другомъ трактатѣ о воспитаніи. Выходя изъ чисто отвлеченныхъ началъ, организаторы школьнаго воспитанія, имѣя въ виду завести извѣстный внѣшній порядокъ въ школѣ, разсматривали дисциплину, какъ силу, способную организовать этотъ порядокъ, и давали ей самую разнообразную роль и назначеніе. Нѣмецкая педагогическая литература представляетъ довольно большое разнообразіе во взглядахъ на дисциплину. Такъ, одни

изъ писателей[1] *снабжаютъ ее дѣятельностію только отрицательною,* т. е. главнымъ образомъ, по ихъ мнѣнію, *она должна состоять въ томъ, чтобы не допускать дѣтей дѣлать проступки.* Въ такомъ видѣ дисциплина почти не имѣетъ воспитательнаго характера, потому что, съ одной стороны, она дѣлаетъ невозможнымъ изученіе натуры ребенка, что весьма необходимо при воспитаніи вообще; а съ другой — воспитатель, вооруженный такою дисциплиною, является не развивающею, не возбуждающею силою, а угнетающею. Держась такой дисциплины онъ можетъ имѣтъ вліяніе на воспитанника однимъ только обученіемъ, да и то весьма ограниченное, потому что обученіе здѣсь является дѣломъ далеко не свободнымъ: оно совершается подъ вліяніемъ страха, — чувства вообще очень неудобнаго и даже опаснаго въ воспитаніи, особенно если оно является въ немъ исключительнымъ или господствующимъ. Имѣя такія неудобныя и даже вредныя свойства для воспитанника, *дисциплина эта, однако-жъ, упрощаетъ дѣло самаго воспитателя;* въ этомъ, можетъ быть, лежитъ главная причина, почему подобная дисциплина распространена въ большей части школъ. Употребляя подобную дисциплину, воспитатель стремится достигнуть одной, главнымъ образомъ цѣли — *повиновенія.* Какъ результатъ этого повиновенія является извѣстное поведеніе учениковъ и даже самое знаніе ихъ. Отсюда ясно каждый можетъ себѣ представить, на-сколько возможно при помощи такой дисциплины обращеніе знаній и нравственныхъ привычекъ въ собственность учениковъ: будучи нравственнымъ въ силу одного повиновенія, и учась по той-же причинѣ, ученикъ, особенно съ даровитою натурою, смотритъ на то и другое, какъ на вынужденное; съ усвоеніемъ того и другаго

---

[1] Гарнишъ и Вагнеръ.

часто соединяются у него весьма непріятныя воспоминанія о наказаніяхъ и строгости воспитателя; воспоминанія эти ослабляютъ цѣнность и знаній и правилъ, внушенныхъ такимъ несимпатическимъ путемъ, а потому, достигши такого возраста, въ которомъ онъ предоставленъ самому себѣ, онъ принимаетъ совершенно обратный образъ поведенія. Ясно отсюда, что такой дисциплины, съ такими свойствами, конечно, будутъ держаться такіе только воспитатели, которые считаютъ обидными для своего достоинства свободныя нравственныя отношенія къ ученику. «Для нихъ, говоритъ Елеопскій, управленіе школой составляетъ самое пріятное занятіе, потому что оно даетъ имъ случай командовать и разыгривать роль маленькихъ господъ. Такого рода дисциплина, или собственно полицейское управленіе, дѣйствительно не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого воспитательнаго значенія; она, какъ справедливо замѣчаетъ Циллеръ, ничего не развиваетъ въ дитяти и стоитъ совершенно отдѣльно отъ воспитанія».

Другое мнѣніе [1] придаетъ дисциплинѣ уже нѣсколько воспитательный характеръ: по этому мнѣнію *цѣль дисциплины — помогать обученію*. Значитъ, на практикѣ дисциплина, устроенная по этому началу и имѣющая такую цѣль приведетъ къ тому-же, къ чему приводитъ и тотъ родъ дисциплины, о которомъ мы только-что говорили: потому что и тамъ, какъ мы видѣли, воспитатель является только учителемъ, поставщикомъ знаній, но не личностію, вызывающею всестороннее развитіе натуры учащагося. Почти то-же, повторяемъ, бываетъ и при дисциплинѣ, которая направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы помогать обученію, вліяніе ея на учениковъ слѣдовательно будетъ то-же.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, придавая такое значеніе дис-

---

[1] Такого мнѣнія держались: Церренеръ, Кернъ, Гессертъ и др.

циплинѣ и такъ пользуясь ею на практикѣ, мало заботятся о сохраненіи способности ея быть воспитательною силою.

Третье мнѣніе[1] страдаетъ противуположною крайностію. Представители его полагаютъ, что *въ дисциплинѣ одной заключается вся воспитательная сила, и обученію не приписываютъ никакого значенія. Они правилами дисциплины стараются охватить всѣ стороны натуры ребенка и при помощи этихъ правилъ считаютъ возможнымъ сообщить всестороннее ему воспитаніе.* Но дѣлая дисциплину такою исключительною силою и устраняя непосредственное вліяніе на воспитанника обученія, они упускаютъ изъ виду, что разумное и хорошее поведеніе дитяти можетъ зависѣть отъ развитія въ немъ путемъ обученія умственныхъ и нравственныхъ силъ, что онѣ могутъ оказывать также большое вліяніе на волю и поведеніе воспитанника.

Наконецъ, послѣднее мнѣніе принадлежитъ Дистервегу. Онъ отнимаетъ у дисциплины всякую самостоятельность и *все воспитаніе въ школѣ подчиняетъ вліянію преподаванія.* Преподаваніе, по его мнѣнію, имѣя необходимыя качества, само будетъ выдѣлять изъ себя средства, способныя оказывать на поведеніе дѣтей и на ихъ воспитаніе такое-же вліяніе, какое можетъ оказывать на нихъ дисциплина. «Кто хорошо умѣетъ учить, говоритъ онъ, тотъ можетъ хорошо вести и дисциплину... Хорошій учитель возбуждаетъ въ своемъ ученикѣ вниманіе, прилежаніе, охоту и способность учиться, самодѣятельность, самообладаніе, вообще дѣйствуетъ на всѣ его силы не только умственныя, но и дѣятельныя, т. е. направляетъ и упорядочиваетъ не только съ внѣшней, но и съ внутренней стороны». Въ этомъ

---

[1] Его высказывали: Нимейеръ, Бернгарди, Абель и др.

взглядѣ на дисциплину дѣйствительно очень много справедливаго, особенно, если мы предположимъ, что въ школу поступаетъ мальчикъ съ развитою уже любознательностію и съ тѣми качествами, отъ которыхъ зависитъ любознательность, что, конечно, нерѣдко случается въ Германіи. Но практика у насъ представляетъ другія условія: мальчикъ, поступая въ нашу школу въ рѣдкихъ случаяхъ, имѣетъ вышеозначенныя свойства, чему, кромѣ другихъ причинъ, способствуетъ и возрастъ его. Умственныя силы его развиты бываютъ слабо, онѣ мало слѣд. могутъ оказывать вліянія на его волю, которая поэтому подчинена чувственности и руководствуется минутными впечатлѣніями и безсознательными порывами ребенка. При такихъ условіяхъ, каково бы ни было преподаваніе, оно не можетъ охватить всей натуры ребенка: — потому что оно преимущественно дѣйствуетъ на мышленіе, которое у ребенка еще мало развито; да предположивъ даже, что оно дѣйствуетъ и удовлетворительно, было бы очень вредно для нѣкоторыхъ душевныхъ силъ дитяти преждевременное подчиненіе ихъ мышленію, напр. чувства, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе. Отсюда понятно, что одно преподаваніе не можетъ дать всѣхъ условій, необходимыхъ при воспитаніи въ школѣ, и въ подмогу ему нужна еще и дисциплина.

Послѣ этого краткаго обозрѣнія главныхъ взглядовъ на дисциплину намъ теперь легче уяснить ея задачу и опредѣлительно указать на тѣ элементы и силы, которыя могутъ и должны ее одушевлять.

Мы уже сказали, что *главная сила, связывающая школьное воспитаніе съ домашнимъ, есть любовь;* видѣли, что результатъ, ею произведенный въ воспитанникѣ, не достаточенъ и можетъ оказывать только слабое содѣйствіе воспитанію, поэтому воспитатель, удерживая надъ всѣмъ своимъ поведеніемъ вліяніе любви, долженъ дѣйствовать на воспитанниковъ такими средствами, которыя

въ данныхъ случаяхъ могутъ оказать ему дѣйствительную помощь. Сюда относятся: *физическая власть воспитателя, нравственный его авторитетъ и наконецъ знанія, съ которыми онъ является.* Любовь воспитателя, слѣдовательно, и только-что названныя средства должны лежать въ основѣ дисциплины, какъ дѣятельные, одушевляющіе ее элементы. Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ они должны явиться при самомъ воспитаніи въ школѣ.

Для установленія надлежащей точки зрѣнія на разрѣшеніе этого труднаго вопроса припомнимъ здѣсь, что *цѣль воспитанія — приготовить воспитанника къ самоусовершенствованію, которое возможно подъ условіемъ сохраненія во всемъ процессѣ воспитанія самодѣятельности воспитанника.* Теперь обратимся къ натурѣ ребенка и къ степени его развитія и посмотримъ, какъ обнаруживается въ немъ самодѣятельность. Мы уже нѣсколько разъ упоминали, что умственныя и нравственныя его силы слабы, а потому воля его подчиняется не имъ, а природѣ физической. Проявленія самодѣятельности ребенка въ этомъ періодѣ его развитія слѣд. таковы, что они мѣшаютъ дѣлу воспитанія. Ясно поэтому, что для поступковъ ребенка и для его воли нужно въ это время поставить должные предѣлы, а иначе трудно даже будетъ сохранить тотъ порядокъ въ школѣ, какой необходимъ для успѣшнаго хода преподаванія. Это дѣйствительно и дѣлаетъ дисциплина. Какимъ же въ этомъ случаѣ изъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ школьной дисциплины, она дѣйствуетъ?— *Физическою властію;— она полагаетъ предѣлъ волѣ воспитанника и тѣмъ упорядочиваетъ его поведеніе въ школѣ.* Но спрашивается, являясь въ такомъ видѣ, дисциплина развѣ не помѣшаетъ самодѣятельности и не нарушитъ тѣмъ главнаго условія воспитанія? Для рѣшенія этого вопроса мы должны охарактеризвать формы проявленія самодѣятельности вообще. Она проявляется въ двухъ видахъ: *положи-*

тельно и отрицательно. Въ первомъ случаѣ она обнаруживается *въ поступкахъ, въ поведеніи;* во второмъ — *она выражается въ формѣ самообладанія*, т. е. она мѣшаетъ проявиться волѣ, если это проявленіе будетъ порочно. Во взросломъ человѣкѣ сила, ограничивающая такое проявленіе воли, исходитъ изъ мышленія и нравственности; у ребенка такой силы нѣтъ еще, она еще въ немъ неразвита. И вотъ эту-то силу и *замѣняетъ для его дисциплинарное правило, запрещающее проявляться его волѣ, если это проявленіе будетъ вредно.* Ясно отсюда, что запрещеніе не исключаетъ самодѣятельности, только даетъ ему иное направленіе: оно подавляетъ въ ребенкѣ желаніе къ вредной для его воспитанія дѣятельности, и *самодѣятельность его въ этомъ случаѣ не обнаруживается вовнѣ,* а *дѣйствуетъ, какъ внутренняя, сдерживающая сила.* Но будетъ ли подобное самообладаніе, во всякомъ случаѣ, все-таки вынужденное внѣшними условіями, дѣйствовать какъ воспитательная сила? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно, и вотъ почему: съ одной стороны, *она подавляетъ, еще въ зародышѣ дурныя наклонности ребенка,* а съ другой — сила, служащая источникомъ дурныхъ побужденій въ ребенкѣ, *не обнаруживаясь, не имѣетъ такимъ образомъ надлежащаго упражненія, и потому ослѣбѣваетъ.* Но нужно замѣтить, что послѣднее можетъ быть только въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, *если самое запрещеніе будетъ основано на разумномъ началѣ,* во 2-хъ, *если въ то же время стараются въ ребенкѣ развить путемъ воспитанія качества, противуположныя тѣмъ, которыя въ немъ стараются уничтожить.* Въ самомъ дѣлѣ, если ребенку запрещаютъ такія дѣйствія, которыя болѣе развитой умъ находитъ разумными, то подобное запрещеніе не будетъ дѣйствовать воспитательно, а напротивъ, разрушительно. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что мы достигаемъ этимъ запрещеніемъ вполнѣ цѣли: ребенокъ

привыкаетъ сдерживать силу, которая служила источникомъ поступковъ, запрещенныхъ дисциплиною. Сила эта, не имѣя упражненій, въ немъ ослабѣетъ; когда наступитъ время созрѣванія умственныхъ и нравственныхъ силъ воспитанника, то склонности, развитыя въ немъ путемъ воспитанія, не могутъ не оказывать вліянія на образующіяся его умственныя и нравственныя убѣжденія и отвѣтственнымъ лицемъ за достоинство вырабатываемыхъ въ это время воспитанникомъ убѣжденій является воспитатель; слѣдовательно, онъ будетъ виновенъ, если уничтожалъ такія склонности въ ребенкѣ, которыя законны въ природѣ человѣка и даже необходимы, или если развивалъ на мѣсто ихъ другія, основываясь при этомъ не на разумныхъ стремленіяхъ, а на произволѣ. Такое поведеніе воспитателя можетъ быть вредно и въ другомъ отношеніи: ребенокъ въ періодъ зрѣлости своего развитія, не найдя въ запрещеніи разумнаго или нравственнаго основанія, начинаетъ безъ уваженія относиться и къ самой дисциплинѣ, и, найдя ее несостоятельною въ одномъ случаѣ, будетъ скептически относиться и ко всѣмъ ея правиламъ. Образованіе въ ребенка подобнаго взгляда на дисциплину возможно потому, что въ школѣ мальчики принадлежатъ съ различнымъ возрастамъ и имѣютъ различную степень развитія. Такимъ нагляднымъ путемъ мы доходимъ до заключенія, что *правила дисциплины, запрещающія ребенку извѣстныя дѣйствія, должны быть основаны на разумѣ и нравственности;* при этихъ только условіяхъ дисциплина можетъ быть истинно воспитательною силою; потому что мальчикъ, повинуясь извѣстному правилу въ томъ возрастѣ, когда онъ еще не развитъ, достигнувъ зрѣлости, находитъ въ правилѣ, требовавшемъ отъ него извѣстнаго рода поведенія, разумное нравственное основаніе и продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ усвоенныхъ привычекъ уже сознательно. Сверхъ того, если дисциплина именно будетъ такова,

то въ школѣ, уже какъ послѣдствіе ея разумнаго характера, явится еще одно благодѣтельное для воспитанія обстоятельство,— *это вліяніе старшихъ учениковъ на младшихъ;* разумное поведеніе первыхъ, проникнутое уваженіемъ къ дисциплинѣ, будетъ служить прекраснымъ примѣромъ и для младшихъ и тѣмъ помогать сохраненію и между ними правилъ дисциплины.

Такими дѣйствительно и явятся правила дисциплины, если на составленіе ихъ окажетъ должное вліяніе та любовь, которую мы представляемъ душею школьнаго воспитанія. Дѣйствуя подъ вліяніемъ ея, воспитатель будетъ тщательно оберегать и развивать въ воспитанникѣ лучшія свойства человѣческой природы, потому съ надлежащею осторожностію будетъ пользоваться при воспитаніи физическою властію, которая, какъ мы сказали, въ дисциплинѣ выражается *запрещеніемъ*, т. е. полагаетъ предѣлы проявленіямъ воли воспитанника.

2. Вторая сила, служащая основою школьной дисциплины, послѣ физической власти — которая выражается въ ней запрещеніемъ, *есть нравственный авторитетъ воспитателя.* Говоря о домашнемъ воспитаніи, мы уже упомянули, что нравственное превосходство дѣти сознаютъ въ родителяхъ тогда, когда достигаютъ извѣстной степени развитія; при такихъ-же условіяхъ и тогда-же это бываетъ и при воспитаніи въ школѣ. Этимъ моментомъ въ развитіи дѣтей долженъ пользоваться воспитатель и не помѣшать признанію ими своего авторитета, потому что воспитательная сила этого авторитета и вліяніе ея на воспитанника можетъ быть очень значительна и служить удобною опорою для воспитательной дисциплины. При этомъ нужно замѣтить, что *сила его авторитета будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе будутъ подходить его личныя качества къ тѣмъ, которыхъ мы требовали, какъ необходимыхъ въ воспитателѣ.* Но на это одно нельзя еще полагаться. Трудно

еще предположить въ дѣтяхъ такую степень развитія, чтобы они могли вполнѣ оцѣнить эти качества и во имя ихъ развить въ душѣ своей въ такой мѣрѣ уваженія къ воспитателю, въ которой оно способно было бы оказать должное вліяніе на поведеніе ихъ, и тѣмъ привести дѣйствія и поступки ихъ къ надлежащей нормѣ. Такой оцѣнки нельзя всегда требовать даже и отъ вполнѣ взрослаго человѣка. А потому, чтобы дѣти болѣе способны были оцѣнить эти качества, воспитатель долженъ ихъ обнаружить на дѣлѣ, въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ нимъ; ошибки и промахи его здѣсь могутъ много ослабить благодѣтельное воспитательное дѣйствіе его авторитета. Итакъ, первая основа нравственнаго авторитета воспитателя есть *его умственная и нравственная зрѣлость и вообще его личныя качества*. Но такъ-какъ онъ является въ то-же время и учителемъ, то вторую основу его авторитета образуютъ *его знанія* въ преподаваемой имъ наукѣ. Оба эти основныя начала его авторитета *обращаются въ дѣятельную силу при помощи его поведенія — его поступковъ въ непосредственныхъ его отношеніяхъ къ ученикамъ;* форма этого поведенія и вліяніе его на учениковъ могутъ быть очень разнообразны.

а) Умѣнье держать себя съ дѣтьми пріобрѣтается опытомъ, но владѣя зрѣлостью и благоразуміемъ, и неопытный воспитатель не впадетъ въ этомъ случаѣ въ крупныя погрѣшности. Для этого необходимо только, чтобы въ немъ было ровное настроеніе духа, которое дастъ ему возможность всегда поступать осмотрительно и предохранять себя отъ крайнихъ выходокъ въ отношеніи къ дѣтямъ. Только такое разумное поведеніе воспитателя дастъ случай и дѣтямъ почувствовать на себѣ благодѣтельное вліяніе добрыхъ его свойствъ; кромѣ того, свойства эти, выражаясь въ дѣйствіяхъ, окружатъ дѣтей добрыми примѣрами, усвое-

ніе которыхъ можетъ пригодиться имъ впослѣдствіи, въ ихъ общественной дѣятельности. Для приготовленія дѣтей къ общественной дѣятельности школа представляетъ чрезвычайно много удобствъ: въ ней между дѣтьми существуютъ или могутъ существовать, если объ этомъ позаботятся, очень разнообразныя и сложныя отношенія, на выясненіи которыхъ воспитатель можетъ заблаговременно основывать подготовку своихъ воспитанниковъ и къ болѣе или менѣе безукоризненной общественной дѣятельности. Это тѣмъ болѣе возможно уже здѣсь, въ это время потому, что чисто нравственныя начала, которыя должны служить основаніемъ дѣйствій человѣка вообще, въ существѣ своемъ очень просты; они осложняются только болѣе или менѣе, смотря по величинѣ пространства, на которомъ они дѣйствуютъ и по количеству житейскихъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ подъ ихъ вліяніемъ на практикѣ. Слѣдовательно, умышленно осложнивъ отношенія между дѣтьми, воспитатель легко можетъ затрогивать разнообразные практическіе вопросы и уяснять имъ природу явленій, играющихъ болѣе или менѣе важную роль и въ жизни. Въ этомъ осложненіи отношеній между дѣтьми воспитатель впрочемъ не всегда нуждается, потому что его личныя отношенія къ нимъ могутъ быть очень разнообразны, если только онъ этого пожелаетъ, и дадутъ ему много поводовъ представить воспитанникамъ своимъ добрые поучительные и воспитательные примѣры. Такъ, воспитатель, сохраняя во всѣхъ случаяхъ въ отношеніи къ дѣтямъ полное безпристрастіе и благоразумную справедливость, можетъ уже познакомить ихъ со многими сторонами жизни. Обращая вниманіе напр. при оцѣнкѣ успѣховъ и поведенія воспитанниковъ на природныя ихъ дарованія, на ихъ темпераментъ и на семейныя обстоятельства, онъ не долженъ этого скрывать передъ другими учениками; а напротивъ, взвѣшивая и оцѣнивая передъ ними всѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать ихъ товарищу, онъ будетъ

ихъ знакомить съ житейскою борьбою и ея трудностями. Результатами такого его поведенія будетъ то, что тѣ изъ его воспитанниковъ, которые поставлены природою и обстоятельствами въ счастливое положеніе, ясно будутъ сознавать обязанность пользоваться всѣмъ этимъ для развитія въ себѣ качествъ совершенства; и овладѣвъ ими, они потомъ не будутъ дѣлать ихъ предметомъ тщеславія и въ то-же время, съ разумнымъ снисхожденіемъ, станутъ смотрѣть на отсутствіе этихъ качествъ въ тѣхъ, кому природа и обстоятельства жизни помѣшали ихъ пріобрѣсти.

Можно представить и другіе примѣры поведенія воспитателя въ отношеніи къ ученикамъ съ указаніемъ на то, какъ они могутъ содѣйствовать ихъ личному усовершенствованію и знакомить ихъ съ условіями практической жизни; но это будетъ совершенно излишне, потому что каждый, кто имѣетъ дѣло съ дѣтьми и любитъ ихъ, обогащая ихъ умъ познаніями, съумѣетъ въ то-же время пользоваться своими отношеніями къ нимъ для развитія въ нихъ и гражданскихъ общественныхъ добродѣтелей.

b) Но кромѣ этихъ, такъ сказать болѣе отдаленныхъ цѣлей, т. е. кромѣ подготовки воспитанниковъ своимъ добрымъ примѣромъ къ общественной дѣятельности, воспитатель долженъ направлять свои поступки и свое поведеніе и на то, *чтобы создать благопріятное для воспитанія настроеніе духа школы,* т. е. онъ долженъ вести себя такъ, чтобы поселить въ школѣ доброе дружелюбное настроеніе. Противъ этого нерѣдко погрѣшаетъ школьное воспитаніе, возбуждая напр. безъ мѣры *соревнованіе между товарищами,* слѣдовательно, дѣйствуя на самолюбіе, которое вообще составляетъ силу во многихъ случаяхъ способную помѣшать дружескимъ отношеніямъ между дѣтьми. Чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ вспомнить, какое разрушительное вліяніе на нравственность и на отношеніе между

дѣтьми имѣло излишнее возбужденіе соревнованія въ школахъ іезуитовъ. Опытъ ихъ доказалъ, какъ говоритъ Веберъ, что «кто для достиженія своей цѣли употребитъ въ дѣло человѣческіе недостатки и слабости, тотъ конечно пойдетъ вѣрнѣе, чѣмъ другой, разсчитывающій на доблесть и благородство; но воспитаніе, пользующееся этимъ печальнымъ обстоятельствомъ для того, чтобы возделкою слабости человѣческой, тѣмъ вѣрнѣе властвовать надъ питомцемъ, тѣмъ болѣе пріучить его къ безусловному повиновенію, — такое воспитаніе стоитъ на дурной основѣ».

Дѣтское самолюбіе, поэтому, едва-ли можетъ служить здоровою воспитательною силою, и дѣйствуя на него, пожалуй, можно въ извѣстныхъ случаяхъ достигать удовлетворительныхъ результатовъ въ обученіи, но легко повредить въ то-же время нравственному развитію дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается, что дѣти, которыхъ самолюбіе очень поощряли, будучи одарены счастливыми способностями и поставлены среди обстоятельствъ, при которыхъ легко пріобрѣтали превосходство надъ своими товарищами, въ жизни потомъ являлись людьми очень тяжелыми, требующими первенства во всякой средѣ, наскучая въ то-же время всѣмъ повѣствованіемъ о своихъ достоинствахъ. Поэтому, воспитатель, развивая необходимое дружелюбное настроеніе въ школѣ, долженъ пользоваться для этого симпатическими качествами человѣческой натуры, установлять между дѣтьми и въ ихъ отношеніяхъ любовь, расположеніе и снисходительность. Гдѣ господствуетъ такой духъ, тамъ школа дѣлается пріятнымъ мѣстомъ, куда дѣти спѣшатъ съ удовольствіемъ. Утверждая дружбу между дѣтьми, можно въ нихъ развить наклонность и помогать другъ другу, на что вообще не обращаютъ почти вниманія.

3. Но воспитатель, содѣйствуя такимъ образомъ установленію въ школѣ благопріятнаго для разносторонняго развитія дѣтей

настроенія духа, не долженъ забывать и о развитіи самодѣятельности въ ученикахъ, другими словами, *онъ не долженъ слишкомъ тяготѣть своимъ авторитетомъ надъ нравственною свободою своего воспитанника.* Для возбужденія самодѣятельности школа представляетъ воспитателю также много удобствъ: для этого онъ можетъ пользоваться существующими отношеніями дѣтей между собою, можетъ умышленно видоизмѣнять эти отношенія и при этомъ слѣдить за-тѣмъ, на сколько усвоены тѣ нравственныя начала, которыя онъ развивалъ въ нихъ разными средствами. При этомъ воспитатель не долженъ заботиться о томъ, чтобы ребенокъ въ своемъ поведеніи буквально повторялъ видѣнные имъ примѣры; пусть въ дѣйствіяхъ его и поступкахъ будетъ и примѣсь самостоятельности; хотя-бы отъ этой примѣси поступокъ воспитанника сдѣлается менѣе практическимъ, или менѣе совершеннымъ, нежели какъ того желалъ бы воспитатель; потому что, только являясь съ извѣстною долею самостоятельности, поступокъ воспитанника и дастъ основаніе воспитателю болѣе опредѣленнымъ образомъ судить о томъ, на-сколько онъ овладѣлъ дѣйствительно тѣмъ или другимъ нравственнымъ началомъ, о чемъ трудно сдѣлать заключеніе тогда, когда воспитанникъ буквально повторяетъ видѣнный образецъ. А потому, повторяемъ, поведеніе воспитателя, а вмѣстѣ и дисциплина школьная, ни въ какомъ случаѣ, не должны подавлять нравственную свободу учащихся, — разумѣется въ тѣхъ случаяхъ, если проявленія ея не вредятъ воспитательнымъ цѣлямъ, — а, напротивъ, развивать ее. Пусть та неопытность, которая составляетъ сущность дѣтства и юности, поможетъ молодежи, подъ вліяніемъ изучаемыхъ ею истинъ науки, выработать на поприщѣ той почвы, которую раскидываютъ передъ ихъ воспитанниками ихъ юное воображеніе, и свои взгляды на вещи; эти взгляды, отличаясь идеальностію, очистятъ ихъ понятія, освѣжатъ ихъ

чувства, поселятъ въ натурѣ ихъ ту вѣру въ жизнь и людей, которая такъ необходима каждому. «Нужно снисходительно смотрѣть, говорятъ Элеонскій, и противудѣйствовать самыми мягкими мѣрами, когда молодежь слишкомъ рѣзко выдается изъ общаго однообразія жизни, а не видѣть въ этомъ порчи воспитанія».

3. Но кромѣ своихъ личныхъ качествъ, изъ которыхъ воспитатель, помощію вышеизложеннаго поведенія, вырабатываетъ для воспитанниковъ примѣры и для ихъ дѣятельности, онъ долженъ сообщить воспитательный характеръ и *своему преподаванію*. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ дѣйствовать двумя путями: a) *матеріаломъ, который дастъ ему наука*, имъ преподаваемая, и b) *характеромъ самаго преподаванія*. Относительно матеріала, даваемаго самою наукою, нужно замѣтить, что не всѣ науки обладаютъ въ одинаковой степени способностію возбуждать нравственныя силы учащихся. Но въ какой бы мѣрѣ наука ни обладала этою способностію, преподающій ее долженъ пользоваться ею при всякомъ случаѣ; а какъ онъ долженъ здѣсь поступать, — объ этомъ нѣтъ надобности распространяться: — владѣющій хорошо своимъ дѣломъ съумѣетъ пользоваться наукою такъ, что не только сообщитъ познанія учащимся, но и разовьетъ ихъ еще нравственно, — съумѣетъ воспользоваться случаемъ и наглядно показать напр. нравственную или безнравственную сторону историческаго лица, литературнаго типа, и объяснитъ то зло или добро, которое они произвели въ жизни; эти примѣры могутъ поселить въ дѣтяхъ любовь къ добру и отвращеніе ко злу. Но кромѣ матеріала, даваемаго въ этомъ случаѣ содержаніемъ науки, въ самомъ процессѣ преподаванія также можетъ быть много воспитательнаго; *духъ его и характеръ различно можетъ дѣйствовать на учениковъ*.

Чтобы преподаваніе дѣйствовало воспитательнымъ образомъ

на учениковъ, они прежде всего должны быть убѣждены, что преподаватель хорошо владѣетъ своимъ предметомъ; только при этомъ условіи слова его будутъ возбуждать надлежащее довѣріе, дѣйствовать убѣдительно на воспитанника. Но одного довѣрія еще недостаточно въ этомъ случаѣ: чтобы слова преподавателя оказывали надлежащее впечатлѣніе на душу воспитанника, — для этого преподаваніе должно *возбуждать* душевныя силы воспитанниковъ: достигать этой цѣли преподаваніе можетъ тогда, когда оно будетъ отличаться *живостію и энергіею.* Оживить классъ своимъ преподаваніемъ есть дѣло чрезвычайно важное, потому что, какъ мы видѣли, говоря о процессѣ развитія душевныхъ силъ ребенка, *только сильныя впечатлѣнія въ состояніи дать душѣ отчетливыя представленія и понятія,* и говорили также, что самая сила впечатлѣнія зависитъ и *отъ силы вліянія внѣшняго предмета на познавательныя способности,* и *отъ степени возбужденія самихъ способностей;* на возбужденіе способностей большое вліяніе имѣетъ *степень сочувствія преподавателя къ своимъ словамъ:* теплое чувство, одушевляя мысль его, сдѣлаетъ симпатическимъ для учениковъ его убѣжденіе, и оно глубоко можетъ запасть въ ихъ сознаніе; съ другой стороны — одушевленіе, въ которое приведены ученики, будетъ держать въ напряженіи ихъ душевныя силы, и мысль преподавателя встрѣтитъ въ душѣ ихъ необходимую энергію, которая въ моментъ самаго восприятія новаго понятія дастъ ему живучесть, и оно останется въ сознаніи дитяти не какъ мертвое знаніе, а какъ живая сила, которая извѣстнымъ образомъ будетъ дѣйствовать на его духовную организацію и производить въ ней сообразныя съ цѣлію преподавателя измѣненія.

Но представляя такія благопріятныя условія для воспитанія вообще, оживленіе класса представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *дѣло*

чрезвычайно трудное. Главнымъ препятствіемъ этому оживленію можетъ служить *состояніе физическаго здоровья учениковъ* и *степень бодрости ихъ нервной дѣятельности:* если ученики утомлены уже несоразмѣрнымъ съ силами ихъ количествомъ труда, если они безъ движенія просидѣли уже нѣсколько часовъ, то трудно преподавателю произвести необходимое оживленіе въ классѣ; — утомленный человѣкъ и вялый неохотно выслушиваетъ другихъ и въ рѣдкихъ случаяхъ способенъ близко къ сердцу принимать высокія истины и благородныя чувства. Это *утомленіе настанетъ для учениковъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ однообразнѣе возбуждаютъ ихъ способности,* а потому слѣдуетъ располагать уроки въ школѣ такъ, чтобы въ теченіи дня по-перемѣнно и гармонически возбуждались душевныя и физическія способности дѣтей: одинъ урокъ напр. долженъ быть посвященъ возбужденію чувствъ, чему можетъ служить Законъ Божій, другой — наукѣ возбуждающей мышленіе, третій — дѣятельности болѣе механической, напр. рисованію, письму или такому физическому упражненію, какое можетъ доставить пѣніе и т. д. Но располагая такъ уроки, — имѣя въ виду возбужденіе то той, то другой способности, — нужно и въ теченіи самаго урока, имѣющаго назначеніемъ, напр., возбуждать преимущественно мышленіе, не забывать и другихъ душевныхъ способностей; если урокъ самъ по себѣ не можетъ подать къ этому повода, то слѣдуетъ воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ, при которомъ легко возбудить веселость между дѣтьми, допустить съ этою цѣлію на нѣсколько моментовъ безпорядокъ въ классѣ; вреда это преподаванію не принесетъ, если только воспитатель поставилъ себя надлежащимъ образомъ предъ своими учениками и легко ими руководитъ. Итакъ, чтобы преподаваніе не страдало отъ утомленія учениковъ или, по крайней мѣрѣ, чтобы утомленіе ихъ наступало

не скоро, необходимо: во 1-хъ, *чтобы оно гармонически дѣйствовало на всѣ душевныя способности ихъ*, и во 2-хъ, *чтобы не забывалась и потребность дѣтей къ движенію, особенно младшаго возраста.* Поэтому введеніе гимнастическихъ упражненій въ число уроковъ принесло бы большую пользу преподаванію, особенно если-бы занятіе гимнастикою помѣщено было въ дневномъ расположеніи уроковъ именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ. При этомъ нужно замѣтить, что удобнѣе всего помѣщать гимнастику послѣ урока, требовавшаго преимущественно дѣятельности мышленія.

Практика и наблюденія надъ дѣйствительностію могутъ указать еще много другихъ, чисто случайныхъ причинъ, препятствующихъ оживленію преподаванія; но такъ-какъ преподаваніе, являясь только оживленнымъ, можетъ быть воспитательнымъ, то нужно всѣми силами заботиться объ устраненіи всего, что можетъ мѣшать этому оживленію.

4. Когда воспитатель, дѣйствуя на учениковъ вышеизложенными воспитательными силами, приведетъ ихъ нравственныя и умственныя способности въ надлежащую зрѣлость, тогда наступаетъ пора развить надъ ними вліяніе любви, которая до сихъ поръ дѣйствовала не непосредственно: она только руководила всею воспитательною дѣятельностію воспитателя и указывала ему — въ какой мѣрѣ и какъ долженъ онъ былъ пользоваться всѣми воспитательными средствами школы.

Это высокое по своей природѣ чувство должно сообщить ученикамъ гуманность; она, проникнувъ всѣ до сихъ поръ развиваемыя силы учениковъ, должна сообщить имъ окончательную обработку — сообщить имъ человѣчественность. Если чувствомъ этимъ будетъ пользоваться воспитатель надлежащимъ образомъ, то результатомъ его дѣйствій явится то, что воспитанники ста-

нутъ на путь, указанный евангельскою моралью. Какъ скоро подобный результатъ произведенъ въ воспитанникахъ, то удобно дальнѣйшее воспитаніе ихъ предоставить ихъ собственной дѣятельности.

Итакъ, изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что школа можетъ и должна быть не только мѣстомъ обученія, но и мѣстомъ воспитанія, и, *чтобы сдѣлать изъ учебнаго заведенія и воспитательное, необходимо введеніе разумной дисциплины*, которая для этого должна пользоваться всѣми средствами, которыми можетъ располагать школа.

Какъ можно заставить учениковъ исполнять дисциплину.

Теперь является новый весьма важный вопросъ относительно школьнаго воспитанія. Дисциплина, устроенная вышеизложеннымъ образомъ, конечно можетъ приводить къ указаннымъ результатамъ только тогда, когда она исполняется. *Какими же средствами можно пользоваться для того, чтобы заставить учениковъ исполнять дисциплину?*

Прежде этотъ вопросъ разрѣшался очень просто; потому что воспитатель довольствовался только результатомъ дня: если нарушались правила дисциплины, то для предупрежденія повторенія того-же прибѣгали къ наказаніямъ; при этомъ вовсе не обращали вниманія на то, какое вліяніе оказывало на натуру ребенка это наказаніе, и на сколько оно своими послѣдствіями противорѣчило основнымъ началамъ воспитанія. Чтобы яснѣе представить себѣ это обстоятельство, разсмотримъ сущность и результаты нѣкоторыхъ наказаній. Начнемъ съ тѣлесныхъ наказаній, довѣріе къ дѣйствительности которыхъ значительно теперь ослаблено.

Нѣсколько разъ мы повторяли, что цѣль воспитанія - усовершенствованіе человѣка; усовершенствованіе это возможно при раскрытіи всѣхъ душевныхъ силъ человѣка, и притомъ такъ, чтобы ихъ вліянію подчинялись его чувственныя стремленія. Разсмотримъ теперь — могутъ ли содѣйствовать этому тѣлесныя наказанія.

Говоря о физическомъ воспитаніи, мы видѣли, что при немъ нужно имѣть въ виду подчиненіе тѣла вліянію души. Въ результатѣ такого воспитанія должна развиться въ воспитанникѣ способность равнодушно или твердо переносить тѣлесныя страданія, если этого требуютъ какіе-нибудь нравственные интересы. Стремленіе къ усвоенію этой способности замѣчается рано у самихъ дѣтей, — въ играхъ своихъ они часто подвергаются ушибамъ, и посмотрите, какимъ позоромъ клеймятъ они расплакавшагося отъ ушиба товарища! Наказывая же тѣлесно, мы тоже заставляемъ испытывать боль и стараемся ею содѣйствовать душевному усовершенствованію. — Ясно отсюда, что наказаніе тѣлесное противорѣчитъ основнымъ началамъ физическаго воспитанія, а что оно унижаетъ ребенка и нравственно — это ясно доказывается чувствомъ презрѣнія къ самому себѣ со стороны получившаго наказаніе. Это — непосредственный результатъ тѣлеснаго наказанія; далѣе, второй результатъ — это страхъ. Чувство это, нѣсколько разъ мы говорили, имѣетъ разрушительное дѣйствіе на натуру ребенка: оно развиваетъ въ немъ хитрость, лукавство, притворство и другія свойства, которыхъ развитія никогда не можетъ имѣть въ виду правильное воспитаніе. Дѣлая отсюда заключеніе, мы должны сказать, что все усвоенное дѣтьми подъ вліяніемъ страха и боязни тѣлесныхъ наказаній, какъ усвоенное несвободно, не можетъ оказывать должнаго вліянія на волю ученика; мальчикъ, такъ воспитанный, будетъ только стараться показывать, что имѣетъ тѣ качества, которыхъ развитія въ

немъ требовали, грозя въ противномъ случаѣ наказаніями; это стараніе можетъ легко обратиться въ немъ въ привычку, а потому въ общественной дѣятельности онъ явится лицемъ неискреннимъ, фальшивымъ. Здѣсь-то, можетъ быть, и кроется причина, отчего такъ часто въ жизни встрѣчается много людей, для которыхъ — не *быть*, а *казаться* извѣстною личностью — составляетъ основной законъ ихъ практической дѣятельности. Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣлесныя наказанія противурѣчатъ основному началу физическаго воспитанія, оскорбляютъ въ мальчикѣ его личное достоинство, и наконецъ, — если воспитатель и разовьетъ въ ребенкѣ посредствомъ наказаній извѣстныя наклонности, то онѣ не будутъ имѣть въ душѣ его опоры, а явятся въ немъ только какъ внѣшнія формальности.

Такой-же характеръ имѣетъ и *наказаніе, состоящее въ лишеніи пищи*. Физическое воспитаніе, имѣя въ виду подчиненіе тѣла владычеству души, пріучаетъ воспитанника терпѣливо переносить голодъ, а здѣсь, заставляя испытывать голодъ, какъ наказаніе, опять прямо противорѣчатъ здравому воспитанію.

Менѣе противорѣчитъ основнымъ началамъ воспитанія *лишеніе силовнаго свободы*. Но и это наказаніе, употребляемое неосмотрительно, можетъ также принести много вреда ребенку, особенно если его заключаютъ въ темную комнату. Нѣсколько разъ мы говорили, что воображеніе у ребенка дѣйствуетъ очень сильно; оставшись въ одиночествѣ, онъ легко поддается тому душевному настроенію, въ которомъ будетъ господствовать его фантазія; комната, въ которой онъ заключенъ, вслѣдствіе этого представится ему населенною различными страшными видѣніями, что можетъ возбуждать въ немъ страхъ, способный чрезвычайно вредно дѣйствовать на его даже физическое здоровье. Если же дѣтей заключаютъ по нѣскольку вмѣстѣ, то заключеніе на нихъ можетъ

оказать совсѣмъ противоположное желаемому дѣйствіе: для развлеченія своего они выдумаютъ игры, которыя заставятъ ихъ забыть о своемъ положеніи, или устроютъ среди бездѣлья разныя забавы, въ содержаніи которыхъ нерѣдко дѣйствующими лицами являются воспитатели.

Наконецъ, *наказанія, имѣющія цѣлію возбужденіе стыда, также не имѣютъ воспитательнаго значенія,* и также могутъ быть вредны: — чувство стыда въ послѣдствіи времени, при зрѣлости воспитанника, перерабатывается въ чувство чести; слѣдовательно, оно составляетъ основную часть благороднаго характера человѣка; у дѣтей же стыдъ есть чувство слабое; дѣйствуя на возбужденіе его, при малѣйшей неосторожности, можно его исказить и слѣдовательно повредить и даже помѣшать образованію въ воспитанникѣ нравственнаго характера.

Такимъ образомъ, изъ обозрѣнія главныхъ видовъ наказанія, мы видимъ, что они, пожалуй, и помогаютъ сохраненію дисциплины въ школѣ, но за-то у самой дисциплины отнимаютъ способность непосредственно дѣйствовать на внутреннія силы воспитанника, — дѣйствовать воспитательно. Слѣдовательно, обозрѣніе послѣдствій отъ наказаній, принятыхъ или принимаемыхъ на практикѣ, не дало намъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о средствахъ, способныхъ охранять школьную дисциплину отъ нарушенія, не лишая ее въ то-же время воспитательнаго характера. Посмотримъ теперь, *какъ этотъ вопросъ разрѣшаетъ теорія.* Ж. Ж. Руссо высказываетъ по этому поводу такое мнѣніе, что ребенокъ, сдѣлавшій дурной поступокъ, долженъ быть наказанъ послѣдствіями этого дурнаго поступка. «Никогда не слѣдуетъ, говоритъ онъ, налагать на дѣтей какого-нибудь наказанія, которое было бы придумано воспитателемъ: нужно всегда дѣлать такъ, чтобы наказаніе являлось какъ естественное слѣдствіе

какого-либо дурнаго поступка. Если ребенокъ разобьетъ окно, оставь его въ комнатѣ съ разбитыми окнами, пусть безпокоитъ его вѣтеръ и непогода». Но, руководствуясь такимъ принципомъ, т. е. наказывая ребенка послѣдствіями его дурнаго поступка, мы можемъ, при неопытности дитяти, часто подвергнуть его и такимъ послѣдствіямъ, которыя могутъ нанести вредъ его физическому здоровью; да кромѣ того, можетъ быть много такихъ дурныхъ поступковъ, при которыхъ послѣдствій поступка ребенка, выражающихся наглядымъ — т. е. понятнымъ образомъ для него, можетъ и не быть. Слѣдовательно, принципъ этотъ неудобенъ въ воспитаніи.

Другое мнѣніе о средствахъ сохраненія дисциплины высказано Эйзеленомъ; оно состоитъ въ томъ, чтобы, отыскавъ, что побудило ребенка къ дурному поступку, наказывать самое побужденіе. Такъ, если побужденіемъ было тщеславіе, то употребить насмѣшку, если жадность, то отнять у ребенка вещь, ему принадлежащую и т. д. Но, во 1-хъ, принципъ этотъ предполагаетъ то, чего въ ребенкѣ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Дитя живетъ непосредственными впечатлѣніями; предположить, что поступками его управляютъ нравственныя или безнравственныя начала, еще едва-ли возможно, а во 2-хъ, положимъ, что этотъ принципъ будетъ примѣняться къ дѣтямъ болѣе взрослымъ, гдѣ можно уже предположить существованіе внутреннихъ мотивовъ для ихъ поведенія, но онъ и здѣсь оказывается неудобнымъ, потому что, руководствуясь имъ, нужно употреблять средства не совсѣмъ безопасныя въ дѣлѣ воспитанія, каковы — насмѣшка, оскорбленіе чувства собственности и т. п.

Третье мнѣніе указываетъ какъ на дѣйствительное средство, способное заставить дѣтей выполнять дисциплину, — на систему устрашенія; но объ этомъ уже говорили, разбирая значеніе наказаній въ воспитаніи.

Значитъ, и теорія рѣшаетъ нашъ вопросъ неудовлетворительно. Это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что и на практикѣ и въ теоріи, при рѣшеніи этого вопроса, рѣдко изслѣдовали, а еще рѣже испытывали на дѣлѣ тѣ средства для сохраненія школьной дисциплины, которыя выдѣляются изъ естественныхъ отношеній дѣтей къ тѣмъ лицамъ, которыя заботятся объ ихъ воспитаніи. Эти средства имѣютъ полное право на предпочтеніе предъ другими особенно потому, что они могутъ вести къ цѣли даже въ раннемъ возрастѣ дѣтей, когда незначительная еще степень ихъ развитія дѣлаетъ недѣйствительными всѣ наставленія и убѣжденія. Поэтому, если ребенокъ ведетъ себя дурно, *прежде всего и лучше всего пользоваться въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ семейства, —вліяніемъ на ребенка родительской любви.* Вліяніе этой любви можетъ оказать свое дѣйствіе уже на 7-лѣтняго ребенка, а въ такомъ возрастѣ, когда онъ поступаетъ въ школу, вліяніе это можетъ быть вполнѣ дѣйствительнымъ. Слѣдовательно, помощь родителей въ этомъ случаѣ представляетъ самое удовлетворительное средство, во 1-хъ, потому что оно дѣйствительно, особенно если отношенія родителей къ дѣтямъ имѣютъ тотъ характеръ, о которомъ мы говорили, а во 2-хъ, потому, что, при такомъ участіи родителей въ школьномъ воспитаніи ихъ дѣтей, школа будетъ располагать и тѣми благодѣтельными силами для воспитанія, которыя развиваются только изъ семейства.

Потомъ. извѣстно, что дѣти по естественному влеченію спѣшатъ домой, гдѣ ихъ ожидаетъ ласка нѣжной матери. Положимъ, ребенокъ сдѣлалъ крупный дурной поступокъ; удержите его въ школѣ долѣе опредѣленнаго времени, напомнивъ ему сколько онъ причинитъ огорченія своимъ позднимъ приходомъ ожидающей его матери, и оставьте его одного съ мыслію объ этомъ. Дѣятель-

честь его чувства, получивъ такое направленіе, окажетъ на него очень много благодѣтельнаго вліянія.

Далѣе, ребенокъ подрастаетъ; его душевныя силы начинаютъ созрѣвать; онъ привыкаетъ подчиняться нравственному авторитету воспитателя; здѣсь, какъ мы видѣли, воспитатель много содѣйствуетъ нравственному воспитанію учащагося собственнымъ примѣромъ: онъ поселяетъ въ немъ добрые навыки и склонности, которые, утвердившись въ душѣ дитяти, удерживаютъ его отъ дурныхъ наклонностей, уже какъ его собственная внутренняя сила. Въ этомъ періодѣ развитія воспитанника, слѣдовательно, можно дѣйствовать уже, въ случаѣ виновности его, и на его мышленіе: ему можно уже объяснить, какой законъ разума и нравственности онъ нарушилъ своимъ дурнымъ поступкомъ, и, чтобы сдѣлать болѣе вѣрнымъ его раскаяніе, слѣдуетъ подѣйствовать и на возбужденіе въ немъ чувства, что сдѣлать не трудно воспитателю, который связанъ съ провинившимся любовью: для этого достаточно будетъ ему показать только свое неудовольствіе. Но въ этомъ неудовольствіи не должно быть свойства личнаго, а напротивъ — виновный долженъ сознать, что онъ оскорбилъ не воспитателя, а нравственный законъ; въ этомъ случаѣ огорченіе воспитателя представитъ собою силу общественнаго мнѣнія, которое способно возмущаться нарушеніемъ его нравственныхъ принциповъ. Возбужденіе чувства въ такихъ случаяхъ можетъ быть совершаемо въ различныхъ доляхъ смотря потому, на-сколько развитіе виновнаго воспитанника дѣлаетъ это умѣстнымъ. — Подобное средство дѣйствительно по своей естественности: не только въ школѣ, но и въ жизни между людьми бываетъ так-же: кого мы больше любимъ, тотъ своими дурными поступками наиболѣе насъ и огорчаетъ. Смотря на это явленіе съ психологической точки зрѣнія, мы можемъ объяснить его тѣмъ, что истинная любовь дѣлается высокимъ чув-

ствомъ тогда, когда ему не противорѣчитъ чувство справедливости, т. е. когда мы любимъ достойное любви; въ послѣднемъ случаѣ любовь развивается въ душѣ нашей свободно и тѣмъ приноситъ намъ высокое духовное наслажденіе.

Средства для сохраненія дисциплины, вытекающія изъ отношеній ребенка къ родителямъ и воспитателю, далеко не всѣ исчислены нами; но всѣ они будутъ дѣйствовать указаннымъ образомъ только тогда, когда природа ихъ не будетъ искажена какими-нибудь случайностями. Случайности эти школьное воспитаніе иногда бываетъ не въ силахъ переработать и предупредить ихъ дурное вліяніе на учащихся. Однѣ изъ этихъ случайностей *дѣйствуютъ извнѣ, другія развиваются въ самой школѣ и обусловлены оффиціальнымъ положеніемъ воспитателя.* Къ первымъ относятся отношеніе семьи къ школѣ: если ребенокъ принадлежитъ родителямъ, которые недовѣрчиво смотрятъ на школу и на воспитаніе въ ней, то въ такомъ случаѣ воспитатель не можетъ разсчитывать на содѣйствіе ихъ своимъ цѣлямъ. Такимъ-же неудовлетворительнымъ будетъ отношеніе воспитателя къ семьѣ, когда родители и вообще окружающіе ребенка въ присутствіи его безъ должнаго уваженія относятся къ наукѣ и ея преподавателямъ. Случается не рѣдко и такъ, что ребенокъ рано лишается родителей; отсутствіе матери, такъ много уносящей отъ ребенка воспитательныхъ силъ съ собой въ могилу, должно быть также принято воспитателемъ во вниманіе. Вообще, онъ не долженъ упускать изъ вида, а принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, способныя ослабить участіе родительской любви въ школьномъ воспитаніи.

Другія случайности, способныя помѣшать воспитателю развить должное, личное уже вліяніе на учащихся и тѣмъ содѣйствовать сохраненію школьной дисциплины, часто возраждаются *изъ оффи-*

ціальныхъ отношеній воспитателя къ разнымъ лицамъ. Сюда, напр. можно отнести *личныя отношенія, существующія между преподавателями.* Весьма нерѣдко случается, что отношенія эти принимаютъ враждебный характеръ, причемъ почти уже не возможно дружное стремленіе всѣхъ ихъ дѣйствовать на воспитанниковъ общими силами для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Вражда эта особенно вредное вліяніе оказываетъ тогда, когда она дѣлается извѣстною воспитанникамъ; въ такихъ случаяхъ она можетъ подѣлить и учениковъ на партіи; партія враждебная къ извѣстному преподавателю будетъ смотрѣть на всѣ его дѣйствія съ недовѣріемъ; это недовѣріе, находя опору и поддержку въ неблагоразумной откровенности предъ учениками преподавателя, питающаго вражду къ кому-либо изъ своихъ товарищей, при извѣстныхъ случаяхъ можетъ сдѣлаться всеобщимъ и совершенно парализовать воспитательную дѣятельность учителя, о которомъ въ присутствіи дѣтей враждебно отзываются его-же товарищи. Эта вражда между преподавателями можетъ дѣйствовать чрезвычайно вредно на дѣтей и какъ дурной примѣръ: только видя дружбу между своими воспитателями, дѣти еще въ школѣ могутъ убѣдиться, что только при взаимномъ содѣйствіи другъ другу всѣхъ участвующихъ въ извѣстномъ трудѣ возможно достиженіе благихъ цѣлей. Съ этимъ убѣжденіемъ, выходя изъ школы, они будутъ стараться и въ свою общественную дѣятельность вносить уваженіе къ общему дѣлу и привычку — личными интересами жертвовать общественному благу.

Но кромѣ этихъ и другихъ неблагопріятныхъ случайностей школьнаго воспитанія есть и такія, которыя вытекаютъ изъ его природы: это — *многочисленность учениковъ и разнообразіе ихъ природныхъ склонностей.*

а) Многочисленность учениковъ можетъ препятствовать вос-

питателю надлежащимъ образомъ ихъ изучить, а съ другой стороны, при многочисленности учениковъ трудно ему контролировать надлежащимъ образомъ ихъ занятія, — что, особенно въ началѣ, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на развитіе трудолюбія въ дѣтяхъ. Устранить это неудобство школа можетъ, ограничивши число учениковъ. Но подобный способъ устраненія этого неудобства можетъ обойдтись безъ вреда для народнаго образованія только тогда, когда въ странѣ существуютъ учебныя заведенія въ количествѣ, сообразномъ съ потребностями.

b) Что-же касается до другаго неудобства школьнаго образованія — разнообразія природныхъ склонностей дѣтей, то устраненіе его уже не зависитъ отъ школы: она дѣйствуетъ на учащихся преимущественно общими пріемами, которые могутъ оказывать не всегда одинаковое дѣйствіе на различныхъ учениковъ. Поэтому обязанность устранить это неудобство главнымъ образомъ лежитъ на семьѣ. По природѣ своей, семья преимущественно можетъ содѣйствовать развитію личности въ воспитанникѣ, — развитію его индивидуальныхъ склонностей. Выполняя это важное назначеніе, семья, т. е. родители ребенка, не должны забывать и о томъ, чтобы дѣти ихъ, поступивъ въ школу, вели себя здѣсь такъ, чтобы поведеніе ихъ не нарушало школьныхъ порядковъ, и были приготовлены такъ, чтобы общіе воспитательные пріемы, которые употребляетъ школьное воспитаніе, оказывали бы и на ихъ дѣтей надлежащее дѣйствіе. Съ этою-же цѣлію родители, если дѣти ихъ отличаются слабыми способностями, должны по возможности устранять это неудобное обстоятельство, уясняя дѣтямъ на-дому недостаточно понятое ими въ школѣ. Тогда воспитатель въ дальнѣйшемъ изложеніи науки будетъ убѣжденъ, что все предшествующее хорошо усвоено его слушателями; это значительно будетъ облегчать его трудъ, а въ то-же время

помогать и ученикамъ понимать дальнѣйшія его объясненія. Итакъ, семья, имѣя главнымъ назначеніемъ въ дѣлѣ воспитанія развитіе и охраненіе индивидуальныхъ качествъ ребенка, должна однакожъ пріучить его обнаруживать эти качества въ такихъ формахъ, чтобы школа не была вынуждаема слишкомъ разнообразить свои воспитательные пріемы.

Послѣ всего сказаннаго о школьномъ и домашнемъ воспитаніи, мы теперь можемъ съ большею основательностію рѣшить вопросъ о мѣстѣ воспитанія.

Домашнее воспитаніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно возможно теперь, *больше способствуетъ развитію въ воспитанникѣ качествъ необходимыхъ для семейной жизни, охраняетъ въ немъ его индивидуальность и не владѣетъ надлежащими условіями для развитія качествъ, необходимыхъ общественному дѣятелю;* школа, напротивъ, *преимущественно способна приготовить воспитанника для общественной дѣятельности.* Поэтому для дѣвочекъ, какъ назначенныхъ преимущественно для семейной жизни, гораздо удовлетворительнѣе можетъ быть воспитаніе домашнее; для мальчиковъ же, какъ предназначаемыхъ преимущественно для общественной дѣятельности, гораздо лучше воспитаніе въ школѣ. Такое заключеніе однако-жъ можетъ имѣть на практикѣ много ограниченій; ограниченій этихъ будетъ впрочемъ тѣмъ менѣе, чѣмъ удовлетворительнѣе организована семья и чѣмъ удовлетворительнѣе можетъ служить школа вышеозначенному назначенію.

Б) Воспитаніе другихъ познавательныхъ способностей.

Говоря о воспитаніи познавательныхъ способностей, мы указали только на правила воспитанія внѣшнихъ чувствъ, а потомъ нашли необходимымъ охарактеризовать тѣ общія вліянія на развитіе

ребенка, которыя исходятъ отъ мѣста, гдѣ ребенокъ воспитывается, и отъ личностей, которые руководятъ его воспитаніемъ. Теперь переходимъ къ изложенію воспитанія другихъ познавательныхъ способностей. Воспитательные пріемы, здѣсь необходимые, представляютъ для воспитателя гораздо больше затрудненій, нежели тѣ, которыми онъ долженъ дѣйствовать на развитіе внѣшнихъ чувствъ. Затруднительность эта главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что здѣсь познаніе предмета, дѣйствующаго на ту или другую способность ребенка, сопровождается въ немъ болѣе сложными душевными процессами, за которыми очень трудно слѣдить. Но трудность воспитателя въ этомъ случаѣ значительно можетъ быть устранена, если онъ въ своей дѣятельности и при воспитаніи высшихъ познавательныхъ способностей будетъ опираться на законы, которымъ подчиняются эти способности въ ихъ постепенномъ развитіи. Кромѣ того, для большаго уясненія необходимыхъ въ этомъ случаѣ пріемовъ, онъ долженъ по возможности изучить характеръ дѣятельности той или другой способности отдѣльно. Съ этою цѣлію онъ долженъ разлагать совершающіеся въ ребенкѣ, при его обученіи, психологическіе процессы, въ которыхъ участвуютъ всегда въ большей или меньшей степени всѣ душевныя его способности, на проявленіе дѣятельности каждой изъ нихъ порознь; при этомъ воспитатель, не долженъ забывать, что въ ребенкѣ, въ періодъ его воспитанія въ томъ или другомъ возрастѣ, преобладаетъ то та, то другая способность. Потому, повторимъ вкратцѣ сказанное нами прежде о постепенномъ развитіи познавательныхъ способностей.

Говоря объ этомъ развитіи мы видѣли, что познаніе ребенка первоначально находится подъ руководствомъ и вліяніемъ внѣшняго міра; онъ познаетъ предметы въ томъ видѣ и въ той степени, въ какой они дѣйствуютъ на его внѣшнія чувства; потомъ изъ этихъ предметовъ образуются представленія, далѣе, ребенокъ начинаетъ

запоминать предметы, еще далѣе — ихъ понимать, и потомъ уже является у него способность и потребность объяснить отношенія между различными предметами. Такимъ образомъ въ постепенномъ развитіи дѣятельности познавательной способности нужно различать четыре главныя ступени: *чувственное созерцаніе или наблюденіе, представленіе, запоминаніе и мышленіе.*

α) Воспитаніе чувственнаго созерцанія.

Итакъ, первое проявленіе въ ребенкѣ дѣятельности познавательныхъ способностей обнаруживается *ощущеніемъ,* которое образуется въ его душѣ дѣйствіемъ на него внѣшнихъ предметовъ. Это дѣйствіе внѣшняго предмета, какъ мы видѣли говоря о постепенномъ развитіи духовныхъ силъ ребенка, образуя въ душѣ ощущеніе, возбуждаетъ сначала дѣятельность его воображенія, а потомъ и — мышленія.

Слѣдовательно, на эту способность души — воспринимать и перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія и долженъ прежде всего дѣйствовать воспитатель. Задача его въ этомъ случаѣ распадается на два рода дѣятельности: во 1-хъ, онъ долженъ заботиться о томъ, *чтобы вниманіе ребенка было возбуждено различными предметами,* потому что это будетъ способствовать образованію въ немъ внутренней потребности — ближе познакомиться, въ періодъ большей зрѣлости его способностей, съ предметами, возбудившими его любопытство, и тѣмъ заготовить значительную массу матеріала для дѣятельности мышленія; а во 2-хъ, *долженъ устранять ребенка отъ вліянія такихъ внѣшнихъ предметовъ, раннее знакомство съ которыми можетъ повредить правильности его развитія вообще или его нравственному воспитанію.*

Подробности о томъ, какъ долженъ поступать воспитатель при выполненіи первой задачи, уже указаны нами при изложеніи пра-

вилъ для воспитанія внѣшнихъ чувствъ. Что касается до выполненія второй задачи — охраненія ребенка отъ вліянія на него предметовъ, преждевременное знакомство съ которыми можетъ быть вредно для него, то нужно сказать, что здѣсь много помогаетъ воспитателю характеръ дѣятельности самаго чувственнаго созерцанія: первоначально впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ въ душѣ ребенка бываютъ слабы, раждаются массою и изчезаютъ, какъ скоро внѣшній предметъ перестаетъ дѣйствовать; и только потомъ, по мѣрѣ душевнаго развитія ребенка, онъ начинаетъ изъ ощущеній вырабатывать представленія. Слѣдовательно, многое, что дѣйствуетъ на ребенка въ раннемъ его дѣтствѣ, не оставляетъ въ немъ никакихъ слѣдовъ, не образуетъ никакихъ представленій. Но положимъ даже, что въ ребенкѣ незамѣтнымъ для воспитателя образомъ возникли представленія о такихъ предметахъ, присутствіе которыхъ въ душѣ его можетъ представить неудобства въ дѣлѣ воспитанія: воспитатель всегда можетъ парализовать ихъ вліяніе на ребенка; для этого стóитъ ему только противодѣйствовать превращенію такихъ представленій въ понятія, и онъ тѣмъ ослабитъ ихъ вліяніе на душу ребенка и даже совершенно уничтожитъ.

β) Воспитаніе воображенія.

Познавательная способность ребенка вступаетъ на вторую степень своего развитія, когда вмѣстѣ съ ощущеніемъ, производимымъ предметами, образуется въ душѣ его и представленіе объ немъ.

Здѣсь задача воспитателя должна состоять въ томъ, чтобы *пріучить ребенка составлять ясныя и опредѣленныя представленія*, потому что представленія имѣютъ большое вліяніе, какъ мы уже говорили, на образованіе понятій. Съ этою цѣлію воспитатель долженъ заставлять ребенка *описывать видѣнный имъ*

предметъ, когда его нѣтъ предъ его глазами. Это, доставляя необходимое въ такомъ случаѣ упражненіе воспитаннику, даетъ и руководителю его возможность судить о степени опредѣленности и вѣрности составленнаго ребенкомъ представленія. Но, какъ мы нѣсколько разъ повторяли, при воспитаніи какой бы то ни было способности, не слѣдуетъ упускать изъ виду и возбужденіе дѣятельности остальныхъ, потому воспитатель, руководя ребенкомъ при образованіи представленій, *долженъ вмѣстѣ возбуждать и его волю, и чувство, и, на-сколько возможно, мышленіе.*

1. Для возбужденія воли ему будетъ очень помогать только-что описанный нами воспитательный пріемъ: ребенокъ, когда его заставляютъ описывать всякій видѣнный имъ предметъ, зная, что его спросятъ, каковъ видъ его, постарается всматриваться во все, что ему попадается на глаза; въ этомъ-то его дѣйствіи найдетъ необходимое упражненіе его воля, потому что онъ при этомъ самъ себя заставляетъ внимательно разсматривать предметъ, и тѣмъ вырабатываетъ въ себѣ весьма важное для воспитанія качество — наблюдательность.

2. Для возбужденія мышленія ребенка, при образованіи имъ представленій, слѣдуетъ первоначально, держась строгой постепенности, заставлять ребенка объяснять отношенія, существующія между тѣми предметами, представленіе о которыхъ образовалось въ его душѣ, и, въ случаѣ надобности, помочь ему въ этомъ. Съ этою цѣлію, напр., можно спросить у него: для чего можетъ служить видѣнное имъ красивое дерево? — Оно питаетъ человѣка, укрываетъ его отъ зноя, украшаетъ его жилище и т. д. — Отъ чего это дерево растетъ роскошно, а другое вяло? — Здѣсь можно навести ребенка на пониманіе питанія дерева и т. д.

3. Не представляетъ также особенныхъ затрудненій для воспитателя и возбужденіе чувства ребенка при помощи тѣхъ-же

предметовъ, представленіе которыхъ образуется въ душѣ его. «Во всѣ возрасты, говоритъ Шаелль, созерцаніе красотъ и чудесъ природы дѣйствуетъ на насъ могущественно. Взгляните на животрепещущую радость дитяти среди цвѣтущей природы, на тихую задумчивость дѣвушки или юноши, сердце которыхъ наполняется неизъяснимыми чувствами при видѣ звѣзднаго неба или подымающейся зари; на кроткій ликъ старца, слѣдящаго тихимъ взоромъ за потухающими лучами солнца и вспоминающаго при этомъ свой близкій конецъ; взгляните — и вы увидите, что сердце ихъ въ это мгновеніе полно дѣятельности и живетъ одною жизнію съ окружающимъ міромъ». Въ самомъ дѣлѣ, предметы внѣшней природы раждаютъ въ насъ разнообразныя чувства; но эти чувства часто въ ребенкѣ не имѣютъ опредѣленности, — онъ ихъ не сознаетъ; слѣдовательно, задача воспитателя состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы заставить ребенка сознать эти чувства и сдѣлать его наблюдателемъ того чувства, которое возбуждаетъ въ душѣ то или другое явленіе, о которомъ представленіе онъ составляетъ. При этомъ необходимо замѣтить, что предметы одушевленные и преимущественно человѣкъ своею дѣятельностію, своею разнообразною судьбою, выражающеюся въ различныхъ фактахъ дѣйствительности, можетъ доставить, особенно первоначально, наиболѣе удобное средство для возбужденія чувства вышеозначеннымъ способомъ.

Изъ психологіи мы знаемъ, что образованіе представленій принадлежитъ воображенію, которое на первой степени развитія является способностію, повторяющею только въ душѣ предметы видѣнные въ дѣйствительности, т. е. дѣятельность его ограничивается образованіемъ представленій. Но *воображенію принадлежатъ еще двѣ формы дѣятельности;* первую мы назвали

соображеніемъ, вторую — *фантазіею*. И потому обращаемся теперь къ тому, какъ нужно руководить ими при воспитаніи.

Второю формою дѣятельности воображенія ребенокъ овладѣваетъ тогда, когда въ душѣ его накопленъ уже значительный запасъ представленій; когда при образованіи послѣднихъ руководили его вышеизложеннымъ способомъ, то въ ребенкѣ очень скоро пробуждается способность группировать эти отдѣльныя представленія въ цѣлыя картины. Такъ, ребенокъ, гуляя, напр., на берегу моря, говоритъ, какъ бы хорошо было, если-бы недалеко отъ моря находился домъ, въ которомъ онъ живетъ, около котораго находился бы садъ и т. д.; въ душѣ его, однимъ словомъ, рисуется цѣлая картина, что показываетъ, что отдѣльныхъ представленій у него уже довольно, и, группируя ихъ, онъ обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ понимаетъ значеніе и назначеніе предметовъ, образы которыхъ онъ группируетъ въ отдѣльную картину. Эта группировка, давая воспитателю возможность судить, какъ ребенокъ понялъ предметы, изъ которыхъ онъ ее образуетъ, въ то-же время даетъ ему знать и о томъ, на-сколько ребенокъ владѣетъ эстетическимъ чувствомъ.

Поэтому, воспитатель съ цѣлію познакомиться ближе съ этого рода внутреннею дѣятельностію ребенка, долженъ даже его заставлять группировать предметы, если самъ онъ этого не дѣлаетъ. Кромѣ того, съ цѣлію доставить надлежащее упражненіе соображенію, онъ можетъ заставлять ребенка, при видѣ богатства, представлять себѣ бѣдность и нищету. Такимъ способомъ онъ можетъ доставить ему поводъ одновременно представлять два противуположныхъ предмета и тѣмъ сильнѣе возбудить, если это будетъ нужно, его чувство, и въ то-же время облегчить дѣйствіе его мышленія, — потому что при сближеніи двухъ противоположныхъ предметовъ особенности каждаго изъ нихъ легче уясняются. При

такихъ пріемахъ и здѣсь воспитатель будетъ вмѣстѣ съ воображеніемъ возбуждать дѣятельность и другихъ способностей и такимъ образомъ, съ большею легкостію, можетъ достигать выполненія важной задачи воспитанія — будетъ содѣйствовать гармоническому развитію душевныхъ силъ ребенка.

Третью форму дѣятельности воображенія образуетъ *творческое воображеніе*, или *фантазія*. Эту дивную способость ребенокъ обнаруживаетъ въ раннемъ дѣтствѣ. Способность эта первоначально, нестѣсняемая вліяніемъ разума, дѣйствуетъ произвольно. Образы ея въ это время преувеличены и несогласны съ дѣйствительностію. Въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ того, какъ усиливается въ ребенкѣ дѣятельность мышленія и находятъ надлежащее упражненіе внѣшнія чувства, творческая фантазія дѣйствуетъ въ согласіи съ разумомъ, и образы ея, въ это время созданные, имѣютъ подобіе дѣйствительности.

Эти два рода дѣятельности фантазіи указываютъ воспитателю, какіе пріемы онъ долженъ употреблять при ея воспитаніи: онъ долженъ дѣйствовать на нее сначала такимъ матеріаломъ, который бы близко подходилъ къ характеру самой первоначальной ея дѣятельности. Такой именно матеріалъ могутъ доставить ему *сказки и басни*. Что это дѣйствительно естественная пища для дѣтской фантазіи, — это доказывается любовью дѣтей слушать сказки. Но содержаніе этихъ сказокъ и басенъ, питая дѣтскую фантазію, можетъ служить для воспитателя средствомъ, съ помощію котораго онъ можетъ возбуждать въ дѣтяхъ въ то-же время и дѣятельность разума, что онъ и долженъ дѣлать, во-первыхъ, *для возбужденія гармонической дѣятельности душевныхъ способностей ребенка*, во-вторыхъ, для того, *чтобы постепенно подчинить дѣтскую фантазію вліянію разума*. Такъ, въ басняхъ животныя и неодушевленные предметы, являясь съ нѣко-

торыми, непринадлежащими имъ свойствами, напр. способностью владѣть даромъ слова, имѣютъ въ то-же время и такія, которыя принадлежатъ имъ дѣйствительно, напр. лисицѣ — хитрость, воронѣ — глупость. На эти-то послѣднія качества воспитатель и долженъ обратить вниманіе воспитанника, и довести его до пониманія того результата, къ которому привела дѣйствующихъ лицъ въ баснѣ или хитрость, или глупость.

Содержаніе сказокъ также можетъ дать возможность воспитателю возбуждать въ ребенкѣ дѣятельность разума и вмѣстѣ чувства. Такъ, богатыри сказокъ стремятся къ извѣстнымъ практическимъ цѣлямъ — добрымъ и злымъ. Напр., Илья Муромецъ является прекраснымъ покорнымъ сыномъ; потомъ, онъ-же великодушно поступаетъ съ напавшими на него разбойниками; освобождаетъ, далѣе, дорогу въ Кіевъ отъ Соловья разбойника. Обнаруживая характеръ всѣхъ этихъ качествъ и стремленій сказочнаго героя передъ ребенкомъ, можно, вмѣстѣ съ фантазіею его, заставить дѣйствовать и чувство и мышленіе и тѣмъ постепенно ограничивать преобладаніе фантазіи.

Такъ-же точно, съ тою-же цѣлью можно пользоваться и миѳологическими сказаніями, а также и *литературными произведеніями* индѣйской и греческой поэзіи, каковы, напр., Сакунтала, Иліада и Одиссея Гомера. Многія черты дѣйствующихъ здѣсь героевъ дѣлаютъ для воспитателя возможнымъ драматически представить многіе факты, способные будить чувство и размышленіе дѣтей. Далѣе, *произведенія отечественной словесности* могутъ умножить матеріалъ, способный дѣйствовать сообразно съ вышесказанною цѣлію воспитателя. Служить этому особенно могутъ такія произведенія, гдѣ господствуетъ чудесное и сверхъестественное, напр. баллады.

Отсюда постепенно можно переходить къ такимъ произведеніямъ, гдѣ фантазія дѣйствуетъ уже не какъ господствующая исключительно сила, а является уравновѣшенною другими душевны-

ми способностями человѣка. Сюда можно отнести *описаніе жизни разныхъ историческихъ лицъ,* преимущественно такихъ, которыя способны дѣйствовать на воображеніе дѣтей своею необыкновенною судьбою или такими личными качествами, которыя могутъ благопріятно возбуждать ихъ чувства,—а также *историческіе романы* и *повѣсти.*

Мало-по-малу, съ переходомъ воспитанника въ юношескій возрастъ, должны измѣняться и средства для воспитанія фантазіи. Здѣсь на первомъ планѣ должны быть поставлены *художественныя произведенія литературы и искусствъ.* Помощію этихъ произведеній можно постепенно подготовить воспитанника и къ эстетическому воспитанію. Подготовка эта можетъ состоять въ особенномъ, по возможности, наглядномъ способѣ объясненій художественныхъ произведеній. Способъ этотъ приблизительно можетъ состоять въ томъ, чтобы, взявши какое-нибудь художественное произведеніе, въ которомъ описывается какое-нибудь явленіе природы, заставить ученика разобрать, на-сколько это описаніе похоже на то, которое онъ видѣлъ въ дѣйствительности. Но подобный воспитательный пріемъ не всегда оказывается возможнымъ потому что въ большей части случаевъ можетъ быть, что воспитанникъ въ дѣйствительности и не видалъ тѣхъ явленій, которыя описываются въ поэтическомъ произведеніи, поэтому его можно замѣнять другимъ: для этого нужно заставлять, гдѣ это возможно, воспитанника то представленіе о явленіи, которое онъ себѣ составилъ изъ описанія поэта, сравнить съ изображающею то-же явленіе картиною, выполненною живописцемъ, напр. описаніе Кавказа у Пушкина заставить сравнить съ картиною Кавказа, изображеннаго на полотнѣ. Разумѣется, и этимъ средствомъ не всегда можно пользоваться, потому что трудно иногда отыскать все необходимое для примѣненія его на практикѣ, въ пре-

подаванія; но гдѣ возможно употребить или первый изъ описанныхъ способовъ, или второй, то слѣдуетъ этимъ воспользоваться. При такомъ воспитаніи фантазія воспитанника найдетъ надлежащее упражненіе на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, начиная отъ того, когда дѣятельность ея проявляется при полной независимости въ дѣтствѣ, до тѣхъ видовъ ея творчества, гдѣ она дѣйствуетъ въ гармоніи съ остальными силами души или подъ ихъ вліяніемъ.

γ) Воспитаніе памяти.

Одновременно съ воображеніемъ на первой степени развивается въ ребенкѣ память. Относительно воспитанія этой способности существовали различныя мнѣнія: одни *это воспитаніе считали весьма важнымъ и необходимымъ,* другіе же *отвергали совершенно эту необходимость;* защитники послѣдняго мнѣнія, въ доказательство его основательности, указывали на тѣ печальныя послѣдствія въ воспитаніи, которыя нерѣдко являлись результатомъ слишкомъ большой заботливости о развитіи памяти. При этомъ они прибавляютъ, что распространеніе грамотности и книгопечатанія доставляютъ во многихъ случаяхъ возможность обойтись безъ пособія памяти. Но, вникнувши глубже въ вопросъ нами разбираемый, каждый легко убѣдится, что сильная память скорѣе можетъ приносить пользу нежели вредъ, и что необладающему сильной памятью довольно трудно овладѣть основательнымъ развитіемъ всѣхъ душевныхъ способностей; съ этимъ нельзя не согласиться, принявъ во вниманіе, напр., ту очевидную для каждаго истину, что чѣмъ болѣе мышленіе въ данный моментъ находитъ въ памяти необходимыхъ фактовъ, тѣмъ основательнѣе будетъ его дѣятельность; то-же нужно сказать и относительно другихъ способностей души.

Признавая такимъ образомъ важность памяти и ея значеніе для развитія душевныхъ способностей, необходимо, слѣдовательно, обратить вниманіе и на ея воспитаніе — и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что память способна къ развитію уже въ дѣтствѣ, когда человѣкъ не можетъ сознавать необходимости ее упражнять, и потому еще, что пора легкаго развитія памяти оканчивается очень рано, и потомъ оно уже совершается съ трудомъ.

Каково же должно быть это воспитаніе?

Воспитаніе памяти распадается на два вида пріемовъ: одни направлены къ тому, *чтобы удалить причины, способныя ее ослабить*, а другіе *имѣютъ въ виду развитіе ея.*

1. Къ числу первыхъ нужно отнести прежде всего тѣ, которые способствуютъ *сохраненію тѣлеснаго здоровья вообще,* потому что состояніе здоровья имѣетъ большое вліяніе на сохраненіе крѣпости памяти; и особенно важно въ этомъ случаѣ сохранить *здоровье нервной системы.* Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что память очень ослабляется особенно тѣми болѣзнями, отъ которыхъ страдаетъ нервная система; такъ, нервная горячка имѣетъ огромное вліяніе на разслабленіе памяти. Также вредно на память могутъ дѣйствовать *ушибы головы и истощеніе силъ.*

Кромѣ состоянія здоровья имѣетъ еще большое вліяніе на память *душевное спокойствіе;* владѣя имъ, мы можемъ легко удерживать въ порядкѣ получаемыя нами представленія; напротивъ, внутренняя тревога производитъ въ душѣ хаотическое состояніе, смѣшиваетъ наши представленія и производитъ забывчивость. Также вредно на память дѣйствуетъ *безпорядочная дѣятельность воображенія* и *неистовство страстей.* Вотъ главныя причины, препятствующія сохраненію памяти.

2. Теперь посмотримъ, каковы могутъ быть воспитательныя средства, дѣйствующія положительно, т. е. способствующія ея раз-

витію. Чтобы, при опредѣленіи этихъ средствъ, имѣть прочное основаніе, необходимо вспомнить, что прочнѣе сохраняются въ памяти тѣ факты, *которые произвели на душу болѣе впечатлѣній*, а потомъ — что *память тѣмъ прочнѣе сохраняетъ усвоенное, чѣмъ чаще оно въ ней возобновляется*, т. е. *повторяется*.

Что дѣйствительно количество получаемыхъ впечатлѣній отъ предмета имѣетъ вліяніе на прочность, съ которою удерживаетъ его память, — это видно, кромѣ сказаннаго нами прежде, и изъ того простаго опыта, что ребенокъ лучше и скорѣе усвоиваетъ себѣ урокъ, если онъ его читаетъ въ-слухъ, нежели когда читаетъ про себя, а еще скорѣе, если содержаніе урока передаетъ ему другой. Причина этого явленія очевидна: это происходитъ отъ того, что когда онъ читаетъ въ-слухъ, то каждое произносимое слово дѣйствуетъ на его слухъ и зрѣніе вмѣстѣ, и сознаніе его получаетъ два впечатлѣнія разомъ. Еще прочнѣе останется въ памяти ребенка предметъ, котораго описаніе онъ читалъ въ книгѣ и потомъ видѣлъ въ дѣйствительности; при этомъ памяти будетъ помогать еще дѣятельность воображенія; если предметъ такого свойства, что способенъ при этомъ возбудить и чувство въ ребенкѣ, то онъ еще прочнѣе останется въ памяти. Приводимые факты извѣстны каждому; они-то доказываютъ, повторяемъ, что чѣмъ бóльшимъ числомъ впечатлѣній сопровождается усвоеніе того или другаго предмета, тѣмъ усвоеніе это будетъ прочнѣе. Изъ этого заключенія мы выводимъ слѣдующее педагогическое правило: *упражненіе памяти не должно быть уединеннымъ, но эти упражненія должны, вмѣстѣ съ памятью, возбуждать и дѣятельность другихъ способностей*. Первый, высказавшій такой взглядъ на воспитаніе памяти, былъ *Амосъ Коменій*, а потомъ этотъ взглядъ вполнѣ развили *Базедовъ* и *Песталоцци*.

До появленія же этихъ взглядовъ память воспитывали отдѣльно, независимо отъ другихъ способностей, и такое-то воспитаніе ея произвело тѣ печальные результаты, на которые указываютъ лица, доходящія въ своихъ мнѣніяхъ о значеніи памяти до совершеннаго отрицанія необходимости развивать ее. Въ самомъ дѣлѣ, уединенное развитіе памяти разрушало гармонію въ воспитаніи душевныхъ силъ: оно накопляло въ памяти массу матеріала, который не былъ усвоенъ надлежащимъ образомъ умомъ или же часто подавлялъ силы ума своею количественностію. Отсюда происходило то, что владѣющій огромнымъ запасомъ не осмысленнаго матеріала не могъ распоряжаться имъ надлежащимъ образомъ въ случаѣ необходимости. Съ пріобрѣтенными при такихъ условіяхъ знаніями человѣкъ похожъ на владѣльца огромной библіотеки, который не знаетъ, гдѣ у него находится та или другая книга.

Теперь разсмотримъ, какъ дѣйствуетъ другое условіе на воспитаніе памяти, т. е. частое повтореніе усвоеннаго прежде. Благопріятное вліяніе этого условія на развитіе памяти признаваемо было еще въ древности. Опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ-же: мы съ трудомъ забываемъ предметы, часто попадающіеся намъ на глаза; отсюда слѣдуетъ, что *чѣмъ чаще мы будемъ повторять усвоенное прежде, тѣмъ сильнѣе оно напечатлѣется въ нашей памяти.* Это происходитъ отъ того, что посредствомъ повторенія память находитъ необходимое упражненіе: но кромѣ того, дѣятельность ея въ этомъ случаѣ сопровождается такими психологическими процессами, при которыхъ возбуждаются благопріятнымъ для воспитанія образомъ и другія душевныя силы. — Положимъ, что воспитанникъ хорошо заучилъ урокъ объ Александрѣ В., потомъ онъ выучиваетъ другой; въ это время первый урокъ находится внѣ его сознанія, и память его владѣетъ въ данное время только вторымъ

урокомъ. Но вы заставляете его припоминать при второмъ и первый урокъ; такимъ образомъ память его въ одно время должна овладѣть двумя уроками; усиліе ея въ послѣднемъ случаѣ должно быть значительнѣе, нежели въ то время, когда она сохраняла каждый урокъ порознь. Чѣмъ больше, слѣдовательно, будетъ приходиться памяти припоминать въ данное время, тѣмъ большее усиліе она должна дѣлать. Первое послѣдствіе отъ такого упражненія памяти будетъ *развитіе въ ней силы*. Но кромѣ того тутъ-же, рядомъ, *облегчается для воспитателя возможность вмѣстѣ съ памятью возбуждать и другія душевныя способности*. Въ самомъ дѣлѣ, когда воспитанникъ разомъ припоминаетъ множество фактовъ, принадлежащихъ какой-нибудь наукѣ, то для него становится очевидною внутренняя связь между этими фактами, при чемъ уясняются ему причины и слѣдствія фактовъ. Являясь при такихъ условіяхъ, факты эти возбуждаютъ мыслительную дѣятельность. Далѣе, какъ скоро памяти будетъ привита способность припоминать разомъ многое изъ усвоеннаго прежде, то этимъ самымъ возможно способствовать *выработкѣ въ воспитанникѣ твердыхъ убѣжденій и сообщить энергію его волѣ*. Это будетъ совершаться такимъ образомъ: положимъ, воспитаннику предстоитъ необходимость разрѣшить какое-нибудь затрудненіе, которое приводитъ волю его въ нерѣшительность. Если при этомъ на помощь его мышленію явится большое количество фактовъ, необходимыхъ для объясненія дѣла, то онъ довѣритъ своему рѣшенію, сдѣланному при такомъ условіи, и это рѣшеніе сообщитъ недостающій толчекъ его волѣ, и оно проявится въ поступкѣ. Отсюда понятно, что такимъ путемъ могутъ вырабатываться твердые, рѣшительные и сильные характеры. Объяснимъ это болѣе частнымъ случаемъ: положимъ, что медику предстоитъ лѣчить больнаго. Болѣзнь послѣдняго возбуждаетъ воспоминанія медика о случаяхъ той-же болѣз-

ни; положимъ, что, при этомъ усиліи его памяти, она ясно представитъ ему, какія средства и при какихъ условіяхъ употребленныя для лѣченія этой болѣзни приводили ее къ тому или другому исходу; — если все это онъ твердо и ясно вспомнитъ, то онъ будетъ дѣйствовать рѣшительно, или, какъ говорятъ, съ характеромъ. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ заключать, что отчетливость, твердость и богатство познаній есть единственное условіе для развитія твердости характера; твердость эта, какъ увидимъ послѣ, зависитъ и отъ другихъ причинъ, между которыми и приведенная нами имѣетъ также свою долю вліянія.

Обнаруживъ такимъ образомъ способность памяти укрѣплять разумъ и волю и вмѣстѣ — сохранять твердо пріобрѣтенныя познанія, мы видимъ изъ этого, что значеніе ея увеличивается по мѣрѣ умноженія человѣческихъ знаній. Между этими знаніями есть и такія, связь между которыми можетъ уясняться человѣку, достигшему уже значительной степени умственной зрѣлости; а между-тѣмъ усвоеніе ихъ необходимо бываетъ и въ дѣтскомъ возрастѣ, когда память вообще отличается большею воспріимчивостью. Это обстоятельство ввело въ воспитаніе памяти нѣсколько особенныхъ средствъ, доставляющихъ ей упражненіе иное, нежели какое мы только-что разсмотрѣли. Средства эти образовали такъ называемую *мнемонику*.

Мнемоника стремится къ тому, *чтобы развить въ памяти способность при одномъ предметѣ припоминать другіе, неимѣющіе между собою внутренней связи*. Сообщая памяти подобное упражненіе, мнемоника основывается на томъ психологическомъ законѣ, по которому *гораздо легче усвоиваются предметы такіе, между которыми существуетъ связь*. Но такъ-какъ между многими предметами, повторяемъ, связь эта, если даже она и существуетъ, не легко можетъ быть обнаружена предъ дѣтьми

по причинѣ слабости умственнаго ихъ развитія, то мнемоника придумываетъ какую-нибудь, хотя внѣшнюю, *случайную связь между изучаемыми предметами, но за-то очевидную для дѣтей.* Конечно, трудно исчислить всѣ виды этого искусственнаго сближенія предметовъ, потому что это сближеніе, какъ совершенно случайное, у различныхъ лицъ является различнымъ: одинъ, при взглядѣ на какой-нибудь предметъ, припоминаетъ себѣ одно, другой — другое; все зависитъ отъ того настроенія, въ которомъ тотъ или другой находится въ данный моментъ. Мнемоника поэтому легче можетъ достигать своихъ цѣлей, если будетъ пользоваться болѣе общими основаніями для случайнаго сближенія предметовъ; съ этою цѣлію она пользуется слѣдующими четырьмя видами сближеній: *сближеніе предметовъ по соприкосновенію ихъ въ пространствѣ и времени, по сходству ихъ и противуположности.* Самое лучшее примѣненіе перваго возможно сдѣлать въ географіи, втораго — въ хронологіи; остальные два вида могутъ имѣть самое разнообразное примѣненіе. Входить здѣсь въ подробности, мы считаемъ совершенно излишнимъ; для насъ важно только оцѣнка мнемоники съ точки зрѣнія воспитанія вообще, причемъ необходимо опредѣлить: *поставитъ ли она память*, дѣйствуя вышеозначеннымъ способомъ на развитіе ея, *въ надлежащее отношеніе къ другимъ душевнымъ способностямъ.*

По этому поводу, мы должны замѣтить, что средствами мнемоники вообще *нужно пользоваться очень осторожно* и не забывать, что они способны повредить иногда правильности умственнаго развитія ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, занимая вниманіе воспитанника уясненіемъ какой-нибудь случайной внѣшней связи между предметами, средства мнемоники могутъ тѣмъ самымъ *заслонить отъ него внутреннюю связь между частями предмета и помѣшать точному познанію послѣдняго.* Правда,

и при употребленіи мнемоническихъ пособій, мы можемъ не терять изъ виду и внутренней связи между частями предмета, но въ послѣднемъ случаѣ мы будемъ вредить воспитаннику другимъ образомъ: *будемъ развлекать еще неопытное его вниманіе;* оно въ немъ будетъ двоиться и тѣмъ самымъ, производя наклонность къ разсѣянности, ослабитъ или помѣшаетъ развитію въ немъ весьма важной способности — самостоятельно познавать внутренія свойства предмета, что̀ такъ важно, какъ мы увидимъ, для удовлетворительнаго образованія понятій. Въ одномъ только случаѣ мнемоника можетъ быть безопасна для правильности воспитанія вообще: *когда воспитанникъ одаренъ быстротою соображенія;* но это качество также пріобрѣтается посредствомъ воспитанія, и въ рѣдкихъ случаяхъ есть даръ природы; поэтому, говоря вообще, лучше гораздо для развитія памяти употреблять такія средства, которыя, дѣйствуя сообразно съ своимъ назначеніемъ, т. е. развивая память ребенка, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ или по-крайней-мѣрѣ не мѣшаютъ правильному умственному его развитію. Выполненіе этого условія тѣмъ болѣе необходимо еще и потому, что память, какъ мы видѣли изъ обозрѣнія психологіи, имѣетъ, кромѣ служебной роли, и свою самостоятельную: она должна перерабатывать представленія въ форму болѣе удобную для мышленія, а мнемоника, какъ искусственное средство, легко можетъ помѣшать этой самостоятельной работѣ памяти. Слѣдовательно, повторяемъ, гораздо лучше избѣгать искусственныхъ средствъ для развитія памяти; лучше ихъ замѣнять такими, каковы, напр., *сосредоточенность вниманія,* возбужденнаго съ этою цѣлію, *громкое чтеніе, пріученіе различать въ предметахъ главное отъ второстепеннаго, записываніе прочитаннаго, конспекты* и т. п. Но какія бы средства ни употреблялись для развитія памяти, не нужно забывать, что

развитіе это необходимо потому, что очень многое приходится при воспитаніи заучивать на-память, а потому, облегчая трудъ ребенка при этомъ заучиваніи, нужно употреблять такія средства, которыя бы возбуждали дѣятельность не одной памяти, но и другихъ способностей.

д) Воспитаніе ума.

Въ постепенномъ развитіи познавательныхъ способностей память составляетъ переходъ къ дѣятельности ума. До сихъ поръ мы видѣли, какъ воспитанникъ посредствомъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ усвоивалъ и познавалъ внѣшнія черты въ предметахъ и образовывалъ въ душѣ представленія объ этихъ предметахъ; память сохраняла ихъ. Но эти представленія хранятся въ душѣ его, какъ отдѣльныя единицы; иногда впрочемъ они располагаются въ группы, но на образованіе этихъ группъ дѣйствуютъ преимущественно внѣшнія вліянія, каковы — пространство и время, т. е. отдѣльныя представленія располагаются въ группы такъ, какъ они размѣщены на опредѣленномъ пространствѣ въ самой дѣйствительности, или же сообразно съ тою послѣдовательностію времени, съ какою образовывались представленія въ душѣ ребенка. Сохраняя въ душѣ своей эти представленія, ребенокъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, въ періодъ зрѣлости способностей, можетъ сдѣлать изъ нихъ двоякое употребленіе: онъ или *вырабатываетъ изъ нихъ, при большемъ или меньшемъ участіи другихъ душевныхъ способностей, совершеннѣйшее представленіе о предметѣ* — идеалъ: такъ поступаетъ поэтъ и художникъ; или же *будетъ разлагать эти представленія на ихъ составныя части*, и на основаніи этого анализа будетъ стараться опредѣлить значеніе предмета, представленіе о которомъ онъ хранитъ въ своей душѣ; *въ послѣднемъ случаѣ*

результатомъ явится познаніе этого предмета. Господствующею способностію въ этомъ психическомъ дѣйствіи будетъ мышленіе.

Говоря о процессѣ постепеннаго развитія душевныхъ способностей ребенка, мы замѣтили, что разлагать представленія о предметахъ на отдѣльные признаки ему помогаетъ разнообразіе однородныхъ предметовъ въ дѣйствительности, и что этимъ-то разложеніемъ предмета на отдѣльные признаки и начинается, какъ мы видѣли, дѣятельность мышленія у ребенка. Что-же прибавляется къ представленію, образовавшемуся въ его душѣ, послѣ этого психическаго акта? — Вмѣстѣ съ внѣшнимъ образомъ предмета, съ этого момента хранится въ душѣ его и пониманіе сущности его. Слѣдовательно, только при возникновеніи въ душѣ царственной силы разума вносится свѣтъ сознательности и пониманія въ представленія о предметахъ; въ это-же время раждается въ душѣ и слово, которому ввѣряетъ душа и образъ предмета и впечатлѣніе, имъ въ ней произведенное. Что дѣйствительно въ слово входятъ эти два элемента, — доказывается живописностію, образностью древнѣйшихъ словъ, образовавшихся среди народовъ въ періодъ ихъ дѣтства, когда воображеніе и чувство господствовали надъ другими душевными способностями ихъ, а мышленіе, бѣдное опытнымъ познаніемъ, дѣйствовало еще слабо. Отсюда мы заключаемъ, что упражнять мышленіе въ ребенкѣ нужно начинать съ того времени, когда онъ усвоиваетъ себѣ способность твердо владѣть языкомъ и выражать имъ свои чувства и желанія.

Указавъ съ возможною ясностію на тотъ моментъ психической дѣятельности, когда представленіе становится подъ вліяніе дѣятельности ума, обратимся теперь къ изложенію правилъ, которыми нужно руководствоваться при воспитаніи послѣдняго.

Въ очеркѣ психологіи мы указали, что умъ въ постепенномъ своемъ развитіи представляетъ три ступени: *сначала является*

смыслъ, потомъ *разсудокъ* и наконецъ *разумъ.* При воспитаніи мы должны имѣть въ виду предѣлы дѣятельности ума на каждой изъ этихъ ступеней.

Дѣятельность смысла въ первоначальномъ проявленіи своемъ подчинена совершенно дѣятельности внѣшнихъ чувствъ: она основывается только на тѣхъ признакахъ предмета, которые принадлежатъ его наружности; на основаніи этихъ-то признаковъ смыслъ и образуетъ понятіе.—Отсюда сама собою объясняется задача воспитателя: онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы ребенокъ составлялъ правильныя представленія о предметахъ, потому что, только владѣя ими, онъ и можетъ составить правильныя понятія; потомъ, въ моментъ переработки представленія въ понятіе, чѣмъ всегда можетъ руководить воспитатель, — воспитанникъ долженъ сосредоточить вниманіе именно на этомъ представленіи; иначе образоваться понятіе не можетъ. — Положимъ, воспитатель хочетъ, чтобы ребенокъ образовалъ понятіе о лошади; для этого онъ долженъ сдѣлать сознательнымъ его представленіе объ этомъ животномъ и заставить перечислить его признаки; если ребенокъ при этомъ будетъ развлеченъ представленіями о другихъ предметахъ, по чему-нибудь касающихся лошади, — положимъ, онъ представляетъ ее опрокидывающею всадника, или находящеюся въ извѣстномъ мѣстѣ, — то представленіемъ этихъ обстоятельствъ будетъ ослаблено первое, и понятіе не образуется, или образуется понятіе неясное. Подобное соединеніе постороннихъ случайныхъ обстоятельствъ съ представленіемъ о предметѣ всегда возможно предположить, потому что, по свойству дѣтской натуры, ребенокъ любитъ представлять предметы дѣйствующими; если онъ ихъ и не видѣлъ таковыми, то, подъ вліяніемъ господствующей въ немъ фантазіи, припишетъ имъ эту дѣятельность. То-же произойдетъ, если представленіе о предметѣ составлено невѣрно;—

положимъ, ребенку пришлось видѣть только маленькаго львенка въ звѣринцѣ, а взрослаго льва онъ не видалъ; представленіе его о львѣ поэтому будетъ не полное; тѣмъ-же недостаткомъ будетъ отличаться и составленное имъ при этихъ условіяхъ и понятіе.

Когда воспитатель по возможности устранитъ эти другія неблагопріятныя условія для уединенія представленія о томъ предметѣ, о которомъ ребенокъ, подъ его руководствомъ, составляетъ понятіе, то онъ будетъ содѣйствовать правильному развитію дѣятельности смысла; и когда онъ достигнетъ послѣдней цѣли, то онъ можетъ возбуждать дѣятельность эту болѣе сложными упражненіями. Такія упражненія можно доставить ребенку, заставляя его образовывать родовыя понятія. Тутъ главное вниманіе воспитателя должно быть обращено на то, чтобы ребенокъ подъ его руководствомъ съумѣлъ отыскивать въ однородныхъ предметахъ общіе, всѣмъ имъ свойственные, признаки. Съ этою цѣлію онъ долженъ первоначально брать такой родъ предметовъ, въ которыхъ общіе признаки легко обнаружились бы передъ ребенкомъ. Природа растительная и животная можетъ представить для такихъ упражненій прекрасныя средства. Послѣ достаточнаго количества подобныхъ упражненій можно пріучать ребенка расширять объемъ образуемыхъ имъ понятій, заставляя пріискивать общіе признаки въ такихъ предметахъ, гдѣ открыть ихъ не легко, напр. общіе признаки всѣхъ животныхъ. Изъ всего сказаннаго очевидно, что подобныя упражненія возможны только тогда, когда ребенокъ овладѣлъ уже достаточно способностію составлять ясныя и правильныя представленія.

Но если не достаточно была развита наблюдательность въ ребенкѣ, то онъ рѣдко съумѣетъ образовать правильныя представленія о предметахъ; послѣдняго обстоятельства воспитатель не долженъ упускать изъ виду, и если онъ замѣтитъ этотъ недостатокъ въ воспитанникѣ, то долженъ прежде, нежели заставить его

образовывать понятія, осмотрѣть и привести въ извѣстность его представленія о предметахъ, и если найдетъ ихъ неудовлетворительными, то долженъ пріучать его производить наблюденія надъ предметами и не оставлять его безъ руководства при образованіи имъ представленій.—Руководство это должно главнымъ образомъ состоять въ томъ, чтобы оно помогало ребенку въ образовываемыя представленія вносить общіе признаки предмета, и чтобы эти представленія образовались послѣ достаточнаго изученія ребенкомъ предмета и не отличались бы торопливостію; въ противномъ случаѣ ребенокъ привыкаетъ къ поверхностному пересмотру предметовъ, что можетъ принести очень большой вредъ его дальнѣйшему воспитанію. Такъ пріученныхъ дѣтей не трудно отличать и въ зрѣломъ возрастѣ: владѣя поверхностію познаній, они щеголяютъ широтою взглядовъ, бѣдныхъ фактическими основаніями. Напротивъ, заставляя ребенка наблюдать одинъ и тотъ-же предметъ съ цѣлію содѣйствовать развитію въ немъ способности къ образованію правильныхъ понятій, можно сильно въ немъ возбуждать при этомъ и самодѣятельность, которая внесетъ въ понятія ребенка жизненность и сдѣлаетъ его самого способнымъ распоряжаться пріобрѣтенными понятіями, какъ собственностію. Кромѣ того, при этомъ образуется особенный навыкъ, особая проницательность въ воспитанникѣ, владѣя которою онъ можетъ часто и на основаніи одного признака, принадлежащаго тому или другому роду предметовъ, составить представленіе, а потомъ и понятіе о цѣломъ предметѣ. Блистательнымъ доказательствомъ этого можетъ служить примѣръ Кювье, который могъ сдѣлать заключеніе о цѣломъ организмѣ допотопнаго животнаго по нѣкоторымъ только остаткамъ его скелета.

Но кромѣ этихъ препятствій, для образованія понятій, которыя воспитатель можетъ устранить усиливъ въ ребенкѣ наблюдательность, есть еще и другія, которыя проистекаютъ отъ не-

правильности душевной организаціи ребенка, при которой иногда излишнее *преобладаніе памяти и воображенія* порождаютъ много затрудненій для образованія понятій. Преобладаніе памяти можетъ возникнуть въ душѣ ребенка тогда, когда онъ при образованіи понятій не самъ разлагалъ составленныя имъ представленія о предметахъ на отдѣльные признаки, а это дѣлалось воспитателемъ; онъ же только ихъ заучивалъ. При такихъ условіяхъ усвоенныя ребенкомъ понятія, не возбуждая его самодѣятельности, не будутъ развивать въ душѣ его мышленія, а только память. Кромѣ того онъ съ трудомъ будетъ ими распоряжаться въ данномъ случаѣ, не въ состояніи будетъ пользоваться ими при другихъ высшихъ процессахъ мышленія; однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи въ сознаніи его будетъ господствовать то настроеніе, которое мы охарактеризовали, говоря о преобладаніи памяти вообще. Такое преобладаніе памяти можетъ перейдти и въ зрѣлый возрастъ, и лице съ такою душевною организаціею не въ силахъ будетъ располагать свои свѣдѣнія, подчиняя ихъ руководящему началу мышленія, и изложеніе его мыслей будетъ всегда страдать темнотою. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, мы хотимъ выяснить въ извѣстномъ историческомъ лицѣ какую-нибудь черту его характера; если матеріалъ будетъ группировать съ этою цѣлію наше мышленіе, то и расположеніе всѣхъ необходимыхъ для этого фактовъ совершится сообразно съ нашею цѣлію, и обнаружится типически та черта, которую мы хотимъ выяснить. Предположимъ теперь, что память преобладаетъ, тогда ей будетъ принадлежать господствующая роль въ расположеніи фактовъ; они нагромоздятся случайно; между ними окажутся и такіе, которые мало относятся къ дѣлу, и та черта, которую мы желаемъ изобразить, затеряется и утратитъ свою опредѣленность среди излишнихъ ненужныхъ подробностей. Такъ, одинъ ученый жаловался, что онъ не можетъ излагать своихъ

мыслей связно, потому что, взявшись за перо, съ цѣлію излагать свои мысли о какомъ-нибудь предметѣ, онъ тотчасъ припоминаетъ о томъ-же предметѣ чужія мнѣнія и при этомъ смѣшиваетъ свое изложеніе съ чужимъ, и въ немъ теряется необходимая ясность.

Вотъ какіе, неудобные для мышленія, психическіе процессы возможны въ душѣ дитяти и взрослаго человѣка при преобладаніи памяти. Неудобства такой неправильной душевной организаціи, какъ мѣшающія правильности мышленія, должны обратить на себя вниманіе воспитателя. Онъ долженъ позаботиться устранять и предупреждать развитіе такого преобладанія памяти, но какъ? Чтобы опредѣлились пріемы, необходимые ему для того, чтобы не допустить развиться подобной неправильности въ отношеніяхъ между душевными способностями ребенка, онъ долженъ выяснить себѣ, отъ чего она можетъ происходить. На одну изъ главныхъ причинъ этого мы уже указали: преобладаніе памяти легко развивается, если ребенокъ при образованіи понятій не самъ разлагаетъ представленіе на отдѣльные признаки, а это дѣлаетъ воспитатель; ребенку въ такомъ случаѣ остается пассивная роль: онъ заучиваетъ только признаки предмета, обнаруженные передъ нимъ воспитателемъ. Такъ поступать воспитатель вынужденъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное обученіе ребенка не имѣло характера наглядности, т. е. когда ребенка преждевременно заставляли усвоивать отвлеченныя понятія. Понятно, что такія понятія не могутъ быть самимъ ребенкомъ, съ извѣстною долею участія его самостоятельности, разложены на отдѣльные признаки. «Истинное и прочное образованіе, говоритъ Шульценштейнъ, необходимо должно начаться нагляднымъ обученіемъ, потому что усвоить себѣ предметы и понятія, т. е. сдѣлать ихъ своею духовною собственностію, возможно только этимъ путемъ. Внѣшнія чувства наши составляютъ желудокъ для духовной пищи, которая превра-

щается въ питательный сокъ только съ помощію этихъ органовъ. Все, что не возможно выразить формой или образомъ, не можетъ усвоиться духомъ».

Потомъ преобладанію памяти содѣйствуютъ, хотя и не въ такой степени, если дѣтей слишкомъ рано заставляютъ пріобрѣтать понятія посредствомъ книги, безъ предварительнаго развитія въ надлежащей мѣрѣ душевныхъ способностей путемъ нагляднаго обученія, хотя-бы то, что ребенокъ узнаетъ изъ книги, и не имѣло характера отвлеченнаго. Поэтому, послѣ первоначальнаго нагляднаго обученія, нужно постепенно переходить къ книгѣ; этотъ переходъ сохранитъ полную естественость при помощи устной рѣчи, которая въ обученія должна предшествовать письменной. «Живое слово, говоритъ Шульценштейнъ, обновляетъ духъ, а потому всегда поучительно; книга же обременяетъ духъ чужимъ матеріаломъ и потому часто не имѣетъ никакой пользы и разстраиваетъ здоровье духа. Болѣзни мозга (водяная и воспаленіе мозга), встрѣчаемыя у дѣтей перваго возраста, происходятъ не столько отъ преждевременнаго ученія, сколько отъ дурной неестественной методы преподаванія, отъ того, что начинаютъ не нагляднымъ преподаваніемъ, какъ-бы слѣдовало, а набиваютъ голову формами, отвлеченными идеями, которыя въ-послѣдствіи, такъ-сказать, приходятъ въ гніеніе и заражаютъ всю организацію мозга. И если число помѣшанныхъ или полупомѣшанныхъ людей, которыхъ умственное разстройство проявляется или необузданностію и своеволіемъ, или же рабскимъ, апатическимъ и безсмысленнымъ послушаніемъ, въ самомъ дѣлѣ со дня на день увеличивается, какъ утверждаютъ врачи-психологи, то это не есть историческое необходимое явленіе, но результатъ духовной тунеядной жизни. Это результатъ нездоровой духовной пищи, которую мы не усвоиваемъ, не перевариваемъ собственною силой,

а глотаемъ уже готовую, часто даже весьма дурно приготовленную; разумѣется, она должна произвесть то-же самое на духовную организацію, что дурная непереваренная пища производитъ на тѣлесную. Реакція, т. е. воспроизводительная дѣятельность, при такомъ механическомъ питаніи умственныхъ способностей, можетъ быть только механическая, зависящая не отъ сознанія свободной воли, а отъ подражанія, инстинктовъ и случая».

Изъ свойства самыхъ причинъ, указанныхъ нами, способныхъ сдѣлать память преобладающею, опредѣляются и необходимыя формы дѣятельности воспитателя съ цѣлію помѣшать развитію въ душѣ ребенка этого преобладанія.

Такъ-же точно вредно можетъ дѣйствовать на образованіе понятій и *преобладаніе воображенія*. Способность эта, какъ мы сказали, особенною силою отличается въ дѣтскомъ возрастѣ. Слабость развитія ума и естественная неопытность дѣтей служатъ благопріятными условіями для развитія ранняго преобладанія творческаго воображенія въ душѣ ребенка. Она создаетъ въ ребенкѣ, предоставленномъ самому себѣ, особенную точку зрѣнія на окружающую его дѣйствительность, и если-бы эта дѣйствительность не разъяснялась передъ нимъ родителями и воспитателемъ, то его душевная дѣятельность произвела бы нѣчто подобное миѳическимъ сказаніямъ древнихъ народовъ.

Понятно, что такое вліятельное дѣйствіе фантазіи на другія душевныя способности ребенка можетъ образовать множество препятствій для правильнаго развитія мышленія.

Какъ-же здѣсь долженъ поступать воспитатель?

Подавлять насильственно дѣятельность фантазіи онъ не долженъ потому что въ этомъ случаѣ его воспитательные пріемы сдѣлаются противоестественными, такое его дѣйствіе будетъ противурѣчить

началамъ правильнаго воспитанія. Слѣдовательно, имѣя въ виду устранить со стороны фантазіи препятствія правильному развитію мышленія въ ребенкѣ, онъ долженъ отыскать въ дѣтской натурѣ естественную точку опоры для своей дѣятельности. Эту естественную опору можетъ дать ему само-же воображеніе. Мы сказали, что низшая степень его дѣятельности образуетъ представленіе. Слѣдовательно, образованіе правильныхъ и точныхъ представленій, подъ руководствомъ указанныхъ нами пріемовъ, можетъ много содѣйствовать въ этомъ случаѣ цѣли воспитателя. Представленіе есть повтореніе образовъ дѣйствительности. Совершенство этихъ представленій зависитъ отъ нормальной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и отъ наблюдательности. Слѣдовательно, если воспитатель дастъ надлежащее упражненіе дѣятельности внѣшнихъ чувствъ въ своемъ воспитанникѣ, то онъ заготовитъ въ духовной организаціи его много благопріятныхъ условій для обузданія фантазіи къ тому времени, когда онъ приступитъ къ воспитанію его мышленія.

Но, съ другой стороны, онъ не долженъ оставлять безъ руководства и дѣятельность самой фантазіи: онъ долженъ давать и ей пищу. Какъ онъ долженъ поступать въ этомъ послѣднемъ случаѣ,—мы уже упомянули, говоря о воспитаніи фантазіи; тамъ указано было, какъ воспитатель, питая фантазію сказками, можетъ и долженъ вмѣстѣ возбуждать и дѣятельность ума. Дѣйствуя этими двумя путями, воспитатель можетъ дойдти до того, что дѣятельность фантазіи будетъ нейтрализоваться въ тѣ моменты, когда нужна независимая дѣятельность мышленія.

Иногда впрочемъ преобладаніе фантазіи связано бываетъ съ разстройствомъ нервной системы, чему ребенокъ часто бываетъ обязанъ вліянію страха, которымъ старалась дѣйствовать на него неблагоразумная нянька въ періодъ его ранняго дѣтства; иногда же оно проистекаетъ отъ общей слабости здоровья ди-

тяти: въ послѣднемъ случаѣ необходима врачебная помощь; въ противномъ случаѣ разстройство нервной системы можетъ въ-последствіи обнаружиться весьма серьёзными припадками. Медицинская практика представляетъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно много примѣровъ: нерѣдко встрѣчаемая между людьми способность все преувеличивать, безпокоиться безъ всякой основательной причины, можетъ быть приписана именно преобладанію воображенія и въ зрѣломъ возрастѣ и привычкѣ нервной системы подчиняться вліянію ею созданныхъ обстоятельствъ. Разстраивая здоровье, подобная дѣятельность фантазіи служитъ серьёзнымъ препятствіемъ для развитія въ воспитанникѣ свойствъ, необходимыхъ для практическаго дѣятеля; вредъ ея въ этомъ случаѣ можетъ обозначиться двумя разнородными явленіями: или *преувеличиваются факты дѣятельности*, среди которыхъ приходится дѣйствовать тому или другому лицу, или *преувеличиваются душевныя силы дѣйствующаго лица*. Въ первомъ случаѣ случается нерѣдко такъ: положимъ, какое-нибудь лице, въ которомъ преобладаетъ фантазія, что-нибудь предпринимаетъ; практическая обстановка, среди которой приходится ему дѣйствовать, можетъ представлять бо́льшія или меньшія препятствія и тѣмъ вызывать дѣйствователя на борьбу; при вмѣшательствѣ же въ этомъ случаѣ фантазіи произойдетъ то, что препятствія явятся въ преувеличенномъ видѣ, дѣйствующее лице теряетъ при этомъ необходимую энергію и дѣятельность его получаетъ нерѣшительный характеръ. Въ болѣе колоссальномъ размѣрѣ подобное явленіе можно наблюдать на характерѣ практической дѣятельности восточныхъ народовъ.

Теперь представимъ себѣ человѣка, въ которомъ преобладаніе фантазіи произвело преувеличенную вѣру въ свои силы; въ послѣднемъ случаѣ въ такомъ лицѣ разрастается страшно самолюбіе. При такой душевной организаціи происходитъ то, что

лице затѣваетъ предпріятіе, для выполненія котораго нѣтъ у него силъ, что скоро и оказывается. Оскорбленныя неудачею подобныя лица съ проклятіями убѣгаютъ отъ всякой дѣятельности, разочаровываются жизнію и впадаютъ въ мизантропію.

Между этими, указанными двумя видами душевной организаціи, сдѣлавшейся неправильною отъ преобладанія фантазіи, есть безконечное множество другихъ, имѣющихъ съ первыми много общаго. Такъ, не понявъ дѣйствительности, многія лица считаютъ ее способною содѣйствовать осуществленію своихъ намѣреній, возникшихъ въ душѣ ихъ подъ вліяніемъ чистаго умозрѣнія. Сильная дѣятельность фантазіи помогаетъ имъ привести въ извѣстность или, лучше сказать, изобрѣсти средства для выполненія этихъ намѣреній. Такъ-какъ средства эти берутся не изъ дѣйствительности, которую они не достаточно знаютъ, то они въ сознаніи своемъ легко ими распоряжаются, даютъ имъ въ своемъ намѣреніи различныя назначенія и, благодаря такимъ психическимъ процессамъ, планъ ихъ представляется имъ уже близкимъ къ осуществленію. Закончивши такъ свою работу въ сознаніи своемъ, они приступаютъ къ дѣлу. На практикѣ скоро встрѣчаются непредвидѣнныя затрудненія; переработывать ихъ, бороться съ ними у нихъ не хватаетъ необходимой энергіи, и они бросаютъ этотъ планъ и переходятъ къ другому. При этомъ они совершенно забываютъ, что усиліе ими совершенное произвело извѣстный результатъ въ дѣйствительности, что начатое ими дѣло и брошенное на произволъ, можетъ быть, въ лицахъ, на которыхъ упало ихъ вліяніе, создало извѣстныя стремленія и притомъ такія, которыя способны сдѣлать жизнь ихъ и трудъ совершенно безполезными, а часто и наполнить судьбу ихъ огорченіями. Типъ именно такого лица изображаетъ поэтъ, характеризируя его такъ:

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ....
Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвой ранней могилы,
Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ, говоритъ, осчастливить хочу!
Что-жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То тихомолкомъ безъ умыслу губитъ.

Не распространяясь болѣе въ характеристикѣ лицъ, въ которыхъ преобладаніе фантазіи способствовало неправильной душевной организаціи, мы замѣтимъ только, что приведенные факты, которые личный опытъ каждаго можетъ увеличить до безконечности, доказываютъ, что воспитатель долженъ съ первыхъ моментовъ дѣятельности мышленія въ ребенкѣ охранять его отъ вліянія фантазіи: тогда онъ способенъ будетъ достигнуть двухъ одинаково благотворныхъ результатовъ; во 1-хъ, если въ воспитанникѣ его отъ природы велика дѣятельность фантазіи, то, подчинивъ ее мышленію, или заставивъ ее дѣйствовать согласно съ нимъ, онъ поможетъ въ немъ развитію творческаго таланта, а во 2-хъ, если же отъ природы дѣятельность фантазіи у ребенка такова, что не можетъ развиться въ формы творческаго таланта, то, охранивъ мышленіе отъ вліянія фантазіи, онъ будетъ способствовать тому, что дѣйствительность явится предъ глазами воспитанника въ своемъ видѣ, будетъ понята имъ надлежащимъ образомъ и сообщитъ дѣятельности его практическій характеръ.

Послѣ этого переходимъ къ разсмотрѣнію ума на второй ступени его развитія — разсудка, который образуетъ сужденія. Сужденія образуются, какъ мы видѣли, тогда, когда понятіе дробится на отдѣль-

ные признаки, и каждый признакъ изслѣдуется отдѣльно. Возьмемъ для примѣра дерево; положимъ, въ понятіе вошли такіе признаки: корень, листья, вѣтви. Разсудокъ анализируетъ корень и опредѣляетъ его назначеніе, результатомъ чего является раскрытіе новаго признака въ деревѣ, недоступнаго внѣшнимъ чувствамъ — питанія. Такимъ-же образомъ листья откроютъ ему присутствіе въ деревѣ дыханія и т. п. Отсюда само собою яснымъ становится, какъ важно, чтобы въ понятіе о предметѣ вошли дѣйствительно ему принадлежащіе признаки, иначе дальнѣйшее дѣйствіе мышленія припишетъ предмету такія внутренніе свойства, которыхъ онъ не имѣетъ. Это особенно важно въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о предметахъ, въ которыхъ не легко можетъ совершаться пересмотръ ихъ признаковъ; каковы — предметы отвлеченные. Но и здѣсь, мы должны замѣтить, ошибокъ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ правильнѣе и основательнѣе развивалось мышленіе ребенка нагляднымъ путемъ; пріобрѣтаемая при помощи его наблюдательность будетъ помогать воспитаннику болѣе или менѣе вѣрно судить и о вопросахъ, относящихся къ отвлеченному міру, именно потому, что посредствомъ развитія мышленія при помощи опыта, ему сообщается особенный навыкъ — способность схватывать главныя руководящія черты и въ вопросахъ отвлеченныхъ. Доказательствомъ справедливости мысли нашей можетъ служить то, что даже художникъ, воспроизводя свои идеалы, содержаніе которыхъ взято изъ міра духовнаго, будетъ тѣмъ болѣе способенъ сообщить имъ характеръ истинности, чѣмъ болѣе въ немъ развита наблюдательность надъ дѣйствительностію. — Слѣдовательно, чѣмъ правильнѣе руководили ребенкомъ при образованіи имъ представленій и потомъ понятій, тѣмъ правильнѣе будетъ дѣйствовать въ немъ мышленіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, а слѣдовательно и тѣмъ рѣже оно будетъ впадать въ заблужденіе.

Будемъ теперь далѣе слѣдить за процессомъ сужденій. При помощи ихъ открыты въ деревѣ питаніе, дыханіе и пр.; послѣ этого разсудокъ изслѣдуетъ назначеніе этихъ признаковъ и опредѣляетъ цѣль, около которой сосредоточивается дѣятельность всѣхъ этихъ признаковъ; такимъ путемъ обнаруживается въ деревѣ способность жить.—Изъ сказаннаго мы видимъ, что сужденія представляютъ болѣе сложный процессъ мышленія, нежели какой необходимъ былъ при образованіи понятій, и этотъ болѣе сложный процессъ мышленія можетъ совершаться и обнаруживаться при помощи слова; слово-то и помогаетъ воспитателю слѣдить за процессомъ сужденія въ ребенкѣ, и, въ случаѣ надобности, исправлять его. Хорошо, особенно первоначально, если и при развитіи въ ребенкѣ сужденій, доставятъ процессу его мышленія необходимыя упражненія посредствомъ нагляднаго обученія, потому что ребенокъ въ такомъ случаѣ можетъ самъ себя повѣрять и, въ случаѣ, ошибки исправлять себя. Весьма важно также въ этомъ случаѣ сдѣлать этотъ процессъ мышленія для ребенка занимательнымъ, особенно въ-началѣ; этому также можетъ помогать наглядное обученіе, соединенное съ опытами: раскрытіе свойствъ и признаковъ предмета посредствомъ опыта можетъ представлять чрезвычайный интересъ для дитяти. Наконецъ, и при образованіи сужденій ребенкомъ нужно ставить его въ благопріятныя условія, т. е. устранить все, способное ему въ этомъ случаѣ помѣшать.

Послѣ образованія сужденій мышленіе можетъ принять два направленія: одно устремляется на изученіе сущности индивидуальнаго предмета; другое—къ изслѣдованію одинаковыхъ внутреннихъ явленій, отысканныхъ въ одномъ предметѣ или въ одномъ родѣ предметовъ,—въ другихъ неоднородныхъ. Чтобы съ большею ясностію слѣдить за послѣднимъ направленіемъ дѣятельности мышленія, обратимся къ взятому нами примѣру.

Сужденія открыли въ деревѣ питаніе, дыханіе и опредѣлили, что

назначеніе всѣхъ этихъ явленій направлено къ тому, чтобы возбуждать жизнь дерева. Другое изъ изслѣдуемыхъ нами направленій мышленія выходитъ изъ того, что, опредѣливъ назначеніе извѣстнаго признака въ одномъ предметѣ, слѣдитъ за проявленіемъ дѣятельности этого-же признака въ другихъ предметахъ. Положимъ, оно избираетъ съ этою цѣлію питаніе: изучивъ сначала процессъ питанія въ деревѣ, мышленіе потомъ изслѣдуетъ тотъ-же процессъ въ предметахъ совершенно отличныхъ отъ дерева. Изученіе этого процесса въ разнородныхъ предметахъ выясняетъ его всестороннимъ образомъ и приводитъ изслѣдователя къ опредѣленію законовъ, управляющихъ этимъ процессомъ. Тутъ начинается дѣятельность разума.

Изъ сказаннаго ясно опредѣляется, какъ долженъ поступать въ это время воспитатель: онъ долженъ первоначально указать ребенку на повтореніе одинаковаго признака въ предметахъ разнородныхъ, но, конечно, знакомыхъ ребенку, и указать ему—какими пріемами онъ долженъ руководствоваться, чтобы открыть внутреннюю дѣятельность этого признака и назначеніе его въ тѣхъ или другихъ предметахъ. Само собою разумѣется, что и здѣсь онъ долженъ предметами изслѣдованія для ребенка избирать такіе, которые легко подвергать тѣмъ опытамъ, которые необходимы будутъ при этомъ.—Слѣдовательно, и здѣсь наглядный способъ объясненій долженъ имѣть преимущество. Потомъ, когда ребенокъ на изслѣдованіи предметовъ, взятыхъ изъ природы, пріобрѣтетъ надлежащій навыкъ въ раскрытіи разнородной дѣятельности ихъ признаковъ, можно заставлять его то-же дѣлать и надъ предметами, взятыми изъ другой сферы, напр. изъ общественной жизни, и руководить имъ такъ, чтобы онъ факты общественной жизни, разлагая на элементарныя силы, могъ объяснить себѣ, какъ онѣ, дѣйствуя вмѣстѣ, производятъ то или другое явленіе. — Послѣднія упражненія воспитатель только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ употреблять въ дѣло, потому что

для этого необходима уже значительная опытность и знаніе жизни, что рѣдко можно предположить въ воспитанникѣ.

Мы упомянули уже, что окончательный выводъ изъ вышеизложенныхъ процессовъ мышленія дѣлаетъ высшая степень ума — разумъ; самая простая первоначальная форма дѣятельности его есть умозаключеніе — силлогизмъ. Роль воспитателя здѣсь значительно упростится, если онъ употребилъ уже въ дѣло тѣ пріемы, на которые мы указывали, говоря о воспитаніи низшихъ степеней ума. Здѣсь же главнымъ образомъ задача его должна состоять въ томъ, чтобы пріучить ребенка дѣлать основательнымъ сближеніе общаго сужденія съ частнымъ, т. е., чтобы пріучить его за основаніе этого сближенія принимать не частное и случайное явленіе въ сближаемыхъ предметахъ, а существенное и необходимое. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, воспитанникъ возьметъ такое общее сужденіе:

Все живущее имѣетъ волю;
Дерево живетъ;
Слѣдовательно, и дерево имѣетъ волю.

Понятно, что здѣсь въ общемъ сужденіи взятъ признакъ непринадлежащій всему, что живетъ; слѣдовательно, силлогизмъ будетъ построенъ невѣрно, а потому и заключеніе является ложнымъ. Ложность эта очевидна въ приведенномъ примѣрѣ; но можетъ быть такая обстановка для мышленія, гдѣ ложность заключенія будетъ не такъ очевидна, отсюда-то и могутъ проистекать заблужденія разума. Эти сближенія, повторяемъ еще разъ, ребенокъ будетъ дѣлать тѣмъ болѣе основательно, чѣмъ болѣе пріобрѣлъ онъ фактическихъ познаній, чѣмъ лучше онъ изучалъ предметы; слѣдовательно, и здѣсь многое будетъ зависѣть отъ того, на-сколько правильно образовались въ ребенкѣ представленія о предметахъ, на-сколько правильны понятія его и основательны сужденія о нихъ.

Всѣ изложенные пріемы для воспитанія ума относятся къ приготовительнымъ, и мы видѣли, что эти пріемы примѣняются главнымъ образомъ къ наглядному обученію, средствомъ для котораго служитъ объясненіе природы и дѣйствительности вообще. Эти приготовительныя упражненія мышленія составляютъ для него родъ гимнастики. При этомъ мы ограничивались разъясненіемъ процессовъ мышленія только въ главныхъ общихъ чертахъ; болѣе подробное ихъ разъясненіе удобнѣе будетъ дѣлать въ дидактикѣ, гдѣ, при преподаваніи той или другой науки, будутъ выясняться и тѣ процессы мышленія, которые господствуютъ въ пріемахъ, принятыхъ въ той или другой наукѣ. Поэтому, къ сказанному теперь мы находимъ необходимымъ въ заключеніе прибавить только, что дальнѣйшія средства развитія ума доставляетъ изученіе наукъ. Чтобы эти средства примѣнялись къ воспитанію надлежащимъ образомъ, педагогика должна располагать ихъ, руководясь двумя цѣлями: во 1-хъ, она должна избрать группу такихъ предметовъ, которые имѣли бы на ребенка общее образовательное вліяніе, возбуждая дѣятельность всѣхъ способностей его души; во 2-хъ, чтобы при выборѣ самыхъ предметовъ не была упущена и другая цѣль, именно, чтобы одни изъ нихъ способствовали образованію идеальному, а другіе — реальному. Первое, имѣя въ виду развитіе въ воспитанникѣ самопознанія, должно способствовать и его внутреннему духовному усовершенствованію; второе должно имѣть въ виду познакомить воспитанника съ внѣшнимъ міромъ и тѣмъ поставить практическую дѣятельность его въ нормальныя отношенія къ дѣйствительности.

IV. ВОСПИТАНІЕ ЧУВСТВОВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ.

Излагая правила для воспитанія познавательной способности, мы старались по возможности обнаружить тѣ психическіе процессы, при помощи которыхъ совершается дѣятельность этихъ способностей. Уясняя процессы эти, мы пользовались для этого указаніемъ на то, какъ они дѣйствуютъ при обученіи наглядномъ. Приступая теперь къ изложенію воспитанія чувствовательной способности, мы должны бы также начать это изложеніе съ разъясненія того, какъ эта способность постепенно развивается, чтобы сообразно съ этою постепенностію и дѣйствовать на нее тѣми или другими воспитательными пріемами. Но подобное разъясненіе здѣсь представляетъ непреодолимыя трудности, потому что дѣятельность чувства есть результатъ не легко опредѣляемыхъ психическихъ процессовъ; исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только дѣятельность физическаго чувства; оно, будучи подчинено вліянію организаціи нашего тѣла, въ проявленіи своемъ сохраняетъ извѣстное постоянство, а потому, дѣйствуя на него посредствомъ внѣшнихъ предметовъ, можно приблизительно произвесть на воспитанника то или другое впечатлѣніе. Возбуждать же духовныя чувства мы не можемъ съ такою опредѣленностію, потому что они доступны наблюденію уже тогда, когда перестаютъ дѣйствовать отдѣльно, т. е. когда они, подчинивъ себѣ волю или разумъ, проявляются въ дѣятельности или расположеніи духа того или другаго лица. До перехода же чувства въ мысль или поступокъ, оно для насъ остается неяснымъ. Отсюда понятно, что трудно очень разлагать дѣятельность духовныхъ чувствъ на простые элементы, какъ мы это дѣлали при объясненіи дѣятельности познавательныхъ способностей. Но

чтобы по возможности держаться и при изложеніи воспитанія чувствъ какихъ-нибудь руководящихъ началъ, мы должны войдти въ нѣкоторыя предварительныя объясненія относительно общихъ условій, отъ которыхъ зависитъ проявленіе дѣятельности чувствъ вообще, и потомъ, — относительно силы и вліянія ихъ на другія способности. Здѣсь прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя чувства не оказываютъ, по-крайней-мѣрѣ замѣтнымъ образомъ, вліянія на другія душевныя способности, и *вся дѣятельность ихъ ограничивается пріятными или непріятными ощущеніями.* Этотъ родъ дѣятельности чувства имѣетъ *характеръ пассивный*; другія, напротивъ, являясь въ душѣ какъ пріятное или непріятное ощущеніе, *дѣйствуютъ кромѣ того на волю, разумъ и воображеніе.* Этотъ родъ дѣятельности чувствъ имѣетъ *характеръ активный,* т. е. вліятельный. Такой характеръ дѣятельности чувствъ опредѣляетъ, каковы должны быть пріемы при ихъ воспитаніи. Пріемы эти должны выразиться въ двухъ видахъ: одни должны имѣть цѣлію *возбужденіе или подавленіе чувствъ*, способныхъ легко получать активный характеръ; другіе должны быть направлены къ тому, чтобы *овладѣть чувствами воспитанника и направить ихъ дѣятельность сообразно съ общими цѣлями воспитанія.* Такъ, если чувство, возникающее въ душѣ дитяти, имѣетъ или можетъ имѣть по своей природѣ характеръ вредный для его усовершенствованія, то необходимо такое чувство поставить въ данный моментъ подъ контроль тѣхъ душевныхъ силъ ребенка, которыя ясно ему покажутъ дурныя стороны этого чувства; если же это чувство не имѣетъ подобнаго свойства, но дѣйствуетъ въ ребенкѣ только поверхностно, то воспитатель долженъ сообщить ему такую силу дѣятельности въ душѣ, при которой оно способно было бы произвести какой-нибудь положительный результатъ въ дѣлѣ воспитанія ребенка. Благоразуміе и опыт-

ность воспитателя могутъ показать ему, какъ онъ долженъ въ этомъ случаѣ поступать. При этомъ нужно замѣтить, что управлять чувствами, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и очень трудно, но все же легче, нежели ихъ возбуждать. Первая трудность, съ которою приходится бороться въ послѣднемъ случаѣ, вытекаетъ изъ природы самаго чувства: это — *пугливость искренняго чувства*, вслѣдствіе чего оно не легко обнаруживается, а потому и не всегда возможно на-вѣрное опредѣлить, достигъ ли воспитатель своей цѣли, желая возбудить то или другое чувство, или нѣтъ. Это затрудненіе впрочемъ отчасти можно устранить, принимая во вниманіе *темпераментъ и полъ ребенка*. Такъ, *у дѣвочекъ отъ природы болѣе расположенія къ развитію чувства изящнаго и добра*, у мальчиковъ *болѣе расположенія къ развитію чувства истины*. Это доказывается тѣмъ, что у дѣвочекъ очень рано появляется любовь къ опрятности, привычка заниматься собою и своею обстановкою; потомъ, дѣвочка болѣе склонна къ нѣжности, къ дружбѣ, милосердію, къ участію въ чужомъ горѣ. Но владѣя болѣе живымъ воображеніемъ, большею нежели мальчикъ впечатлительностію, дѣвочки склонны также и къ сантиментальности, которую можно иногда принять за дѣйствительное чувство, и поэтому не мало можетъ способствовать особенная раздражительность слезной железы у женщинъ, въ-слѣдствіе чего онѣ легко плачутъ; это иногда можетъ подать поводъ считать ихъ, совершенно неосновательно, сильно чувствующими, когда этого въ данномъ случаѣ и нѣтъ.

Вторая трудность при пробужденіи чувства заключается въ томъ, что *не возможно иногда опредѣлить — достаточно ли сильно это возбужденіе для того, чтобы оно произвело ожидаемое дѣйствіе*, т. е. трудно опредѣлить — *на сколько оно глубоко и живо*. Здѣсь можетъ, но опять только отчасти, помогать

темпераментъ ребенка. Такъ, живость и легкая возбудимость чувства чаще встрѣчается у натуръ съ сангвиническимъ темпераментомъ, но эта живость въ этомъ случаѣ рѣдко соединяется съ глубиною; продолжительность же и глубина чувства обыкновенно бываютъ свойственны темпераменту меланхолическому и часто холерическому. Меньше же всего живость и воспріимчивость чувства бываютъ свойственны флегматическому темпераменту, въ которомъ духовныя способности вообще бываютъ подавлены физическими свойствами и разумомъ.

Наконецъ, много трудностей представляетъ и *самый способъ возбужденія чувствъ.* Чувство можетъ быть возбуждаемо только явленіемъ получившимъ форму, образъ, характеръ факта; здѣсь ничего не могутъ сдѣлать принужденія, убѣжденія и насиліе вообще. Упуская это изъ виду, часто вносятъ въ воспитаніе множество ошибочныхъ пріемовъ, помощію которыхъ стараются растолковать и объяснить то, что необходимо заставить почувствовать. Поэтому, воспитаніе чувства возможно только съ помощію опредѣленнаго строя всей жизни ребенка, т. е. на него въ этомъ случаѣ нужно дѣйствовать опредѣленною обстановкою, окруживъ извѣстными примѣрами. Гдѣ этого сдѣлать не возможно, тамъ и воспитывать чувство необыкновенно трудно. Но предположивъ даже, что это требуемое условіе выполнено удовлетворительно, и тогда не всегда можно на-вѣрное разсчитывать на возбужденіе желаемаго чувства, потому что для этого необходимо еще соотвѣтствующее этому чувству психическое настроеніе въ ребенкѣ, которое часто не легко опредѣлить. Поэтому, воспитатель съ напряженнымъ вниманіемъ долженъ слѣдить за результатами своихъ дѣйствій въ этомъ случаѣ и не торопиться въ своихъ заключеніяхъ относительно успѣшности ихъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ попасть въ страшные промахи. Практика представляетъ много примѣровъ въ которыхъ тщательный анализъ открываетъ, что именно

отъ ошибокъ при воспитаніи чувства происходило много печальныхъ результатовъ. Такъ, нерѣдко случается слышать, что дѣти, хотя развивавшіяся подъ руководствомъ одного воспитателя, учившіяся по одной методѣ, пріобрѣли совершенно противуположныя свойства: одинъ сдѣлался прекраснымъ человѣкомъ, другой — дурнымъ. Всмотрѣвшись ближе въ причины этого явленія, можно съ очевидностью обнаружить, что это произошло въ значительной степени отъ неумѣнія воспитателя правильнымъ образомъ дѣйствовать на чувства ребенка, въ послѣдствіи сдѣлавшагося дурнымъ.

Но кромѣ этихъ общихъ свойствъ, каждое духовное чувство имѣетъ еще свою природу, своеобразную дѣятельность и оказываетъ различное вліяніе на другія душевныя способности. Чтобы выяснить эту природу, мы должны разсмотрѣть каждое духовное чувство отдѣльно. Въ очеркѣ психологіи мы представили четыре вида духовныхъ чувствъ: чувство истины, чувство добра, чувство изящнаго и чувство религіозное. Изучать постепенное развитіе каждаго изъ этихъ чувствъ въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ это мы дѣлали при разъясненіи развитія познавательныхъ способностей, очень трудно; для разъясненія развитія постепеннаго чувства необходимы крупные факты, въ которыхъ рельефнѣе выступала бы натура чувства; вотъ почему для анализа, съ цѣлію обнаружить постепенное развитіе каждаго изъ духовныхъ чувствъ, должны мы обратиться къ исторіи и на ея фактахъ основывать наше изслѣдованіе. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ названныя четыре чувства въ ихъ зародышѣ врождены человѣку, и быстрота развитія всѣхъ ихъ, кромѣ религіознаго, зависитъ отъ того, на-сколько помогаютъ этому внѣшнія обстоятельства. Самымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ при этомъ можно считать степень физическаго благосостоянія народа: когда народъ накопляетъ средства къ жизни и обезпечиваетъ свое физическое существованіе, — только съ этого времени дѣятель-

ность его выходитъ изъ-подъ вліянія физическихъ нуждъ, и дѣлается для него возможнымъ душевное его усовершенствованіе.

а) Воспитаніе чувства истины.

Чувство истины есть способность интересоваться истиною, получать удовольствіе отъ достиженія ея; къ отысканію же истины стремится и мышленіе. Различіе однакожъ между дѣятельностію мышленія и чувства истины въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что мышленіе возбуждается первоначально подъ вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ; чувство же истины есть внутреннее настроеніе человѣка, внутренняя сила для познанія окружающаго. По этой тѣсной связи дѣятельности чувства истины съ дѣятельностію мышленія, легче слѣдить за постепеннымъ его развитіемъ и въ отдѣльныхъ лицахъ, нежели за развитіемъ другихъ чувствъ. Первоначальная дѣятельность чувства истины является просто *любопытствомъ*. Любопытство ребенка обнаруживается въ быстромъ переходѣ его отъ одного предмета къ другому. Если эта способность, подъ вліяніемъ воспитанія или обстоятельствъ жизни, получитъ надлежащее развитіе, то она превращается въ *любознательность*. Этотъ переходъ любопытства въ любознательность можетъ совершиться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ будетъ болѣе для этого благопріятныхъ обстоятельствъ. На первомъ планѣ здѣсь надобно поставить *природныя свойства ребенка*, которыя главнымъ образомъ зависятъ отъ темперамента. Дѣти съ сангвиническимъ темпераментомъ, отличаясь перемѣнчивостію всѣхъ своихъ способностей, если предоставлены будутъ самимъ себѣ, пріобрѣтутъ любознательность съ большимъ трудомъ, нежели холерики, которыми руководитъ сильная воспріимчивость. Меланхолики, слишкомъ сосредоточенные на внутреннихъ своихъ ощущеніяхъ, слабо относятся ко внѣшнему міру; а флегматики, от-

личаясь неподвижностію и наклонностію къ покою физическому и душевному, пріобрѣтаютъ любознательность весьма медленно. Слѣдовательно, задача воспитанія здѣсь опредѣляется такого рода дѣятельностію, при которой бы эти естественныя препятствія къ развитію любознательности были устранены. Перечислять здѣсь всѣ способы, могущіе служить этой цѣли, очень затруднительно; опытъ самаго воспитателя всегда можетъ доставить много средствъ, необходимыхъ въ этомъ случаѣ. Съ нашей же стороны достаточно будетъ упомянуть, что оставлять безъ руководства любопытство ребенка—значитъ подвергать серьёзнымъ затрудненіямъ его дальнѣйшее развитіе: эта прекрасная способность нашего духа, которая уже первымъ своимъ обнаруженіемъ указываетъ на потребность души найдти во внѣшнемъ мірѣ необходимое упражненіе своимъ силамъ, оставленная безъ руководства, легко превращается въ страсть къ новостямъ и образуетъ такимъ образомъ довольно безпокойное и неудобное качество въ общежитіи.

Кромѣ естественныхъ причинъ, которыя имѣютъ вліяніе на быстрое или медленное превращеніе любопытства въ любознательность, есть еще много другихъ, которыя порождаются разными случайными обстоятельствами. Между ними прежде всего слѣдуетъ упомянуть *бѣдность и нужду*, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ, слишкомъ занятый пріобрѣтеніемъ средствъ, необходимыхъ для его существованія, вообще мало можетъ владѣть условіями, которыя благопріятствовали бы развитію въ немъ любознательности. Еще вреднѣе въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ *шумная разсѣянная жизнь*, которая всего болѣе способствуетъ въ людяхъ, ее ведущихъ, развитію страсти къ новостямъ.

Дальнѣйшее развитіе любознательности совершается подъ вліяніемъ мышленія, сила котораго имѣетъ на человѣка также огром-

ное вліяніе, и слѣдовательно, здѣсь, при воспитаніи любознательности, можно пользоваться тѣми-же пріемами, какъ и при воспитаніи мышленія. А потому, не повторяя сказаннаго прежде, обратимся къ третьему виду, въ которомъ обнаруживается чувство истины — *правдивости;* она составляетъ лучшее украшеніе человѣка и имѣетъ весьма важное значеніе въ житейской практикѣ.

Чувство правдивости обнаруживается въ ребенкѣ довольно рано, но дѣйствуетъ первоначально очень слабо; и въ этомъ видѣ оно требуетъ необыкновенной осторожности въ обращеніи съ нимъ и крайней заботливости въ его воспитаніи. Извративши его здѣсь, уже трудно будетъ направить его къ дальнѣйшей дѣятельности, и хотя природа его въ послѣдствіи можетъ возстановиться подъ вліяніемъ нравственнаго и умственнаго развитія, но уже никогда не пріобрѣтетъ своего первоначальнаго блеска. «Утрата искренности, говоритъ Дежерардо, принадлежитъ къ числу поврежденій, которыя всего труднѣе исправить: это также трудно сдѣлать, какъ изъ кусковъ разбитаго зеркала составить цѣлое». А между-тѣмъ сила чувства правдивости въ его первоначальномъ видѣ не зависитъ отъ общаго развитія человѣка, которое можетъ подвергнуться случайностямъ, можетъ быть очень ограничено, поэтому и съ этой стороны лучше *охранять* его отъ извращенія, нежели *возстановлять* его въ натурѣ воспитанника путемъ общаго развитія. Къ несчастію, практическая жизнь представляетъ на каждомъ шагу такія явленія, которыя доказываютъ, что этимъ чувствомъ почти не дорожатъ въ ребенкѣ, и часто *первый разрушительный ударъ этому чувству въ ребенкѣ наносится матерью и отцомъ.* «Первые уроки лживости, говоритъ Толль, дитя получаетъ въ наставленіяхъ, касающихся приличія. Папенька при немъ, или даже самому ему, приказы-

ваетъ сказать пришедшему постороннему человѣку, что его нѣтъ дома, тогда какъ ребенокъ видитъ, что папенька преспокойно сидитъ въ креслахъ, закуриваетъ сигару и не думаетъ идти со двора. Маменька при дитяти, извиняясь передъ подругою въ томъ, что не могла быть у нея, ссылается на страшную головную боль, заставившую ее весь день пролежать въ постели, тогда какъ ребенокъ очень хорошо знаетъ, что маменька весь этотъ день провела очень пріятно и ни разу не упомянула о головной боли. Дяденька съ восторгомъ разсказываетъ анекдотъ, какъ его пріятель остроумною ложью выпутался изъ бѣды, и всѣ присутствующіе рукоплещутъ дяденькиному пріятелю».

Также разрушительно на чувство правдивости въ дѣтяхъ дѣйствуетъ *страхъ, неумѣренно употребляемый какъ воспитательное средство*. Страхъ вообще разрушительно дѣйствуетъ на личность воспитанника, но въ примѣненіи къ чувству правдивости онъ совершенно можетъ убить послѣднее. Ребенокъ, по причинѣ слабости своего нравственнаго и умственнаго развитія, безразлично относясь ко многому, не понимая еще достаточно, что̀ хорошо и что̀ дурно, разсказываетъ воспитателю о какомъ-нибудь своемъ дурномъ поступкѣ. Слушающіе, вмѣсто того, чтобы съ кротостію объяснить ребенку, почему его поступокъ дуренъ, начинаютъ бранить откровеннаго ребенка и даже наказываютъ. Подобное обращеніе съ ребенкомъ на будущее время сдѣлаетъ его менѣе откровеннымъ, — что̀, съ одной стороны, значительно затруднитъ воспитателя, когда онъ захочетъ узнать ребенка, а съ другой — и самого ребенка заставитъ впередъ, при первыхъ признакахъ неудовольствія на него за какой-нибудь поступокъ, скрывать его и отказываться отъ него. «Скрытность же, говоритъ Дежерардо, не есть еще ложь, но приготовляетъ къ ней. Иногда однакожъ она еще хуже лжи, потому что мѣшаетъ часто от-

крытію важныхъ пороковъ, потому что ложь можетъ быть слѣдствіемъ легкомыслія, а скрытность бываетъ обыкновенно обдуманна. Ложь можетъ быть иногда только погрѣшностью; скрытность же есть рѣшительный порокъ».

То-же самое произойдетъ, когда ребенку безъ всякаго основанія *не вѣрятъ въ то время, когда онъ говоритъ правду.* Такое и подобное неблагоразумное поведеніе со стороны воспитателя мало-по-малу ослабитъ въ натурѣ ребенка чувство правдивости, на мѣсто котораго можетъ развиться совершенно противоположное ему качество — *лживость.* Какъ скоро образовалась въ ребенкѣ наклонность ко лжи, то дѣло воспитанія въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ: поселившись въ ребенкѣ, лживость служитъ источникомъ безчисленныхъ дурныхъ качествъ, совершенно обезобразитъ его характеръ; въ немъ явятся лицемѣріе, фальшивость; притворство и тому подобныя качества, которыя своими послѣдствіями служатъ нерѣдко причиною весьма печальныхъ явленій въ жизни.

«Есть впрочемъ, говоритъ Толль, одинъ родъ лживости въ дѣтяхъ и даже во взрослыхъ людяхъ, который въ нѣкоторой степени можетъ уживаться въ одномъ и томъ-же человѣкѣ съ правдивостію въ чувствѣ: это—лживость, происходящая изъ живой творческой фантазіи. Кому не случалось встрѣчать людей, забавляющихся тѣмъ, что безъ всякой для себя выгоды выдумываютъ небывалыя исторіи, которыя разсказываютъ своимъ знакомымъ за истинныя и въ которыя до-того вдумываются, что часто сами принимаютъ ихъ за истинныя». Это явленіе Толль объясняетъ такимъ образомъ: «Люди, имѣющіе привычку изобрѣтать небывалыя исторіи, которыя выдаютъ за истинныя, часто дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ сильнаго желанія, чтобы разсказываемое ими событіе именно такъ совершилось, или подда-

ются страсти всему находить причину и объясненіе и увлекаются встрѣтившеюся необходимостью доказать утверждаемое ими положеніе фактомъ.... Но это не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ такихъ людей въ важныхъ обстоятельствахъ, когда отъ ихъ слова зависитъ дѣло, не только руководиться самою безукоризненною правдивостью, но и не жалѣть самихъ себя, если, для возстановленія факта въ его настоящемъ смыслѣ, приходится обвинить себя самихъ во лжи». Лживость такого рода въ дѣтяхъ легко можетъ быть исправлена, если воспитатель будетъ каждый разъ безъ малѣйшаго негодованія и брани относить изобрѣтенную ребенкомъ ложь къ вымысламъ, къ сказкамъ, которыя очень пріятно слушать, если онѣ хорошо разсказываются.... А съ другой стороны, когда ребенокъ уже научится письму, воспитатель долженъ указать ему на возможность давать исходъ страсти къ изобрѣтенію событій и цѣлыхъ исторій въ письменныхъ сочиненіяхъ, которыя будутъ читаться въ семействѣ съ удовольствіемъ. Всякое же насиліе въ этомъ случаѣ со стороны воспитателя можетъ принести печальные плоды; потому что ребенокъ, когда въ немъ въ этомъ случаѣ оскорбятъ самолюбіе, будетъ настойчиво доказывать истинность выдуманной имъ исторіи и легко можетъ повредить въ себѣ нравственному чувству».

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что чувство истины, съ одной стороны, тѣсно связано съ законами мышленія и подъ ихъ вліяніемъ расширяетъ свою силу, а съ другой стороны, оно дѣятельностію своею примыкаетъ къ нравственности и служитъ лучшимъ ея украшеніемъ. Всякому приходилось въ жизни по достоинству оцѣнить это великолѣпное качество, которое служитъ основою искреннихъ нравственныхъ отношеній между людьми. Отсутствіе искренности—правдивости, въ натурѣ человѣка, искажая ха-

рактеръ его, чрезвычайно вредно дѣйствуетъ и на тѣхъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ подобнымъ лицемъ: обманувшись въ человѣкѣ, не найдя въ немъ качествъ, которыя онъ своимъ неискреннимъ поведеніемъ заставлялъ въ себѣ предполагать, они теряютъ вѣру въ людей, дѣлаются мнительными, боязливыми, и весь строй ихъ житейскихъ отношеній получаетъ болѣзненный характеръ. Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ надобности повторять, какъ важно правильное воспитаніе чувства правдивости.

в) Воспитаніе нравственнаго чувства.

Нравственнымъ чувствомъ называется стремленіе къ добру въ обширномъ смыслѣ этого слова. Добромъ называется все то, что согласно съ условіями нравственнаго бытія; все то, что не согласно съ этимъ, называется *зломъ*. Или, другими словами, добромъ называется все то, что согласно съ нравственнымъ закономъ. Этотъ великій двигатель всѣхъ нашихъ благородныхъ поступковъ, при правильномъ воспитаніи, можетъ охватить всѣ наши душевныя силы и направить ихъ къ добру. Но такою силою онъ дѣлается постепенно, по мѣрѣ того какъ развиваются въ человѣческой натурѣ стремленія къ высшимъ интересамъ, а до тѣхъ поръ нравственный законъ остается только въ зародышѣ. Въ такомъ видѣ онъ находится у дикаря и ребенка. Всмотритесь въ поступки перваго, вы увидите, что имъ въ рѣдкихъ случаяхъ руководитъ сила нравственная; ребенокъ тоже дѣйствуетъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. По мѣрѣ же того, какъ осложняются около дикаря житейскія отношенія и опытъ начинаетъ ему уяснять, что въ его поведеніи есть вреднаго или полезнаго для него или другихъ, въ немъ начинаетъ развиваться дѣятельность нравственнаго закона. Но первоначально, при ограниченности развитія дикаря, онъ оцѣниваетъ добро только по отношенію къ своей личности,

другими словами—дѣятельность его нравственнаго закона сильно подчиняется вліянію эгоизма. «Первые проблески нравственнаго закона, говоритъ Толль, у человѣка, вступающаго въ цивилизацію, являются въ тѣсной связи съ личными, болѣе или менѣе физическими побужденіями; такъ, личная гордость и чувство чести есть провозвѣстникъ сознанія человѣческаго достоинства; привязанность къ семьѣ, очагу и племени — первоначальная форма патріотизма; уваженіе къ личной храбрости и презрѣніе къ трусости — предчувствіе гражданскаго мужества. Но много времени еще проходитъ, пока личная гордость и чувство индивидуальной чести вырабатывается въ уваженіе чужой личности, наравнѣ съ своею, пока порывы храбрости улягутся въ рамкѣ стойкости и безбоязненности въ убѣжденіяхъ и т. д. До той же поры нравственный законъ стоитъ на той точкѣ развитія, до которой доросли наши понятія».

Итакъ, нравственный законъ становится, съ одной стороны, тѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе наше духовное развитіе вообще, чѣмъ болѣе выясняются практическія отношенія дѣйствующаго лица къ другимъ людямъ; а потому онъ проявляется въ двухъ видахъ: 1) какъ внутренняя сила, управляющая помыслами и желаніями человѣка; въ этомъ видѣ она называется *совѣстью*, и 2) какъ сила, руководящая уже поступками и дѣятельностію человѣка; въ этомъ случаѣ она сливается съ волею человѣка и входитъ, какъ составная часть, въ характеръ его.

Такъ-же точно, какъ въ дикарѣ, нравственная сила постепенно развивается и въ ребенкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что подъ вліяніемъ воспитанія эта постепенность развитія отличается большею быстротою. Но и при этой быстротѣ развитія нравственное чувство переживаетъ тѣ-же формы, которыя замѣчаются и въ цѣломъ народѣ: и ребенокъ сначала опредѣляетъ добро, разсма-

тривая его съ личной точки зрѣнія, и называетъ имъ все то, что доставляетъ ему пріятное впечатлѣніе. Слѣдовательно, воспитаніе этого чувства должно начаться очень рано, еще при физическомъ воспитаніи. Тамъ мы видѣли, что при неблагоразумномъ кормленіи можетъ развиться въ ребенкѣ преобладаніе низшихъ побужденій надъ высшими и водвориться въ натурѣ его господство эгоизма. Когда передъ ребенкомъ уясняются его отношенія къ самымъ близкимъ ему лицамъ — къ родителямъ; то воспитательною силою для его нравственнаго чувства и вмѣстѣ обуздывающаго его эгоизмъ можетъ сдѣлаться родительская любовь, но любовь нравственно - разумная, и притомъ одушевленная желаніемъ ребенку того идеальнаго совершенства, къ которому призываетъ насъ христіанская религія. «Такая любовь, говоритъ Толль, способна въ высокой степени пробудить въ душѣ дитяти чувство добра. Въ этомъ заключается самое сильное доказательство въ пользу семейнаго воспитанія для перваго возраста.... Человѣкъ, котораго дѣтство протекло подъ надзоромъ любящей, умной и просвѣщенной матери, никогда не можетъ въ той мѣрѣ утратить нравственное чувство, какъ тотъ, кто выросъ незнакомый съ благотворнымъ вліяніемъ материнской любви... Память о материнской любви долго остается у дѣтей тѣсно связанною съ движеніемъ сердца: чувство добра, уже вполнѣ пробудившись въ самыхъ дѣтяхъ, еще долго послѣ того какъ будто признаетъ зависимость своего первоначальнаго пробужденія отъ любви матери... Иногда эта память сердца сохраняется даже въ юношескомъ возрастѣ, и чѣмъ долѣе сохраняется она, тѣмъ человѣкъ безопаснѣе отъ обольщеній эгоизма, тѣмъ онъ гуманнѣе, чище, непосредственно-нравственнѣе».

Такимъ образомъ родительская любовь и въ особенности любовь матери полагаетъ первая обуздывающее начало для эгоизма ребен-

ка. Другія отношенія, окружающія его, могутъ дѣйствовать также точно и расширять въ душѣ его дѣятельность чувства добра: таковы его отношенія къ братьямъ, сестрамъ и родственникамъ вообще.

Самымъ же могущественнымъ средствомъ для воспитанія чувства добра, можетъ служить божественное ученіе Христа, гдѣ чувство это представляется въ полнѣйшемъ идеальномъ совершенствѣ; здѣсь оно высказано притомъ въ формѣ, удобопонятной и для ребенка.

Но на практикѣ не всегда пользуются средствами, съ помощію которыхъ можно сообщить правильное развитіе чувству добра, и дѣлаютъ при воспитаніи его очень много погрѣшностей.

а) Такъ, нерѣдко случается, что ребенка съ малыхъ лѣтъ пріучаютъ къ свѣтскимъ обычаямъ, заставляютъ зорко слѣдить за своимъ поведеніемъ, чтобы не сдѣлать какой-нибудь погрѣшности противъ приличія. Въ такихъ случаяхъ нравственное чувство его подчиняется вліянію ложнаго стыда или разсчетамъ разсудка.

Когда нравственное чувство ребенка слишкомъ рано подчиняютъ вліянію разсудка, то тѣмъ образуютъ въ душѣ его серьёзныя препятствія къ его духовному воспитанію. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что развитіе нравственнаго чувства въ ребенкѣ начинается съ того момента, когда ослабляется въ немъ *эгоизмъ*; между прочимъ ребенокъ, пріученный рано подчинять вліянію разсудка свое нравственное чувство, по этому одному уже можетъ сдѣлаться эгоистомъ, и привыкнетъ считать за добро только то, что можетъ принести ему пользу. «Привычка, говоритъ Толль, подвергать голосъ чувства добра повѣркѣ или критикѣ разсудка, или даже, если требованія чувства противны разсудочнымъ разсчетамъ, привычка осмѣивать всѣ сердечные порывы, всякій признакъ боязливости предъ судомъ чувства, заглушаютъ голосъ его, и мало-по-малу заставляютъ его отчасти или даже и совершенно замолкнуть. Вполнѣ разсудочные

люди не только не должны бы кичиться своею разсудительностію, но и должны почитаться такими-же калѣками, каковы слѣпые, хромые, хотя и въ другой формѣ, ибо у нихъ, какъ у этихъ послѣднихъ, не достаетъ цѣлаго ряда отправленій, необходимаго для составленія полнаго человѣческаго образа».

b) Впрочемъ, бываютъ случаи въ жизни, гдѣ чувство по необходимости сдерживается и подчиняется контролю разсудка. Это бываетъ въ человѣкѣ, который перенесъ много разочарованій въ жизни, провелъ свой нѣжный возрастъ среди чужихъ, а также и въ человѣкѣ, угнетенномъ нуждою, которая поэтому дѣятельности его сообщаетъ односторонній характеръ.

c) Также вредно на развитіе чувства добра въ ребенкѣ дѣйствуютъ наставленія и дѣтскія книги, гдѣ на каждомъ шагу поучаютъ тому, что добродѣтель награждается, а зло наказывается; подобные примѣры даютъ развитію чувству добра въ ребенкѣ превратное направленіе; воспитываемый подъ вліяніемъ такихъ примѣровъ, онъ если и привыкнетъ дѣлать добро, то будетъ дѣлать его изъ-за награды, что разовьетъ въ немъ своекорыстіе, самолюбіе, тщеславіе, и основными побужденіями его при этомъ будутъ эгоистическія. Но разрушительнѣе всего на чувство дѣйствуетъ примѣръ дурнаго общества. «Общество людей съ грязнымъ образомъ мыслей, говоритъ Шпель, съ ничтожнымъ или извращеннымъ образованіемъ, съ дурными привычками, дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ не только на молодежь, но и на взрослыхъ. Наконецъ, заманчивость наслажденія, къ которому стремится полный жизни и силы духъ юности, кипучая дѣятельность, которая, желая только простора, теряетъ границы, переходитъ въ произволъ и старается освободиться отъ строгихъ правилъ и формъ жизни, наконецъ, пламенный темпера-

ментъ, уничтожающій всѣ преграды и предосторожности, — все это — подводныя скалы, грозящія гибелью сердцу».

d) Наконецъ, привычка къ праздности и отсутствіе трудолюбія также можетъ образовать много неблагопріятныхъ обстоятельствъ для нравственнаго воспитанія. Не даромъ говоритъ пословица, что праздность мать всѣхъ пороковъ.

Приведенныя обстоятельства, способныя ослабить чувство добра, можно было бы увеличить, указавъ на другіе примѣры неправильнаго воспитанія этого чувства, неблагопріятные для его развитія; но здѣсь мы опять ссылаемся на опытъ каждаго, кто беретъ на себя дѣло воспитанія. А потому, оставивъ перечисленіе обстоятельствъ, вредно дѣйствующихъ на чувство добра, укажемъ на формы проявленія этого чувства въ тѣхъ случаяхъ, когда его воспитываютъ правильно.

Какъ скоро ограничатъ въ натурѣ ребенка господство эгоизма, то указанныя нами средства — любовь родителей, христіанское ученіе и примѣръ окружающихъ начинаютъ оказывать благотворное вліяніе на воспитаніе чувства добра въ ребенкѣ, и въ немъ развиваются *добрые навыки*, которые оказываютъ значительное вліяніе на волю его, а слѣдовательно, и на его поведеніе; мало-по-малу добро пріобрѣтаетъ господство въ натурѣ его и содѣйствуетъ развитію доброты въ его характерѣ. «Первую степень доброты, говоритъ Надеждинъ, можно назвать умѣренностію, т. е. когда человѣкъ умѣряетъ свои чувственныя влеченія, страсти, или, выражаясь иначе, силу эгоизма. Вторая степень доброты — любовь, полнота чувствъ человѣчественности; здѣсь управляетъ сердце и господствуютъ добродѣтели общественныя. Высшая степень доброты — желаніе добра для самого добра: здѣсь добро не есть дѣло одного сердца, но уже нравственной свободы, слѣдствіе не склонности, а началъ: на этой степени человѣкъ стремится къ дѣйствіямъ высшимъ, твердъ въ намѣ-

15*

реніяхъ, не страшится препятствій. На этой степени доброта становится благочестіемъ, или стремленіемъ къ добру, какъ къ исполненію воли Божіей, когда добро почитается заповѣдью Божественною и человѣкъ дѣлается непобѣдимымъ поборникомъ добра изъ любви къ Богу». Такимъ образомъ мы видимъ, что развитіе чувства добра можетъ продолжаться и въ періодъ самовоспитанія человѣка, и здѣсь многое будетъ зависѣть отъ вліяній, окружающихъ то или другое лицо, и отъ того, на-сколько глубоко развито было это чувство въ періодъ воспитанія. Поэтому, чтобы это чувство еще въ дѣтствѣ получило дѣятельный характеръ, пріобрѣло способность сохранять устойчивость и энергію въ житейской борьбѣ[1], нужно доставить ему необходимое упражненіе еще въ дѣтствѣ. Средства, способныя удовлетворить этой цѣли, указаны нами, когда мы говорили о воспитаніи въ школѣ и дома.

До сихъ поръ мы слѣдили, какой характеръ дѣятельности пріобрѣтаетъ чувство добра подъ вліяніемъ различныхъ пріемовъ воспитателя. Но кромѣ этого проявленія, чувство добра дѣйствуетъ и какъ внутренняя сила, которую мы назвали *совѣстью*. Она есть внутренній судья нашихъ намѣреній, нашихъ чувствъ и желаній. Пробудившись однажды, она остается въ натурѣ человѣка на всю жизнь. Правда, степень совершенства ея приговоровъ зависитъ отъ общаго развитія человѣка; но въ основныхъ коренныхъ началахъ нравственности приговоры ея непогрѣшительны. Бываютъ примѣры, что человѣкъ, своею порочною дѣятельностію, вызвавшій въ душѣ своей упреки совѣсти, лишается покоя, а часто и жизни; бываетъ и такъ, что человѣкъ, всю жизнь свою заглушавшій совѣсть, подвергался ея истязаніямъ передъ самою смертью. Слѣдовательно, и эта моральная сила глубоко лежитъ въ основахъ нашего духа.

Относительно воспитанія ея Толль говоритъ, что она возбуждается и упражняется тѣмъ, если пріучаютъ ребенка воспроизводить въ сво-

ихъ поступкахъ, словахъ и помышленіяхъ чистое, безотносительное моральное достоинство, не обращая вниманія на то, выгодно или невыгодно подобное поведеніе для него. Здѣсь весьма важную помощь можетъ оказать религіозное чувство самого воспитанника. Опираясь на него, воспитатель долженъ пріучать ребенка къ тому, чтобы онъ, прежде нежели начнетъ дѣйствовать или говорить, посовѣтовался бы съ своимъ нравственнымъ чувствомъ; пусть ребенокъ привыкнетъ при этомъ задавать себѣ вопросъ: не можетъ ли его поступокъ или слово повредить ближнему. Задавая себѣ этотъ и подобные вопросы, ребенокъ привыкнетъ при этомъ прислушиваться къ отвѣтамъ, которые будетъ давать ему голосъ чувства добра. Мало-по-малу чувство это сдѣлается до того чуткимъ, что будетъ предшествовать всякому дѣйствію его или слову, вслѣдствіе чего въ натурѣ его разовьется та деликатность сердца, которую часто ошибочно смѣшиваютъ съ свѣтскою деликатностію въ обращеніи, различествующею съ нею какъ въ источникѣ, такъ и въ своей цѣли. Между-тѣмъ какъ деликатность сердца проистекаетъ изъ чувства добра, свѣтская деликатность имѣетъ источникомъ обычныя приличія; тогда какъ цѣль первой – удовлетвореніе нравственной потребности, цѣль второй — угожденіе общественному мнѣнію. Деликатность чувства состоитъ въ опасеніи оскорбить въ другихъ и въ самомъ себѣ человѣческое достоинство, между тѣмъ какъ свѣтская деликатность часто избѣгаетъ оскорбленія въ другихъ честолюбія и тщеславія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что воспитаніе чувства добра представляетъ вообще много трудностей, но какъ бы онѣ ни были велики, воспитатель долженъ бороться съ ними, долженъ помнить, что сдѣлать воспитанника своего добродѣтельнымъ — есть высшая цѣль его дѣятельности, потому что добродѣтельный человѣкъ высшее благо и высшее счастіе полагаетъ въ нравственномъ совершенствѣ. Но, борясь съ этими трудно-

стями, воспитатель, говоритъ Толль, не долженъ забывать, что чувство есть единственный уголокъ нравственнаго міра дитяти, въ который проникать онъ можетъ только съ крайнею осторожностью. Ребенокъ же долженъ быть утверждаемъ въ томъ убѣжденіи, что о чувствѣ не слѣдуетъ ничего говорить, а что оно должно высказываться въ его дѣйствіяхъ, въ строѣ жизни, въ обращеніи съ людьми и животными. Въ такомъ случаѣ чувство добра, скрываемое отъ постороннихъ взоровъ, сдѣлается истиннымъ, глубокимъ и явится дѣйствующимъ началомъ въ нравственномъ мірѣ воспитанника. Такая именно дѣятельность чувства, его искренность и глубина помѣшаютъ ему переродиться въ сантиментальность, которая въ большей части случаевъ есть признакъ поверхностной натуры.

с) Воспитаніе чувства изящнаго.

Чувствомъ изящнаго называется врожденная человѣку способность сочувствовать прекрасному и избѣгать всего безобразнаго. Проявляется это сочувствіе въ человѣкѣ тогда, когда онъ уже удовлетворилъ всѣмъ своимъ матеріальнымъ нуждамъ; только въ этомъ случаѣ онъ можетъ употребить оставшійся у него досугъ на пріисканіе предметовъ, которые способны доставлять ему духовное наслажденіе, не служа непосредственно удовлетворенію его физическихъ нуждъ. Проявленія чувства изящнаго первоначально очень просты: такъ, воинъ, надѣвающій кожу льва, чтобы казаться болѣе грознымъ, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувства изящнаго; дикарь, украшающій свое тѣло, тоже обнаруживаетъ этимъ потребность удовлетворить своему чувству изящнаго.

По природѣ своей, изящное должно гармонически дѣйствовать на всѣ силы душевныя, удовлетворять ихъ всѣ. Отсюда понятно, что если силы душевныя народа или отдѣльнаго лица развиты еще слабо, то его чувство изящнаго является мало требовательнымъ

и удовлетворяется самыми слабыми произведеніями фантазіи. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ совершенствуется развитіе духовныхъ силъ человѣка, утончается въ немъ и чувство изящнаго, и то, что удовлетворяетъ это чувство на одной ступени его развитія, является недостаточнымъ на другой — высшей. Въ этомъ отношеніи исторія искусствъ представляетъ постепенное усовершенствованіе художническаго творчества, стремящагося удовлетворить постоянно развивающемуся и совершенствующемуся чувству изящнаго и эстетическому вкусу.

Къ способностямъ, посредствомъ которыхъ душа получаетъ первоначально впечатлѣніе изящнаго, относятся зрѣніе и слухъ. — Когда душевныя силы ребенка дѣйствуютъ еще слабо, то потребность изящнаго обнаруживается желаніемъ впечатлѣній, способныхъ сильно дѣйствовать на эти два чувства. Вотъ почему въ дѣтствѣ народовъ и отдѣльнаго человѣка чувство красоты удовлетворяется *блестящимъ, необыкновеннымъ*, также *звучнымъ*. Такъ, всѣмъ извѣстно, что маленькія дѣти любятъ шумъ, гулъ барабана, яркіе цвѣта, пестройные, пронзательные звуки дудочки. Впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ явленій ограничивается предѣлами воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ. Но вотъ начинаетъ работать фантазія, дѣятельность ея прежде всего возбуждается подъ вліяніемъ природы, слѣдовательно, при помощи внѣшнихъ чувствъ. Вліяніе это вообще можетъ возбуждать дѣятельность душевныхъ силъ человѣка двумя путями: или преимущественно возбуждать дѣятельность мышленія, или преимущественно фантазію. Въ первомъ случаѣ самая фантазія скорѣе становится подъ вліяніе ума, дѣйствуетъ съ нимъ совмѣстно; въ послѣднемъ же она надолго остается преобладающею силою въ душевной организаціи человѣка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ бросить взглядъ на искусства, напр., восточныхъ народовъ и европейскихъ. Тамъ

фантазія произвела чудовищные образы, которые не повторяются въ дѣйствительности, и на этомъ почти остановилась; въ Европѣ, напротивъ, въ образахъ фантазіи довольно рано обнаруживается стремленіе приблизиться къ дѣйствительности. Явленіе это находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ, что природа на востокѣ въ своихъ явленіяхъ поразительна, своею грозною дѣятельностію она способна была поражать человѣка и давать ему на каждомъ шагу чувствовать безсиліе его ума въ придумываніи средствъ овладѣть ею: на западѣ, въ Европѣ, характеръ ея иной; она представляетъ человѣку возможность бороться съ ея явленіями, поэтому умъ скоро началъ придумывать средства овладѣть ею, и сила мышленія, такимъ образомъ возбужденная, явилась достаточною для того, чтобы оказать вліяніе и на фантазію. — Когда же народъ принимаетъ болѣе стройныя формы осѣдлости, когда развивается семейная и общественная жизнь, тогда и та и другая вызываютъ разнообразную дѣятельность человѣка, обнаруживающуюся въ разнообразныхъ поступкахъ его. Одни изъ этихъ поступковъ ласкаютъ человѣка, другіе возмущаютъ. Мало-по-малу опредѣляется типъ дѣятеля благороднаго и порочнаго, и человѣкъ хочетъ и тотъ и другой типъ воспроизвести и сохранить, и совершаетъ это въ произведеніяхъ искусствъ. При этихъ новыхъ условіяхъ творчества фантазія въ своихъ произведеніяхъ тѣмъ болѣе будетъ приближаться къ истинно-изящному, чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе было впечатлѣніе, произведенное на нее картиною человѣческой жизни, чѣмъ большее число душевныхъ силъ картина эта привела въ дѣятельность. Отсюда мы можемъ заключить, что чѣмъ болѣе гармоническихъ впечатлѣній будетъ давать окружающая художника жизнь, чѣмъ разнообразнѣе она будетъ возбуждать способ-

ности его, тѣмъ и самому произведенію его фантазіи, возникшему подъ вліяніемъ ея, привьется способность полнѣе, всестороннѣе удовлетворять чувству изящнаго.

Такимъ образомъ чувство изящнаго развивается подъ вліяніемъ двухъ внѣшнихъ дѣятелей: *природы* и *жизни общественной* [1]. Теперь спрашивается: эти два дѣятеля способны ли равномѣрно развивать во всѣхъ чувство изящнаго? факты дѣйствительности даютъ на это отрицательный отвѣтъ; причину этого мы должны искать, слѣдовательно, въ природныхъ склонностяхъ того или другаго народа и въ характерѣ воспитанія того или другаго лица. Исторія искусствъ намъ показываетъ, что нѣкоторые народы преимущественно одушевлялись впечатлѣніями природы; здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить еврейскій народъ. Идея единобожія, сохраненная этимъ народомъ, была главною причиною того широкаго воззрѣнія на природу, при которомъ она представлялась не разорванною на отдѣльныя явленія, а напротивъ, въ каждомъ явленіи своемъ представляетъ результатъ совокупной дѣятельности всѣхъ силъ природы. «Поэзія еврейская, говоритъ Гумбольдтъ, рѣдко останавливается надъ единичными явленіями; ее радуетъ только созерцаніе великихъ массъ. Природа не описывается, какъ нѣчто само по себѣ существующее, просвѣтленная собственною красотой; еврейскому пѣвцу она всегда является въ зависимости отъ болѣе высшей, правящей духовной силы. Природа есть для него созданное, устроенное, живое выраженіе Божества, вездѣ присут-

---

[1] *Примѣч.* Третьимъ возбудителемъ художническаго творчества бываетъ религіозное чувство; но здѣсь основною силою бываетъ самое религіозное чувство художника, а потому и произведеніе его получаетъ особенный характеръ.

ствующаго въ созданіяхъ чувственнаго міра. Отъ этого лирическая поэзія евреевъ по самому содержанію своему величественна и исполнена торжественной важности; тамъ-же, гдѣ она касается земной участи человѣка, она становится задумчива и полна тоскливыхъ стремленій..... Можно сказать, что въ одномъ псалмѣ Давида (103) изображена картина цѣлаго космоса; вотъ содержаніе его: Господь, одѣянный свѣтомъ, развернулъ небо, какъ коверъ. Онъ основалъ земной шаръ на самомъ себѣ такъ, чтобы онъ не пошатнулся во вѣки. Воды бѣгутъ съ горъ въ долины, къ мѣстамъ имъ указаннымъ: да не выйдутъ онѣ изъ поставленныхъ имъ предѣловъ, но да напоятъ онѣ всѣхъ полевыхъ животныхъ. Птицы воздушныя поютъ, осѣненныя листьями. Полныя сокомъ стоятъ деревья Вѣчнаго. Кедры Ливана насаждены Самимъ Господомъ, птицы въ нихъ гнѣздятся, и ястребъ вьетъ свое гнѣздо въ еляхъ. Далѣе описывается всемірное море, въ которомъ кишитъ несчетная жизнь. Тамъ ходятъ корабли и шевелится чудовище, созданное Господомъ, чтобы оно играло на морѣ. Изображаются посѣвъ полей, совершаемый трудами человѣка, веселое винодѣліе и уходъ за оливковыми садами. Небесныя тѣла довершаютъ эту картину природы. Господь сотворилъ луну означать время, и солнце, знающее цѣль своего пути. Настанетъ ночь, и тогда гуляютъ всѣ дикія звѣри. Восходитъ солнце, — они опять уходятъ и помѣщаются въ своихъ логовищахъ: тогда выходитъ человѣкъ къ своей работѣ, къ своей денной работѣ до вечера.

У другихъ народовъ, напр. у грековъ, напротивъ, вездѣ на первомъ планѣ искусства стоитъ человѣкъ съ своею дѣятельностію, ландшафтъ природы является только дополняющимъ картину жизни.

То, что сказано о цѣлыхъ народахъ, можно различать и на от-

дѣльныхъ лицахъ: одни — легче одушевляются явленіями природы, другія — дѣятельностью человѣка. Но не нужно забывать и того, что не всѣ люди одинаково одарены бываютъ и способностью постигать изящное въ природѣ и дѣятельности человѣка. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить, что природа щедрѣе надѣлила чувствомъ изящнаго дѣвочекъ, нежели мальчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣвочки уже въ дѣтствѣ любятъ чистоту, чувствительны ко всему, что можетъ возбуждать отвращеніе, съ раннихъ лѣтъ пріобрѣтаютъ скромность въ манерахъ, умѣютъ придать себѣ граціозность и ловкость въ обращеніи даже въ томъ возрастѣ, когда молодой человѣкъ еще неловокъ. Такимъ обр., мы видимъ, что женщина, по естественнымъ своимъ склонностямъ, способна внести въ общественную жизнь деликатность тона, смягчить грубость нравовъ и въ такомъ случаѣ можетъ имѣть весьма важное общественное значеніе. Но, къ несчастію, эти природныя ея свойства искажаются превратнымъ воспитаніемъ; послѣднее разрушительно дѣйствуетъ на женскую натуру двумя путями: или *извращаетъ самое чувство изящнаго*, или *ослабляетъ его вліяніе на женскую натуру, воспрепятствовавъ его развитію неправильнымъ и неестественнымъ воспитаніемъ другихъ душевныхъ способностей.*

1. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы дать надлежащее развитіе чувству изящнаго въ женщинѣ, къ чему она получаетъ много данныхъ отъ природы, его обращаютъ на наряды и вообще на пустыя украшенія. Въ послѣднемъ случаѣ чувство изящнаго вступаетъ подъ вліяніе тщеславія и при этомъ теряетъ свои естественныя свойства, не можетъ развиться глубоко, чѣмъ уничтожается въ немъ способность благотворно дѣйствовать на натуру женщины. Оно подчиняется вліянію чужаго вкуса и переходитъ въ аффектацію. Подобному направленію чувства изящнаго мо-

жетъ способствовать особенная заботливость о роскоши дѣтскаго платья, что такъ часто случается въ жизни.

2. Другая причина, ослабляющая въ женщинѣ чувство изящнаго, есть неправильное развитіе ея душевныхъ способностей, при которомъ утрачивается въ ней женственность. Такъ, глубокія размышленія, особенно преждевременно употребляемыя, нарушаютъ гармонію въ женской натурѣ и вредятъ правильности развитія въ ней чувства изящнаго. «Утомительныя изученія, говоритъ Кантъ, тяжелыя разысканія, какъ-бы далеко ни простирала ихъ женщина, всегда изглаживаютъ преимущества свойственныя ея полу. Для женщины, говоритъ онъ далѣе, никогда не нужно образованія холоднаго, отвлеченнаго; все въ ихъ образованіи должно быть основано на чувствѣ». Слѣдовательно, пріемы образованія женщины должны быть иные, нежели какіе необходимы для мальчиковъ; здѣсь нужно дѣйствовать преимущественно на чувства и на воображеніе; здѣсь, слѣдовательно, преподаваніе должно по возможности сохранять образность.

Поэтому, если женственность имѣетъ огромное значеніе въ общественной жизни, о чемъ мы уже упомянули и въ чемъ никто не сомнѣвается, то необходимо оберегать ее посредствомъ правильнаго воспитанія въ дѣвочкахъ чувства изящнаго.

Сравнительно слабѣе надѣлены чувствомъ изящнаго мальчики, и въ нихъ на развитіе этого чувства вообще мало обращаютъ вниманія, но за-то оно гораздо рѣже въ нихъ искажается и потомъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легче развивается въ глубину, что рѣдко случается съ тѣми изъ дѣвочекъ, у которыхъ чувство изящнаго воспитано передъ зеркаломъ, на модныхъ картинкахъ.

Припомнимъ теперь вкратцѣ все сказанное о чувствѣ изящнаго: a) оно воспринимается нами первоначально посредствомъ зрѣнія и слуха, а потомъ посредствомъ воображенія; b) впечат-

лѣнія изящнаго доставляются намъ природой и человѣческою дѣятельностью; с) чѣмъ болѣе развиты душевныя способности, тѣмъ глубже постигается изящное и тѣмъ полнѣе будетъ его осуществленіе въ искусствахъ; d) не всѣ люди бываютъ одинаково склонны отъ природы къ пониманію изящнаго; дѣвочки болѣе одарены въ этомъ отношеніи, чѣмъ мальчики, но воспитаніе часто искажаетъ въ женщинѣ чувство изящнаго.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, изложимъ правила воспитанія этого чувства. Такъ-какъ на возбужденіе его дѣйствуютъ внѣшніе предметы, и возбуждается это чувство первоначально при посредствѣ зрѣнія, то поэтому *необходимо озаботиться, чтобы въ комнатахъ, гдѣ живетъ ребенокъ, было бы всегда опрятно;* самымъ лучшимъ и притомъ дешевымъ украшеніемъ дѣтской могутъ служить *цвѣты;* только не нужно оставлять ихъ въ этой комнатѣ на-ночь, если ребенокъ въ ней спитъ. *Птичка,* особенно изъ породы пѣвчихъ, также не лишняя въ комнатѣ дитяти.

Потомъ, имѣя въ виду развитіе чувства изящнаго, необходимо пріучать ребенка къ опрятности и держать въ порядкѣ свои волосы и платье; если въ ребенкѣ замѣчается небрежность въ этомъ отношеніи, то, чтобы отучить его отъ этого, лучше всего поднести его къ зеркалу и показать, какъ много теряетъ его наружность, когда онъ не умытъ и не причесанъ. То-же самое можно дѣлать, чтобы отучить ребенка отъ гримасъ и рѣзкихъ тѣлодвиженій.

Слѣдуетъ также пріучать ребенка *всегда просто и къ лицу одѣваться.* Привычка эта, кромѣ того, что развиваетъ въ ребенкѣ чувство изящнаго, внушаетъ ему и уваженіе къ своему человѣческому достоинству, нѣкоторую благородную смѣлость въ обращеніи, и содѣйствуетъ пріобрѣтенію ловкости и граціи тѣлодвиженій; но нужно при этомъ руководить ребенка такъ, чтобы онъ всѣмъ этимъ старался удовлетворить собственному чув-

ству изящнаго, а не мнѣнію другихъ людей. Поэтому костюмъ его, при простотѣ, долженъ быть всегда одинаковъ и въ праздникъ и въ будни, и дома и въ гостяхъ.

Далѣе, когда лѣтомъ ребенокъ бываетъ въ лѣсу или въ полѣ, то *можно учить его плести вѣнки, подбирать букеты цвѣтовъ* и украшать ими свой незатѣйливый нарядъ. Но нужно при этомъ избѣгать, чтобы кто-нибудь не высказывалъ похвалъ ребенку за его убранство, потому что это можетъ развить въ немъ тщеславіе и суетность.

Во время лѣтнихъ прогулокъ, *можно водить ребенка въ такія мѣстности, гдѣ природа является особенно въ блескѣ, величіи и прелести.*

Съ тою-же цѣлію *могутъ быть употребляемы картины* и *статуи;* разумѣется, этимъ средствомъ слѣдуетъ пользоваться тогда, когда предшествующія упражненія вышеизложенными способами уже произвели надлежащій результатъ — сообщили чувству изящнаго извѣстную долю воспріимчивости и дѣятельности.

Но кромѣ зрѣнія, чувство изящнаго возбуждается въ душѣ еще при посредствѣ слуха и воображенія, а потому укажемъ, каковы должны быть воспитательные пріемы въ этихъ случаяхъ. Мы уже упомянули, какое благотворное вліяніе въ этомъ отношеніи на ребенка можетъ имѣть правильно спѣтая колыбельная пѣсня; еще большее значеніе на развивающійся слухъ дитяти можетъ имѣть и *музыка вообще.* Когда посредствомъ нея слухъ дитяти получитъ развитіе, правильное направленіе и нѣсколько укрѣпится, можно его самого *начинать обучать музыкѣ;* первоначальнымъ средствомъ для этого могутъ служить дѣтскія пѣсни, а потомъ и другія, отличающіяся простыми мотивами. Начинать обученіе ребенка музыкѣ съ пѣнія имѣетъ то преимущество, что при этомъ его органы дыханія находятъ надлежащее упражненіе; кромѣ того, зву-

ки, осмысленные понятным образом для ребенка словами, дѣлают самое пѣніе для него пріятным занятіем. Конечно, уроки пѣнія не должны заходить слишком далеко; нужно при этом ограничиваться пріученіем ребенка управлять своим голосом на-столько, на-сколько необходимо для того, чтобы он мог выполнять несложные мотивы. Когда же дитя будет доведено до этой степени умѣнья, и при этом не окажется в нем особенных природных дарованій к усовершенствованію этого умѣнья, то можно перейдти к обученію его инструментальной музыкѣ. Выгода подобной методы в обученіи музыкѣ состоит в том, что ребенок, привыкши пѣть маленькія піесы, уже будет в состояніи находить соотвѣтствіе между звуками и содержаніем, а потому в нем легче, при обученіи его инструментальной музыкѣ, разовьется способность понимать музыку, сознательно относиться к тому или другому сочетанію звуков.

Конечно, при этом воспитаннику необходимо *доставлять случаи слышать удовлетворительное исполненіе піес*, а особенно тѣх, которыя он сам начинает изучать; это даст ему возможность вѣрнѣе судить о характерѣ піесы, а слѣдовательно и самого его пріучить к болѣе безукоризненному ея исполненію.

По мѣрѣ того, как такими средствами развивается в ребенкѣ чувство изящнаго, воспитатель должен слѣдить и за тѣм, на-сколько это чувство пріорѣло способность оказывать вліяніе на его натуру вообще; это он может опредѣлять по характеру костюма его, по степени его опрятности, по манерам и наконец по степени деликатности его в обращеніи с другими лицами. Но чтобы воспитанник все это проявил в своем поведеніи, воспитатель должен доставить ему извѣстную долю свободы, — доставить возможность во всем этом поступать под вліяніем самодѣятельности;

съ этою цѣлію можно доставить ребенку возможность сдѣлать себѣ костюмъ по своему вкусу; далѣе, если воспитатель замѣчаетъ въ немъ некрасивыя, рѣзкія манеры, то долженъ ему указать на это и пріучать его самого исправлять ихъ, а не вырабатывать въ немъ манеръ посредствомъ особенной дрессировки, что дѣлается такъ не рѣдко; потому что въ последнемъ случаѣ ребенкомъ усвоенныя манеры остаются принадлежностію внѣшности и не имѣютъ внутренняго основанія въ его эстетическомъ чувствѣ, и ребенокъ, владѣющій такимъ путемъ пріобрѣтенными манерами, напоминаетъ собою автомата. Поэтому, гораздо лучше для развитія граціозности движеній въ воспитанникѣ пользоваться такими средствами, которыя могутъ доставить разныя искусства, каковы — танцы и сценическое искусство.

Гораздо болѣе трудностей представляетъ эстетическое воспитаніе воображенія, если разсматривать его какъ способность, непосредственно воспринимающую впечатлѣнія изящнаго безъ содѣйствія зрѣнія и слуха. Средствомъ для эстетическаго воспитанія ребенка здѣсь служитъ поэзія. Какъ же ею нужно пользоваться для воспитанія эстетическаго чувства?

Прежде всего съ этою цѣлію слѣдуетъ пользоваться такими поэтическими произведеніями, въ которыхъ типы дѣйствующихъ лицъ являлись бы съ такими поступками, которые дѣлали бы характеры ихъ удобопонятными для дѣтей. Историческое развитіе литературы можетъ помогать воспитателю дѣлать надлежащій выборъ. *Сказочный герой*, поэтому, *можетъ быть первоначально лучшимъ образцомъ для эстетическаго воспитанія воображенія.* Онъ легко понимается дѣтьми; но чтобы этотъ типъ рельефнѣе напечатлѣлся въ воображеніи ребенка, необходимо, чтобы при изображеніи его посредствомъ слова была и картина, которая притомъ изображала бы его дѣйствующимъ въ такіе моменты его жиз-

ни, которые болѣе всего опредѣляютъ его натуру. Потомъ, такъ-же точно *могутъ быть употреблены поэтически изображенные историческіе герои.* За-тѣмъ можно переходить къ литературнымъ произведеніямъ, гдѣ поступки дѣйствующихъ лицъ являются результатомъ сложныхъ психическихъ процессовъ, почему и характеры ихъ представляютъ болѣе сложное явленіе, но для выясненія такихъ характеровъ предварительно необходимо, чтобы духовныя силы, составляющія извѣстный характеръ, проявлялись въ дѣйствіи драматически. Тутъ надлежащую помощь воспитателю можетъ *оказать сценическое искусство.* Конечно, выбирать необходимо такія піесы, которыя бы не оскорбили въ воспитанникѣ нравственнаго чувства. Поэтому хорошо бы было, если-бы въ обществѣ при выборѣ удовольствій утвердился обычай отъ времени до времени составлять спектакли для взрослыхъ дѣтей.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, дѣйствуя на эстетическое воспитаніе воображенія посредствомъ поэтическихъ произведеній, необходимо типамъ литературныхъ героевъ давать по возможности такую форму и обстанавливать такими условіями, чтобы они дѣйствовали совмѣстно и на внѣшнее чувство. Когда воображеніе путемъ такихъ упражненій усвоитъ себѣ способность безъ помощи только-что исчисленныхъ нами средствъ отчетливо представлять образы лицъ, являющихся дѣятелями въ поэтическихъ произведеніяхъ, то дальнѣйшее развитіе чувства изящнаго облегчится. Не слѣдуетъ только, пользуясь поэтическими произведеніями, во 1-хъ, *давать дѣтямъ отрывковъ, отдѣльныхъ сценъ,* хотя-бы они были и художественны, такъ-какъ они не способны создать въ воображеніи дѣтей полнаго типа героя, выяснять характеръ дѣйствующаго лица; поэтому статьи, помѣщенныя въ христоматіяхъ, очень могутъ помогать при преподаваніи литературы, но не могутъ служить тѣмъ-же при развитіи въ дѣтяхъ эстетическаго чувства,

потому что красота отрывка может дать понятіе о поэтической картинѣ только уже развитому чувству изящнаго, которое въ такомъ видѣ трудно предположить въ дѣтяхъ. Кромѣ того, только являясь во всей полнотѣ своей дѣятельности лице, созданное поэтомъ, можетъ рельефно нарисоваться въ воображеніи воспитанника.

Во 2-хъ, *не слѣдуетъ дѣтямъ давать каррикатурныхъ, сатирическихъ сочиненій*, а также *сочиненій, изображающихъ пошлость жизни*, потому что подобныя книги дадутъ ребенку мрачный взглядъ на міръ и людей, разочаруютъ его рано въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя составляютъ силу и мощь юношескаго возраста и сверхъ того разрушительно подѣйствуютъ на чувство изящнаго, потому что это чувство у ребенка еще слабо; оно требуетъ для своего развитія образовъ идеально-прекрасныхъ, и только когда это чувство надлежащимъ образомъ окрѣпнетъ подъ вліяніемъ положительно-прекраснаго, можно подвергать его вліянію и отрицательно-прекраснаго. Также вредно, хотя и въ другомъ отношеніи, дѣйствуютъ на развитіе чувства изящнаго *произведенія незрѣлыя, исполненныя фразёрства и пустоты*. Преувеличенность, напыщенность образовъ и картинъ, извращая у дитяти чувство изящнаго, дѣйствуетъ на него разрушительно.

Наконецъ, окончательное воспитаніе чувства изящнаго можетъ совершиться подъ вліяніемъ исторіи искусствъ. Къ несчастію, на эту отрасль познаній почти не обращаютъ вниманія въ воспитаніи. Исторія искусствъ могла бы принести огромную пользу особенно женскому воспитанію.

D) Воспитаніе религіознаго чувства.

Религіознымъ воспитаніемъ, говоритъ Дежерардо, облагораживаются въ самомъ источникѣ всѣ наклонности человѣка, потому

черезъ него онъ вступаетъ въ обладаніе своимъ истиннымъ достоинствомъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни было низко его званіе, каковы бы ни были его зависимость и немощность, онъ найдетъ въ своихъ отношеніяхъ къ Творцу то величіе, которое возвыситъ его въ общественномъ мнѣніи.

Хотя и религіозное чувство врождено человѣку, но глубина и совершенство его въ значительной долѣ зависитъ отъ степени развитія чувства истины, добра и красоты. «Чувство изящнаго, чувство истины и чувство добра, говоритъ Толль, слившись въ одну цѣлостную форму духовнаго бытія, составляетъ то, что составляетъ религіозное чувство». Чувство это, будучи развито, въ свою очередь возвышаетъ всѣ остальныя чувства. Нравственное ученіе становится проще; вліяніе нравственныхъ истинъ могущественнѣе дѣйствуютъ на ребенка, когда онъ сознаетъ, что онѣ суть выраженіе Божественной мудрости. Къ тому-же нигдѣ такъ высоко, такъ широко не выразились чувства истины и добра, какъ въ ученіи Евангелія и въ св. писаніи вообще; въ немъ-же мы находимъ самое высокое, самое чистое и религіозное чувство. Поэтому, въ немъ воспитатель найдетъ превосходнѣйшее средство для воспитанія, вмѣстѣ съ религіознымъ чувствомъ, чувства истины и добра, независимо отъ средствъ, уже указанныхъ нами. Воспитаніе этого чувства должно начаться съ первыми проблесками сознанія въ ребенкѣ. Ребенокъ видитъ вокругъ себя прекрасный Божій міръ и изъ устъ матери узнаетъ, что все это есть созданіе Творца. Отъ нея-же онъ долженъ узнать о любви Бога къ человѣку. Теплое искреннее слово нѣжной матери глубоко можетъ запасть въ душу дитяти. Для выясненія ребенку благости, премудрости, всемогущества и другихъ совершенствъ Божіихъ должна служить священная исторія. Нужно только разсказамъ изъ этой исторіи сообщить по возможности

характеръ наглядности и драматизма. Изъ этихъ разсказовъ уяснится передъ ребенкомъ исторія благодѣяній Бога, которыми Онъ окружилъ человѣка. Разсказы о сотвореніи міра, о пребываніи Адама въ раю, жертвоприношеніе Исаака, о судьбѣ Іосифа, о призваніи Моисея, необыкновенно возбудятъ любопытство ребенка и вмѣстѣ ясно покажутъ ему руку Промысла, приходящаго на помощь человѣку въ его добрыхъ дѣлахъ. Исторія еврейскаго народа вся полна неистощимаго интереса и прекрасно можетъ обнаружить благость Бога. Разсказы о пророкахъ, вмѣстѣ съ религіознымъ чувствомъ, поселятъ въ ребенкѣ глубокую любовь къ истинѣ, за которую такъ геройски стояли всегда пророки. Красота изображенія природы въ псалмахъ Давида, особенно въ книгѣ Іова, будетъ воспитывать въ ребенкѣ чувство эстетическое.

Исторія Новаго Завѣта нагляднымъ путемъ научаетъ ребенка христіанской нравственности. Распространяться о добромъ, возвышающемъ натуру человѣка вліяніи св. писанія нѣтъ надобности: всякій это болѣе или менѣе испыталъ на себѣ. Необходимо только съумѣть воспользоваться этимъ высокимъ воспитательнымъ средствомъ; замѣтимъ при этомъ, что всѣ эти разсказы изъ священнаго писанія могутъ сдѣлать болѣе сильное впечатлѣніе на ребенка, если къ нимъ присоединить и рисунки.

Наконецъ, самъ преподаватель Закона Божія въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ воспитаннику долженъ быть исполненъ кротости. Онъ долженъ быть не учителемъ только, а преимущественно воспитателемъ. Онъ не долженъ заботиться только о томъ, чтобы сообщить знаніе Закона Божія, но о томъ, чтобы это знаніе оказывало надлежащее дѣйствіе на развитіе въ ребенкѣ чувства религіознаго. Слѣдовательно, неумѣренная строгость и взыскательность въ преподавателѣ Закона Божія болѣе можетъ принести вреда, нежели пользы. «Будемъ, говоритъ Де-

жерардо, представлять дѣтямъ религіозныя истины въ духѣ любви и кротости, такъ чтобы онѣ внушали довѣренность, радовали и пріятно успокоивали ихъ; устранимъ отъ этихъ понятій всякій мрачный видъ, который могъ бы навести ужасъ на дѣтей. «Научимъ питомцевъ своихъ этой внутренней молитвѣ, свободно изливающейся прямо изъ сердца во всякое время жизни, когда представляется намъ мысль о Богѣ..... Пусть они гнушаются лицемѣріемъ, этимъ ужаснымъ святотатствомъ!... Пусть чистосердечная правдивость, исполненіе своего долга будутъ всегда, по ихъ искреннему убѣжденію, самымъ лучшимъ средствомъ благословлять и чтить Бога: религія да будетъ для нихъ и училищемъ нравственности и источникомъ счастія».

V. ВОСПИТАНІЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ.

Способность эта, высказываясь въ поступкахъ, является предъ воспитателемъ болѣе опредѣленною силою, нежели чувство; но воспитаніе ея представляетъ необыкновенно сложное и трудное дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, на направленіе дѣятельности этой способности имѣетъ огромное вліяніе, съ одной стороны, душевная и физическая организація человѣка, складъ его способностей и отношенія между ними, а съ другой, внѣшнія вліянія, окружающія человѣка. Слѣдовательно, по мѣрѣ развитія воспитанника, увеличиваются и затрудненія для управленія его волею. Но затрудненіе это значительно будетъ ослаблено, если первоначальное воспитаніе шло разумно, если съ самаго начала воспитанія натуру ребенка достаточно изучили и если высшимъ началамъ и стремленіямъ его сообщена надлежащая энергія, а низшія заблаговременно подавлялись. Но чтобы способъ дѣятельности воспитанія, необходимый въ этомъ случаѣ, получилъ надлежащую ясность, мы должны представить въ краткомъ очеркѣ постепенное развитіе желательной способности.

Въ очеркѣ психологіи мы упомянули, что воля въ своемъ развитіи представляетъ три ступени: природное влеченіе, свободу и характеръ.

а) Первоначально душевная дѣятельность ребенка вообще находится въ тѣсной зависимости отъ его физической природы. Волю ребенка, дѣйствующую при этихъ условіяхъ, мы назвали *природнымъ влеченіемъ.* Отсюда само собою понятно, что первоначальное воспитаніе воли должно быть соединено съ воспитаніемъ физическимъ. На нѣкоторые пріемы воспитанія, необходимые въ этомъ случаѣ, мы указывали въ разныхъ мѣстахъ и прежде; будемъ же теперь слѣдить за постепеннымъ развитіемъ воли, и разсмотримъ, въ какихъ періодахъ этого развитія умѣстно употребленіе того или другаго воспитательнаго пріема.

Самую первоначальную причину, возбуждающую волю, составляютъ физическія потребности: голодный или больной ребенокъ заявляетъ объ угрожающей ему опасности своимъ крикомъ. Но, какъ мы видѣли, крикъ ребенка не всегда имѣетъ подобную причину; поэтому уже здѣсь, поступая неосмотрительно, можно положить начало неправильному воспитанію воли. Въ самомъ дѣлѣ, если мать, не обративъ вниманія на то, имѣетъ ли крикъ ребенка какую-нибудь причину или нѣтъ, и начнетъ его или кормить или ухаживать за нимъ, то легко можетъ развить въ немъ привычку къ капризамъ и упрямству.

Скоро, по мѣрѣ пробужденія душевныхъ силъ ребенка, въ немъ обнаруживаются разныя стремленія: онъ старается обнять любимую имъ мать, завладѣть тою или другою вещію и проч. (Объ этихъ стремленіяхъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ). Въ это время по возможности слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы не раздражать ребенка, а также не дѣлать его свидѣтелемъ споровъ и брани. Если же что-нибудь раздражаетъ ре-

бенка, то слѣдуетъ эту причину удалить, и обратить его вниманіе на предметъ, способный его отвлечь отъ перваго впечатлѣнія.

Когда въ ребенкѣ окрѣпнетъ дѣятельность его внѣшнихъ чувствъ, то на возбужденіе воли его съ этого времени, кромѣ его физической природы, оказываютъ сильное вліяніе *внѣшнія впечатлѣнія*. Съ этого времени, слѣдовательно, возбудителями воли являются *два дѣятеля: внѣшній дѣятель — впечатлѣнія отъ окружающей дѣйствительности*, и *внутренній — природныя склонности ребенка.*

1. Впечатлѣнія внѣшняго міра могутъ различнымъ образомъ дѣйствовать на натуру ребенка:

Во 1-хъ. Впечатлѣнія, если они будутъ слабы, не способны въ достаточной степени возбуждать дѣятельность душевныхъ способностей. Въ этомъ случаѣ, какъ мы говорили уже прежде, слѣды отъ этихъ впечатлѣній будутъ очень слабыми, и въ душѣ ребенка является неясность сознанія.

Во 2-хъ. Впечатлѣнія, получаемыя ребенкомъ, могутъ вполнѣ соотвѣтствовать его душевнымъ силамъ, вполнѣ удовлетворять ихъ стремленіямъ. Въ этомъ случаѣ душевныя силы ребенка вполнѣ насыщаются этими впечатлѣніями, и ребенокъ испытываетъ довольство. Въ этомъ случаѣ сознаніе ребенка будетъ ясное.

Въ 3-хъ. Впечатлѣнія не только могутъ вполнѣ удовлетворять и наполнять стремленіе способностей ребенка въ данную минуту, но еще возбуждать въ нихъ новое стремленіе повторить эти впечатлѣнія: значитъ, оно доставляетъ удовольствіе. Если подобныя пріятныя впечатлѣнія повторяются, то стремленіе къ нимъ усиливается и принимаетъ опредѣленное направленіе къ предмету, производящему ихъ.

Въ 4-хъ. Впечатлѣнія, слишкомъ долго дѣйствуя на душу ре-

бенка, могутъ мало-по-малу пересилить стремленіе его способностей, такъ сказать, надоѣсть имъ. Въ этомъ случаѣ происходитъ утомленіе способностей, которое выражается скукою, усталостью, бездѣйствіемъ.

Наконецъ, въ 5-хъ. Нѣсколько впечатлѣній очень сильныхъ разомъ могутъ дѣйствовать на основы душевныхъ способностей ребенка. Въ этомъ случаѣ впечатлѣнія разрушительно дѣйствуютъ на способности.

Эти различные способы дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на душевныя способности дитяти должны быть приняты во вниманіе при воспитаніи желательной способности.

Изъ сказаннаго видно, что изъ исчисленныхъ нами пяти способовъ дѣйствія впечатлѣній на душевныя способности, только *второй и третій способъ дѣйствуютъ живительно*, т.е. пріятно; напротивъ, всѣ предметы, оставляющіе въ насъ слабыя или утомляющія и раздражительныя впечатлѣнія, не могутъ намъ нравиться, удаляютъ насъ отъ себя, и мы отъ нихъ отвращаемся. Вотъ, слѣдовательно, какимъ путемъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, образуется у насъ стремленіе къ предмету и отвращеніе отъ него.

2. Но вмѣстѣ съ этимъ внѣшнимъ возбудителемъ на волю дитяти дѣйствуетъ и другой: его образуютъ въ душѣ ребенка внутреннія стремленія, которыя, какъ мы сказали, зависятъ отъ естественныхъ склонностей его. Слѣдовательно, и по характеру внутреннихъ стремленій къ тому или другому предмету мы можемъ судить о свойствахъ физической природы дитяти и о степени вліянія на нихъ душевныхъ силъ его. Поэтому, дѣло воспитанія въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы улучшать въ ребенкѣ самыя стремленія и сдѣлать ихъ такими, чтобы они способны были привести его къ нравственному совер-

шенству. Если же ребенокъ будетъ въ этомъ случаѣ предоставленъ самому себѣ, то въ немъ весьма легко низшія стремленія пріобрѣтутъ перевѣсъ надъ высшими. Руководство воспитателя въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимо, что стремленія получаютъ въ-послѣдствіи бо́льшую устойчивость и напряженность и преобразуются въ такія силы, которыми уже воспитаніе не въ состояніи будетъ овладѣть. Это происходитъ такимъ образомъ: если повторяется часто одно и то-же желаніе и постоянно осуществляется, то сила этого желанія увеличивается и притомъ такъ, что сначала образуется *расположеніе* къ какому-нибудь желанію, потомъ *склонность* къ нему; эта склонность потомъ усиливается и обращается въ *страсть*. Поэтому, повторяемъ, воспитаніе воли должно начаться съ тѣхъ поръ, какъ обнаружатся въ ребенкѣ расположенія и при этомъ необходимо наблюдать за процессомъ ихъ перерожденія въ склонность и страсть; нѣкоторыя изъ этихъ склонностей должно заблаговременно ослабить, другія же совершенно уничтожить. Но, чтобы руководить этимъ психологическимъ процессомъ дитяти, нужно знать, какія условія содѣйствуютъ большей или меньшей силѣ желаній.

Мы видѣли уже, что для образованія въ душѣ нашей какого-нибудь желанія, необходимо, чтобы душевныя способности были пріятно возбуждены тѣми или другими впечатлѣніями. Сила этихъ впечатлѣній будетъ зависѣть отъ свойствъ самаго предмета желаній и отъ степени чувствительности душевныхъ способностей: чѣмъ большею воспріимчивостію будутъ отличаться эти способности, тѣмъ скорѣе въ нихъ должны произойдти пріятныя впечатлѣнія, если со стороны свойствъ самаго предмета нѣтъ къ этому препятствій. Этимъ можно объяснить, почему люди бездарные не могутъ имѣть сильныхъ страстей, хотя у нихъ и развиваются склонности. Итакъ, причины, содѣйствующія усиленію

желаній заключаются въ степени воспріимчивости душевныхъ способностей, и въ способности самаго предмета производить болѣе или менѣе сильныя впечатлѣнія. Воспитаніе должно имѣть и первую и вторую причину при развитіи воли. Если та и другая причины дѣйствуютъ съ достаточною силою, то желаніе перерождается въ стремленіе повторять впечатлѣнія разъ испытанныя. Стремленія, разсматриваемыя съ точки зрѣнія чувства добра, какъ мы сказали, бываютъ высшія и низшія: первыя имѣютъ цѣлію благо ближняго, вторыя благо личное. Такъ-какъ низшія легко могутъ развиваться и безъ посторонней помощи и часто до крайности, то воспитаніе главнымъ образомъ должно сосредоточить свое вниманіе на развитіе и воспитаніе высшихъ.

Воспитаніе это должно начаться съ того, чтобы ослабить вліяніе физической природы на духовную, т. е. сообщить тѣмъ стремленіямъ, которыя направлены къ осуществленію личнаго блага такой характеръ, при которомъ стремленіе къ личному благу не вредило бы благу другихъ или не дѣйствовало бы разрушительно на духовную природу ребенка. Чтобы съ большею ясностію опредѣлить здѣсь необходимые воспитательные пріемы, слѣдуетъ перечислить тѣ первоначальныя стремленія, которыя прежде всего образуются въ ребенкѣ часто неуловимымъ для наблюдателя образомъ.

Самое первоначальное изъ низшихъ стремленій есть *стремленіе къ питанію*, безъ удовлетворенія которому человѣкъ не можетъ существовать. Стремленіе это, оставленное безъ воспитанія, легко можетъ перейдти въ крайность и превратиться въ сластолюбіе, обжорство и другіе виды чувственности. Въ этомъ видѣ стремленіе это образуетъ часто непреодолимыя препятствія для нравственнаго воспитанія воли. Поэтому, нужно ребенка съ малыхъ лѣтъ пріучать употреблять пищу, только какъ средство

къ поддержанію здоровья, слѣдовательно, необходимо пріучать къ умѣренности и простотѣ пищи. При этомъ, значительную помощь можетъ оказать тотъ характеръ воспитанія вкуса, на который мы указали, но конечно въ такомъ только случаѣ, если этому не будетъ противудѣйствовать примѣръ окружающихъ.

Второе сильное стремленіе въ нашей натурѣ есть *стремленіе къ самосохраненію.* Первоначально оно есть природное чувство, имѣетъ цѣлію — охраненіе жизни, и въ этомъ случаѣ оно называется *инстинктомъ*, а потому тѣсно связано съ только-что названнымъ стремленіемъ къ питанію. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи стремленіе къ самосохраненію не ограничивается только защитою жизни, что образуетъ въ человѣкѣ храбрость и отвагу, но простирается также на защиту своихъ убѣжденій и идей. Въ послѣднемъ случаѣ поведеніе человѣка будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе развитіе его душевныхъ силъ: если въ человѣкѣ сильно развиты разумъ и нравственность, то онъ смѣло и энергически защищаетъ все истинное и доброе. Исторія представляетъ много примѣровъ подобныхъ дѣятелей. Но та-же исторія представляетъ много и противуположныхъ качествъ: они развиваются въ человѣкѣ тогда, когда разумъ человѣка развитъ слабо, чувства истины и добра не оказываютъ надлежащаго дѣйствія на поведеніе его, и въ-замѣнъ всего этого воцаряются въ человѣкѣ болѣзненное честолюбіе и самообольщеніе. Въ такомъ случаѣ человѣкъ съ дерзостью отстаиваетъ ложныя мнѣнія и дурные поступки, и все поведеніе его получаетъ характеръ произвола. «Кто не подчиняетъ своей воли, говоритъ Шнель, вліянію разума и справедливости, тотъ будетъ или слабымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, или притѣснителемъ и тираномъ самого себя и другихъ, — и это случается даже съ дѣтьми..... Человѣкъ, руководствую-

щійся только произволомъ, говоритъ онъ далѣе, похожъ на корабль безъ руля во время бури».

Но нерѣдко случается, что инстинктъ самосохраненія получаетъ иное направленіе и переходитъ въ противуположную крайность; въ такомъ случаѣ у человѣка развиваются боязливость, нерѣшительность, страхъ и отчаяніе. Это можетъ происходить или отъ слабости нервной системы и общаго здоровья человѣка, и преимущественно является въ меланхоліи, или отъ неправильнаго воспитанія; въ послѣднемъ случаѣ это бываетъ тогда, когда душевнымъ силамъ ребенка не давали никакого простора, слишкомъ подавляли его силы тяжелыми умственными трудами, мало поощряли его успѣхи, или слишкомъ неразумно оскорбляли его самолюбіе. Поэтому, если въ ребенкѣ замѣчается особенная робость, то необходимо кроткимъ и ласковымъ обращеніемъ возбудить въ немъ смѣлость и довѣріе къ своимъ силамъ; нужно выбирать для него работу, которую онъ легко могъ бы исполнить. Къ развитію такой-же робости и нерѣшительности въ душѣ человѣка приводитъ стремленіе къ самосохраненію, какъ мы видѣли, и тогда, когда въ натурѣ человѣка беретъ перевѣсъ фантазія, и въ душѣ его образуются несбыточныя стремленія: испытавъ неудачу нѣсколько разъ, человѣкъ дѣлается нерѣшительнымъ.

Изъ всего сказаннаго объясняется само собою, какъ нужно при воспитаніи руководить инстинктомъ самосохраненія.

Третье стремленіе, замѣчаемое очень рано въ ребенкѣ, есть *стремленіе къ разрушенію*. Оно тоже первоначально имѣетъ чисто эгоистическій характеръ: ребенокъ хочетъ уничтожить все, что ему сопротивляется. Если оно сохранитъ такой характеръ и при дальнѣйшемъ развитіи ребенка, то въ немъ разовьется злоба, мстительность и жестокость, способная выразиться въ серьёзныхъ преступленіяхъ. Поэтому, стремленію этому заблаговременно нужно со-

общить такой характеръ, чтобы оно направлено было на искорененіе зла, въ этомъ случаѣ можно пользоваться, какъ средствомъ, воспитаніемъ нравственнаго и религіознаго чувства.

Рано также замѣчается въ ребенкѣ *стремленіе къ скрытности.* Первоначально оно имѣетъ неопредѣленный характеръ и можетъ происходить отъ различныхъ причинъ: или отъ сосредоточенности ребенка на явленіяхъ, происходящихъ въ его сознаніи, или отъ природной скромности, или отъ робости его вообще, отъ чего онъ рѣдко высказываетъ то, что въ немъ происходитъ. Но если скрытность явится результатомъ испорченности натуры и неправильнаго, неблагоразумнаго воспитанія, то она представляетъ очень серьёзное и опасное явленіе въ натурѣ дитяти. Она переходитъ въ коварство, въ ложь, лицемѣріе и другія отвратительныя качества. Чтобы устранить такой переходъ этого стремленія въ скрытность, нужно пользоваться правильнымъ, разумнымъ развитіемъ чувства истины и религіознаго. Пусть ребенку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что отъ Бога скрыть нельзя ничего, и что, обманывая людей, онъ не можетъ обмануть Бога. Впрочемъ, извѣстная доля скрытности должна быть сохранена въ человѣкѣ. Ему часто ввѣряются какія-нибудь тайны, раскрытіе которыхъ можетъ повредить или профанировать лице, ему ихъ довѣрившее: излишняя болтливость и неумѣренная откровенность представляютъ весьма неудобное качество въ общежитіи.

Далѣе, рано въ дѣтяхъ также обнаруживается *стремленіе къ пріобрѣтенію.* Сначала на это стремленіе не оказываетъ никакого вліянія право собственности; ребенокъ безразлично стремится овладѣть всякою вещію. Но потомъ, когда у него являются игрушки и вещи, собственно назначенныя для него, въ немъ зараждаются начала понятія о правѣ собственности. На разви-

тія этого начала и должна быть сосредоточена дѣятельность воспитанія. Оно должно уяснить ему, что пріобрѣтеніе собственности стóитъ труда, и что богатство человѣкъ пріобрѣтаетъ не ради богатства, а только какъ средство, способное удовлетворять его нуждамъ и помогать ближнимъ. Чтобы послѣднее назначеніе богатства сильнѣе напечатлѣть въ натурѣ ребенка, необходимо пріучать его дѣлиться съ другими дѣтьми своими игрушками и лакомствами, направляя особенно этотъ родъ благотворительности въ пользу бѣдныхъ дѣтей. Если же въ ребенкѣ обнаружится наклонность къ жадности и скупости, то нужно всѣми силами ей противодѣйствовать.

Наконецъ, *стремленіе къ привязанности* преимущественно развивается подъ вліяніемъ тѣхъ симпатическихъ условій, которыми окружаетъ ребенка родительская любовь. На этомъ стремленіи основываются первоначально отношенія семейныя, а потомъ и общественныя. О томъ, какъ руководить этимъ стремленіемъ,—мы уже сказали, говоря о домашнемъ воспитаніи и о воспитаніи въ школѣ.

Итакъ, вотъ въ общихъ чертахъ формы проявленія и характеръ дѣятельности желательной способности въ тотъ періодъ ея развитія, когда она находится преимущественно подъ вліяніемъ физической природы человѣка. Говоря объ нихъ, мы старались указать на пріемы, которыми нужно руководствоваться, чтобы подчинить эти стремленія вліянію душевныхъ силъ человѣка.

b) Чѣмъ успѣшнѣе въ этомъ случаѣ будетъ дѣйствовать воспитатель, тѣмъ совершеннѣе будетъ вторая степень дѣятельности воли — свобода. По существу своему, свобода есть процессъ борьбы высшихъ стремленій въ натурѣ человѣка съ низшими. Слѣдовательно, здѣсь самую важную роль играютъ характеръ отношеній, установившихся уже между душевными силами, и степень

энергіи высшихъ и низшихъ стремленій. Хотя такое состояніе душевныхъ силъ совпадаетъ уже съ юношескимъ возрастомъ, но и здѣсь часто необходима посторонняя помощь для того, чтобы пріучить воспитанника отдавать высшимъ стремленіямъ предпочтеніе предъ низшими, другими словами — необходимо воспитаніе. Роль воспитанія въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы уяснить воспитаннику, на-сколько сообразно съ натурою человѣка то или другое стремленіе и на-сколько оно можетъ соотвѣтствовать практической пользѣ или вредить обществу. Слѣдовательно, для правильнаго развитія свободы необходимо пріучать воспитанника къ самообладанію, съ одной стороны, и къ изученію жизни—съ другой.

Говоря о воспитаніи въ школѣ, мы упомянули, какія средства при этомъ можетъ доставить школьная дисциплина, и какъ она дѣйствуетъ на усовершенствованіе поведенія воспитанника. Вообще же говоря, это самый трудный моментъ въ дѣлѣ воспитанія; отъ промаховъ его въ это время можетъ зависѣть свойство характера воспитанника. Поэтому необходимо, какъ мы уже сказали, разумно руководить самыми первоначальными стремленіями ребенка, чтобы заблаговременно образовать въ немъ склонность отдавать предпочтеніе высшимъ стремленіямъ предъ низшими. Такъ-какъ стремленія, проявляемыя воспитанникомъ въ это время, бываютъ уже чрезвычайно многосложны, потому что на образованіе ихъ имѣютъ вліяніе болѣе сложныя сочетанія физическихъ и душевныхъ его силъ; то сгруппировать ихъ не такъ легко, какъ это мы сдѣлали, говоря о первоначальныхъ стремленіяхъ ребенка, а потому воспитаніе здѣсь не можетъ пользоваться спеціальными средствами, а употребляетъ въ дѣло такіе воспитательные пріемы, которые способны своимъ

вліяніемъ охватить всю натуру воспитанника. Къ образованію этихъ пріемовъ могутъ служить слѣдующія средства:

1. Родительская любовь. Какъ ею пользоваться, это сказано нами прежде.

2. Такъ-какъ свобода развивается въ такомъ возрастѣ, когда душевныя силы воспитанника отличаются значительнымъ развитіемъ, то можно дѣйствовать, при воспитаніи свободы, на нихъ и стараться, хотя это и представляетъ много трудностей, въ случаѣ дурнаго поступка воспитанника *возбудить въ немъ раскаяніе*, дѣйствуя при этомъ или на чувство религіозное, или на чувство нравственное, или на разумъ, или на все вмѣстѣ, если только воспитатель можетъ разсчитывать на то, что во всѣхъ этихъ способностяхъ ребенка онъ можетъ найдти опору. Возбужденіе раскаянія, что иногда сдѣлать очень трудно, нѣсколько облегчается тѣмъ, что оно тѣсно связано съ стыдливостію; и дѣйствительно, пробудивъ въ ребенкѣ чувство стыда, можно разсчитывать вмѣстѣ и на возбужденіе раскаянія. Принимая во вниманіе, что стыдливость можетъ играть такую важную роль, необходимо заботиться о ея развитіи тотъ-часъ, когда къ этому окажутся въ развитіи ребенка средства; развить какъ можно раньше это качество въ ребенкѣ нужно еще и потому, что оно въ-послѣдствіи служитъ основаніемъ для развитія чувства чести; поэтому, развивши стыдливость, нужно съ нею обращаться какъ можно осторожнѣе. Это правило нерѣдко упускается изъ виду при воспитаніи. Такъ, случается весьма часто, что способность ребенка краснѣть обращается въ предметъ забавы: ребенокъ, сдѣлавъ дурной поступокъ, какъ скоро увидитъ, что это извѣстно другимъ, краснѣетъ; воспитатель долженъ бы этимъ и ограничиться, но онъ идетъ далѣе и требуетъ еще, чтобы онъ словесно сознался въ этомъ. Подобнымъ неосторожнымъ поведеніемъ воспитателя это чувство можно при-

тупить или исказить и такимъ образомъ легко подвергать серьезнымъ поврежденіямъ нравственную природу ребенка.

a) Далѣе, при воспитаніи свободы, можно дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ: на чувство религіозное, когда оно уже достаточно будетъ развито, потому что оно можетъ утвердить господство высокой нравственности надъ волею ребенка. Простота и понятность христіанской морали можетъ представить прекрасное руководство для самаго воспитанника; онъ, и при незначительной помощи со стороны воспитателя, можетъ находить въ христіанскомъ ученіи отвѣты на то, какъ ему нужно вести себя въ томъ или другомъ случаѣ. Кромѣ того, христіанскія начала, глубоко проникая въ душу ребенка, сами по себѣ воспитываютъ его, совершенствуютъ его натуру, обуздываютъ эгоизмъ, а потому и возбуждаютъ волю его къ высшимъ стремленіямъ; любовь къ ближнему сдѣлается основою дѣятельности воспитанника. Для того, чтобы дать возможность проявляться этой любви къ ближнимъ, можно пользоваться естественнымъ стремленіемъ ребенка къ привязанности. Противъ этого правила тоже весьма часто погрѣшаютъ, особенно при домашнемъ воспитаніи, лишая дѣтей сообщничества, запирая ихъ дома. Отъ этого у дѣтей развивается нерѣдко самообольщеніе, недовѣрчивость къ другимъ, незнаніе дѣйствительной жизни и неспособность къ ней; слѣдовательно, развиваются качества, совершенно противоположныя тѣмъ, какія поселяетъ въ нихъ христіанское ученіе. Это затворничество дѣтей нѣкоторые оправдываютъ тѣмъ, что будто оно предохраняетъ ихъ отъ дурнаго вліянія испорченныхъ дѣтей. Но это не совсѣмъ справедливо. Дурные нравы часто проникаютъ къ дѣтямъ, не смотря на ихъ затворничество, и дѣйствуютъ очень гибельно, потому что получаютъ для нихъ характеръ новизны. Притомъ стремленіе къ сообщничеству принадлежитъ къ сильнѣйшимъ стремленіямъ на-

шей натуры; его подавить нельзя; вотъ почему дѣти, разлученныя съ своими сверстниками, проводятъ время часто въ переднихъ, гдѣ они нерѣдко знакомятся съ такими пороками, которыхъ, по свойству уже самаго дѣтскаго возраста, не могутъ имѣть самыя испорченныя дѣти. Къ этому припомнимъ еще то, что мы говорили, говоря о домашнемъ и общественномъ воспитаніи, — какое вліяніе сообщничество товарищей имѣетъ на развитіе воли и характера воспитанника; въ обществѣ товарищей онъ получаетъ возможность, на глазахъ воспитателя, подъ его наблюденіемъ, проявить въ дѣятельности тѣ начала, которыя въ немъ возбуждаются воспитаніемъ.

b) Потомъ, когда въ воспитанникѣ будутъ укрѣплены достаточно чувства истины, добра и красоты, тогда и ихъ вліянію можно подчинять волю воспитанника и его дѣятельность и такимъ образомъ внести въ его поведеніе правдивость, доброту и деликатность.

c) Наконецъ, когда разумъ воспитанника пріобрѣтетъ надлежащую возмужалость, то воспитатель въ немъ найдетъ самую опредѣленную и энергическую силу для воспитанія свободы воспитанника; здѣсь средствомъ для него можетъ служить убѣжденіе.

Изъ этого перечисленія средствъ для воспитанія воли, мы видимъ, что они тѣ-же, о которыхъ мы упоминали нѣсколько разъ, говоря о нравственномъ и религіозномъ воспитаніи. Не нужно только забывать того правила педагогики, по которому, для развитія новаго качества въ душѣ воспитанника, нужно главнымъ образомъ опираться на образованную уже въ немъ вліятельную силу прежде, и притомъ на-столько, на-сколько она способна оказать требуемое вліяніе. Такъ, изъ только-что изложенныхъ средствъ для воспитанія свободы, мы видимъ, что руководить

ею нужно такъ, чтобы сначала дѣятельность воспитанника подчинялась вліянію тѣхъ условій, которыя порождаютъ отношенія дѣтей къ родителямъ и въ помощь къ которымъ прилагается еще и физическая власть; потомъ поведеніе ребенка должно подчиняться вліянію христіанской нравственности, далѣе вліянію чувствъ интеллектуальныхъ и красоты, и наконецъ уже вліянію собственнаго разума воспитанника. При послѣдовательности въ развитіи вліяній на натуру воспитанника перечисленныхъ средствъ, дѣятельность его будетъ пріучаться охватывать и проявлять всѣ душевныя его силы, а потому и будетъ отличаться полнотою. Но нерѣдко случается, что очень рано, когда натура ребенка еще бѣдна развитіемъ и владѣетъ только слабымъ мышленіемъ, пріучаютъ его въ своихъ поступкахъ руководствоваться разсчетами разсудка; отъ подобнаго пріема въ воспитаніи на-всегда можетъ поселиться въ ребенкѣ господство эгоизма, вмѣстѣ съ чѣмъ сдѣлается невозможнымъ его нравственное воспитаніе. Въ самомъ дѣлѣ, случается часто встрѣчать молодыхъ людей, которые смотрятъ стариками, у которыхъ, всякій имѣетъ право сказать, не было молодости. Характеры этихъ людей отличаются эгоизмомъ, своекорыстіемъ, притворствомъ. Натура ихъ одностороння, чувства развиты превратно, однимъ словомъ — они являются нравственными уродами. Поэтому, въ воспитаніи воли нужно держаться такого правила, что дѣйствіе собственнаго разума воспитанника на поведеніе его нужно возбуждать уже тогда, когда развиты въ душѣ съ достаточною полнотою другія способности и когда, поэтому, онѣ способны оказать должное вліяніе на дѣятельность воспитанника. Воспитатель же долженъ своимъ руководствомъ установлять необходимую гармонію между всѣми силами души ребенка. Осуществленію этой послѣдней цѣли можетъ помогать установленіе правильныхъ отношеній между воспитаніемъ и обученіемъ. Установивъ гармонію въ отношеніяхъ

между душевными способностями воспитанника, мы можемъ развить въ немъ способность — въ жизни и дѣятельности являться человѣкомъ вполнѣ со всѣми дарами, которыми надѣлило его Провидѣніе; и только такимъ путемъ можно достигать цѣли воспитанія—*направить волю воспитанника къ развитію въ себѣ стремленія къ Божественному совершенству.*

3. Такимъ-то воспитаніемъ, которое возбуждаетъ всестороннюю дѣятельность воспитанника, можно подготовлять въ немъ развитіе и болѣе совершеннаго характера, что̀ *образуетъ третью ступень въ развитіи воли;* окончательное же образованіе характера совершается въ періодъ его самовоспитанія, въ періодъ зрѣлаго возраста человѣка. Здѣсь дѣятельною вліятельною силою является уже жизнь общественная и частная. Условія, которыя отсюда проистекаютъ для того или другаго воспитанія характера, составляютъ чрезвычайно любопытный вопросъ въ соціальныхъ наукахъ, а потому изслѣдованіе его не входитъ въ науку о воспитаніи.

Конецъ первой части.

2007043332